

Екатерина Сказка

Золотые
ручки

роман

Annotation

Фельдшер скорой медицинской помощи — Мирослава Ручкина, проживающая с полуглухим дедом в аскетичной однокомнатной квартире на окраине, даже не подозревала, что совсем скоро жизнь накроет её водопадом эмоций и страстей, спастись от которых не поможет ни подруга-гот, ни грузчик-стилист Савелий. Так смогут ли золотые ручки Ручкиной не растеряться и найти свою вторую половину и судьбу?

Екатерина Морозова

Золотые ручки

Пустые глазницы черепа некогда радостно бегающего козла уставились на меня с осуждением.

— Ну ладно, признаю. Может я немного переборщила. Всё-таки он мой начальник, — уже менее уверенно пробормотала я.

Оторвав взгляд от костяной черепушки рогатого животного, печально лежащей на столе, я посмотрела на подругу. Закончив расчесывать свои красивые длинные волосы цвета воронова крыла, Мэнди достала из ящика письменного стола черный лак, приступая к очередной покраске своих идеально острых ногтей.

Не смотря на разный облик и характер, мы с Мэнди дружим с детских лет. В те далекие времена, в небольшой песочнице во дворе многоэтажного дома, две маленьких девочки с огромными бантами на головах и кремово-розовых платьицах старательно лепили куличики. С тех пор прошло более двадцати лет, а я, распрощавшись лишь с куличиками, так и продолжила носить женственные платьица и туфли на каблукках, тогда как Мэнди, в отличие от меня, разительно переменилась, представив миру жгучую брюнетку, не вылезавшую из черных балахонов, со странными увлечениями, вроде упомянутого черепа парнокопытного животного.

Что же может объединять простую медсестру станции скорой медицинской помощи и девушку-гота, спросите Вы? Многое, даже то, что кроме неудавшейся личной жизни, мы обе обладали оригинальными именами.

Мэнди было всегда легко вывести из себя, зная её настоящее имя. Только я одна, да бывшие одноклассники и сокурсники подруги знали, что её зовут более приземленно. Но хуже всего было то, что окончательно сломав неокрепшую детскую психику полным гардеробом розовых платьиц и туфелек с золотыми пряжками, родители наградили дочь не только комплексом «розовой феи», но и окончательно отбили охоту одеваться в любую одежду кроме как черного цвета.

— Забудь это имя. С этого дня я — Мандрагора! — в один прекрасный день, с торжественным видом, зайдя в комнату, сообщила мне подруга.

— Ого, по мне уж лучше твоё прежнее имя. Роза Морозова мне даже нравится, но вот Роза Михайловна — согласна, звучит немного жутко, — я безоружно улыбнулась подруге.

— Дура ты, Славка. Мандрагора — это растение, при помощи которого получали магическое зелье, придающее сил, — пояснила Роза.

— Ну, из лепестков розы вряд ли зелье можно получить, но на ароматическое масло и духи вполне можно рассчитывать, — я не удержалась от смеха, глядя на надувшуюся Розочку, вообразившую себя какой-то там Мандрагорой.

Надо сказать, что и это имя к подруге не прижилось, за исключением её странной компании готов. Из-за сложно выговариваемого наименования, для более приземленных лиц она стала просто Мэнди.

Мэнди Морозова всегда представляла собой вулкан страстей. Дух противоречия, с kloкочущим водопадом эмоций в груди. Но стоило ей выйти за пределы своей квартиры, как девушка нацепляла на лицо маску равнодушия с легким оттенком презрения ко всему. «Оборотень в юбке» — шутливо называла я подругу. Лишь изредка я поддразнивала её

Розой, но и она в долгу не оставалась, и, не смотря на то, что все друзья и родные называли меня Мирой, для Мэнди я бесменно оставалась Славой, Славиком и Славушкой.

Да, да. Зовут меня Мирослава Ручкина. Выбирая профессию медработника, все еще долго потешались надо мной, что с такой фамилией непременно надо становиться массажистом, но я выбрала достойнейшее занятие — помогать людям в любое время суток. Наверное, на это повлияла моя мать, которая всю жизнь вела себя прямо таки противоположным образом. Работая актрисой драматического театра, по молодости загуляв от коллеги по труппе, Елена Евгеньевна Ручкина родила ребенка, оставив его единственному родственнику — своему отцу, а сама, благополучно окрутив бизнесмена, уже как почти двадцать лет живет на Лазурном побережье, неспешно попивая французское вино, лишь изредка направляя нерегулярные денежные средства для поддержания жизнеспособности дочери и престарелого отца.

Мэнди оторвалась от созерцания ставших глянцево-черными ноготков и изрекла:

— Ну, то, что ты ему подсыпала пургена в чай — это крайне мелочный, недостойный медработника поступок, но я тобой даже горжусь. Наконец-то ты хоть на что-то решилась, — девушка посмотрела на сидящую напротив нее блондинку в изящном лимонном платье.

Я неловко улыбнулась, испытывая при этом страшные угрызения совести. Арнольд Феоктистович Сафонов, начальник подстанции скорой медицинской помощи, где имеет честь работать и Ваша скромная слуга, вот уже полгода, не дает мне прохода. Навязчивые приставания Арнольда Феоктистовича, за вытянутую худощавую фигуру и длинный нос, гордо прозванного нашим дружным коллективом «Пипетка», уже порядком надоели. Он под разными предлогами оставлял меня после работы, пытался затащить в подсобку и даже умудрился пройтись по выпуклым местам моего тела своими горячими потными ладонями. Пипетка был коварен и при каждом удобном случае напоминал, что он мой начальник, и, соответственно, для меня он «царь и Бог».

И вот сегодня, после того, как Арнольд Феоктистович обнаглел настолько, что выходя из кабинета, ущипнул меня за бедро, я не стерпела. Самое ужасное, что уйти работать куда-либо еще для меня означало сразу же болезненное и слезное прощание с медициной, поскольку, несмотря на низкую оплату труда, рабочих мест в городе и так не хватало. Попросив у лаборантки Любочки, аналогично жаждущей кровавой мести, уже обласканной Пипеткой до меня, порцию крепкого слабительного без запаха и вкуса, в рекламе которого производитель обещал моментальный эффект: «Наше слабительное слабит мягко и нежно, даже не нарушая сна», я осторожно сыпанула полпакетика средства в травяной чай Арнольда Феоктистовича, не предусмотрительно оставленного им на моем столе. Я успела почти вовремя, как вслед за распахнутой дверью услышала голос своего мучителя:

— Ах, душенька, так вот где я чай оставил. Спрятала его от меня, проказница! — Пипетка подмигнул мне правым глазом, в результате чего его кончик нос забавно затрясся.

Я натянуто улыбнулась, а Арнольд Феоктистович, отхлебнув из кружки ароматного чайка, закину ногу на ногу, присел на краешек стола, за которым сидела его «душенька».

— Уже почти конец смены, — посмотрев на часы, растягивая слова, как будто со скрытым намеком, произнес Пипетка. — Мирослава, вы подготовили отчеты по выездам?

— Да, Арнольд Феоктистович, все отчеты еще с обеда лежат у Вас на столе, — нервн вздрогнув, я вспомнила ту огромную кипу бумаг, которую пришлось заполнять с самого утра.

— Все — все? — уточнил мучитель, продолжая попивать свой любимый травяной чай, о пользе которого для мужского здоровья ходили легенды.

Я хотела съязвить, ответив, что подготовлены отчеты даже на те вызовы, которые еще не приняты, но отвечать не пришлось, поскольку внезапно глаза Арнольда Феокистовича расширились, а в животе странно заурчало.

Поставив кружку на стол, и бросив напоследок: «На сегодня свободны», Пипетка стремительно выбежал в коридор, и я могла бы поспорить на всю свою годовую зарплату, что знала, куда он направляется.

Мы с Любой прыснули от смеха, и мое прекрасное расположение духа присутствовало вплоть до самого дома Розы. Но в красках описав этот потрясающий случай подруге, я поняла, какую глупость натворила.

— Уволит. Нет, точно уволит, — взявшись руками за голову, сказала я.

— погоди еще паниковать, не убьет же он тебя. А увольнение, может и не совсем плохой выход из твоей ситуации, — философски заметила Мэнди.

— Ты не понимаешь, нам с дедом и так денег еле хватает, а если я останусь без работы, то нам придется нашу черепаху сожрать от безвыходности, — трагически пробормотав эти слова, я продолжала изучать узор на потертых тапках Мэнди, прекрасно дополняющих мой летнее платье.

— Не усугубляй, утро вечера мудренее, так что раз уж сделала, то теперь смирись и перестань бояться, — закончив маникюр, подруга подула на свои черные ногти, чтобы лак быстрее высох, и спросила: — Лучше расскажи, как там Игнат поживает.

Игнат, бывший ухажер Мэнди, был постоянной темой наших с ней разговоров, потому как мне «посчастливилось» работать с ним в одном корпусе. Игнат любил свою работу медбрата, но еще больше он любил экстраординарных, не похожих на других, девушек. Мэнди не оценила порыв brutального Игната, который в белом халате напоминал скорее героя боевиков, чем сотрудника скорой медицинской помощи, и отказала ему в его искренних порывах. «Не хочу быть очередной зверушкой в его коллекции» — говорила она, но постоянно интересовалась, как там поживает её «суженый».

— Игнат теперь встречается с байкершей, — я с удовольствием перевела тему с несчастного Пипетки в более приятное русло разговора. — Стал носить кожаную «косуху», мощные ботинки и даже захотел себе сделать тату.

Мэнди рассмеялась совсем не готическим смехом и уточнила:

— А как же его любительница рептилий, у которой дома проживало не менее двух десятков разнообразных змей и один крокодил Гоша?

— Осталась в прошлом, после того, как Игнат решил сделать ей приятное и увековечил Гошу, который приказал всем долго жить, в виде кожаной сумки для любимой. Но его ненаглядная почему то не оценила стараний парня, и вышвырнула его вещи из своей квартиры, не забыв и о крокодиловой сумке. Игнат её переделал и теперь даже на работу с ней ходит. Сумка, кстати, отменная вышла, — в деталях рассказала я подруге об очередной неудавшейся любви нашего мачо.

Мэнди еще долго не могла успокоиться, представляя себе образы любвеобильного ухажера с крокодиловой сумкой через плечо. А я, смеясь вместе с ней над бедным Игнатом, на время даже забыла о глобальной катастрофе, ожидающей меня в следующую смену на работе.

В подъезде нашей старенькой хрущевки было сыро и темно. Подземельную идиллию нарушала только мигающая лампочка «Ильича», бережно повернутая руками электрика к потолку.

Как же страшно возвращаться одинокой молодой девушке домой в столь поздний час! Любой шорох нагнетал обстановку, и казалось, что стоит лишь войти в подъезд, как дверь за тобой захлопнется, и ты попадешь в ловушку цепких рук какого-нибудь озабоченного маньяка. Словно читая мои мысли, дверь за спиной действительно хлопнула, заставив холодок пробежаться по коже.

Я обернулась. Позади меня, в свете мерцающей лампочки, возник устрашающий мускулистый силуэт огромного мужчины, который мрачной стеной неотступно надвигался на меня. Вскрикнув «мамочки», я истерично прижала сумку к груди и забилась в угол подъезда, свободный от почтовых, испорченных временем и малолетками, ящиков.

— Конечно «мамочки»! Я такого ужаса уже давно не видел, — бархатным баритоном заговорила со мной мускулистая скала. — Мир, ну надо совсем уработаться, чтобы надеть это роскошное платье насыщенного лимонного цвета, подчеркивающего нежный тон твоей кожи, с этими мерзкими рыжими босоножками. Ты что, не знаешь, что эти цвета совершенно не сочетаются?

— Савелий, ты что ли? — страх, наконец, стал отступать.

— Нет, совесть твоя, которой ты напрочь лишена. Что за сумка? Вы поглядите, какой эталон бездарности и дешевого пошива она носит в своих изящных руках! — продолжала возмущаться теперь уже узнанная мной, гора.

Савелий являлся моим соседом, и, по совместительству, достопримечательностью всего подъезда. Выросшая в семье инженера и продавщицы мясного отдела продуктового магазина, эта здоровенная тридцатипятилетняя детина обладала незаурядными способностями к моде и стилю. Но, поскольку, Савелий, как настоящий мужчина, любил одевать и раздевать красивых женщин, а не худосочных юношей с пухлыми губами, прорваться на светящийся голубыми переливами Олимп модной индустрии соседу было очень и очень непросто. И поскольку «Мода — модой, а кушать хочется всегда», наш Савушка, как ласково мы его величали, подрабатывал грузчиком, по ночам разгружая на складах новоприбывшие коробки с мебелью и другими вещами.

Я окончательно отошла от шока, и слегка пошатываясь на ватных ногах, подошла к Савелию. Он, как, впрочем, и всегда, выглядел изумительно. Даже с перемазанным какой-то грязью и мазутом рабочим комбинезоном, Сава смотрелся джентльменом. Из кармашка темно-синего комбинезона выглядывал аккуратным уголком белоснежный платок с вензелями, а элегантная рубашка с закатанными на три четверти рукавами, прилегающая к его рельефному и твердому, как камень, торсу, своей расцветкой отвечала самым последним тенденциям моды.

— Ну и напугал же ты меня! Не гневайся, Савелий, — попросила я соседа. — Просто я не выпалась и одевалась с утра как попало, — признаваться Саве в том, что я намеренно надела этот «рыжий ужас» на ноги я поостереглась, опасаясь за свою жизнь и здоровье.

Высокий шатен улыбнулся ослепительной улыбкой и сказал:

— Ладно, работа у тебя тяжелая, на этот раз прощаю. Только в следующий раз, относись

к внешнему виду серьезно, а то так в девках и помрешь, никто замуж не возьмет.

Услышав последнее высказывание Савы, я фыркнула, ответив:

— А нужно ли замуж, Савушка? Если там так хорошо, почему тогда сам не женишься? — поставила я в тупик любящего поучать стилиста.

Савелий небрежным движением заправил прядь чуть длинноватых шелковистых волос себе за ухо и задумчиво произнес:

— Моё призвание — это мода. Когда я встречу свою Музу, я непременно женюсь, не задумываясь ни на секунду, — в тот момент мужчина был так хорош, что я, сама залюбовавшись соседом, подумала о том, что его избраннице безумно повезет.

Искренне пообещав, что я буду тратить на сборы с утра не менее получаса, вместо обычных десяти минут прихорашиваний, я распрощалась с Савелием, заходя в своё жильё.

Маленькая, аскетичного вида однокомнатная квартирка, располагалась на последнем этаже пятиэтажного жилого дома, позволяя вдоволь насладиться видом на верхушки деревьев с небольшого, но уютного балкона.

Мой родной дед Григорий сидел в кресле-качалке, с гордым видом смотря в телевизор, где с самого утра по новостям показывали одни войны и стихийные бедствия.

— Привет, де! Лучше бы ты мыльные оперы смотрел, — подойдя к деду, я чмокнула его в затылок.

Григорий Иннокентьевич, одетый «с иголочки» в идеально выглаженную белую сорочку и вязаную жилетку, несмотря на то, что за окнами стояла обескураживающая июльская жара, повернулся ко мне, и, раскрыв свой полу беззубый рот, с улыбкой, проговорил:

— Мирочка, детка. Как хорошо, что ты пришла. А то я уже волноваться стал, ночь ведь уже на дворе.

Забота деда всегда трогала меня до слез. Бывший военный, он пережил свою безвременно скончавшуюся жену уже почти на десять лет, но по-прежнему хранил теплые воспоминания о своей подруге жизни. И пусть дочка у них, говоря на чистоту, вышла никудышная, он души не чаял в своей любимой внучке, о которой заботился всю её сознательную жизнь. Из-за почтенного возраста, дед стал немного подглуховат. Это не доставляло нам больших проблем, но порой, общаться с дедом Гришей было очень сложно. Я чувствовала себя эскимосом, пытающимся понять людей с «Большой Земли».

— Дед, а ты ел тарталетки? — спросила я у родственника, посмотрев на аппетитные мучные изделия с мясной начинкой, приготовленные мной накануне.

— Табуретки? Зачем мне есть табуретки? Я что, совсем с ума сошел? Пусть бобры древесину грызут! А твои мясные штучки получились очень даже вкусными, — закончил возмущаться дедушка.

Хоть поел, и то, Слава Богу! Черепаха большими грустными глазами смотрела на меня сквозь стекло аквариума. На очередной мой День рождения, Мэнди подарила мне маленького черепашонка, которого я гордо назвала Анфиса, но время шло, черепашка подросла, а вместе с ней и определенная часть её тела, в результате чего, наш домашний питомец сменил имя, превратившись из Анфисы в Афанасия.

Афанасий, взглядом голодного мужчины, продолжал пристально за мной наблюдать, надеясь получить в качестве жалкой подачи, хотя бы кусок капустного листа.

— Дедуль, а ты Афоне морковку давал? — отводя взгляд от буравящего взора черепаших глаз, спросила я.

— Какую парковку? — пытался понять меня дед.

— Мор-ков-ку, — уточнила я по слогам.

— А, — улыбнулся дедуля. — Не давал, ему нельзя газировку.

Стукнув себя ладонью по лбу, я накормила оголодавшего Афанасия морковкой, который словно утилизатор «сточил» всё оранжевое лакомство, и, довольный, отвалился в сон. «Всё, как и в жизни», — подумала я. «Получил своё, и я сразу потеряла для него всякий интерес, до следующего кормления».

— Внуч, тут по телевизору показывали, да и объявление в подъезде висит, что завтра будет проходить собрание в защиту нашего парка от строительства в нем Ледового дворца. Я стар уже, а ты сходи обязательно! Нечего последние деревья позволять рубить, — попросил дед Гриша, которому я не смогла отказать, хотя гораздо приятнее провела бы завтрашний вечер, рыдая под любимый романтический фильм.

Горемычно вздохнув, я печально побрела с ноутбуком на балкон, поскольку однокомнатная квартира не позволяла совмещать политические интересы деда и мои девичьи желания. Я надеялась, что обязательно смогу и расширить жилплощадь, и вставить долгожданные зубы деду, главное ведь мечтать. Только отчего то непрошенные соленые слезы, готовые вырваться наружу, уже стучались в глаза.

* * *

Выходить на работу в погожий субботний день совершенно не хотелось. Натянув на себя черную «траурную» рубашку и тёмно-синюю юбку-«карандаш», я так, чтобы меня ненароком не заметил Савелий, выскочила на улицу. Второй раз из модной схватки с нашим соседом мне точно живой не уйти.

В кабинете было подозрительно тихо. Даже обычно сидевшая за своим столом в углу комнаты Любочка отсутствовала. Всё это не сулило ничего хорошего. Я уже мысленно представляла себе, как в кабинет врывается разгневанный Пипетка и под белы ручки выкидывает меня в коридор с последующим увольнением без выходного пособия. Накинув на плечи свой привычный белый халат, я стала ожидать часа расплаты. А он все не наступал и не наступал. Разгневанного начальства я так и не дождалась, зато была отправлена вместе с новым доктором на вызов к пенсионерке с повышенным артериальным давлением. Величественный Зураб Арменович, лет сорока от роду, родом с Кавказских гор, оказался очень приятным собеседником, со своеобразным чувством юмора.

Объезжая пробки, слушая непрекращающуюся ругань водителя Василия, мы, наконец, добрались до шестнадцатиэтажного дома в центральном районе города. Дом был построен лет десять назад, но выглядел совсем новым и обладал четырьмя лифтами. Подойдя к одному из грузовых, Зураб Арменович философски заметил:

— Как всё же удобен грузовой лифт: мебель поднять, гроб опустить, — я закашлялась, представив себе подобное «удобство» лифта, и зашла в слабоосвещенную кабину.

Подниматься нам предстояло на восьмой этаж, но лифт, доехав до третьего, подозрительно скрипнул и остановился. Прождав еще минуту в полной тишине, в надежде, что железный «конь» вновь загромыхает, поднимая нас на нужный этаж, мы осознали, что дела наши плохи, и мы по-настоящему застряли. Внезапно Зураб Арменович впал в настоящую истерику, и, раскачивая лифт, стремительно передвигаясь от стенки к стенке,

стал причитать:

— У меня клаустрофобия! Я ненавижу замкнутые пространства! Что же с нами будет? — метался он, словно загнанный тигр в клетке.

Несмотря ни на что, упрямый лифт не хотел «заводиться».

— Зураб Арменович! Всё хорошо. Дышите глубже! Нас обязательно вытащат, — схватив его за руку, я стала глубоко дышать носом, выдыхая ртом, пытаюсь настроить врача на нужный лад.

Оценив, как грудь под белым халатом симпатичной медсестры томно вздымается в такт её глубокому дыханию, Зураб взял себя в руки и перестал паниковать.

— Надо позвонить в ремонтную службу, — быстро сориентировался он.

Достав из кармана брюк мобильный телефон, Зураб Арменович стал набирать цифры, указанные на небольшой табличке рядом с кнопками, но оказалось, что в лифте почти не ловит сеть.

— Черт! — выругался врач. — Первый день на работе и такое! — он принялся передвигаться по кабине лифта, задирая руку с телефоном высоко над головой, пытаюсь увеличить наши шансы на спасение.

Надо сказать, что лифты в этом доме были сделаны на славу: высокие потолки и толстые стенки устройства не позволяли нам выбраться в шахту, хотя эта идея изначально была не совсем привлекательной.

— Залезай! — скомандовал Зураб Арменович, присаживаясь на корточки, готовый принять меня к себе на плечи.

Я непонятливо на него уставилась, и он со вздохом пояснил:

— Сейчас будем сеть ловить. В правом верхнем углу есть шанс её найти.

Скинув туфельки, я встала на импровизированную подножку из скрещенных рук Зураба Арменовича и, пошатываясь, забралась к нему на плечи, вцепившись руками в густую шевелюру врача. Смущаться из-за задранной юбки было некогда, ведь призрак свободы уже замаячил на горизонте. Гладкий материал врачебного халата нещадно скользил, и с каждым мгновением, я сползала всё ниже и ниже. Врач закричал, пытаюсь удержать меня в одном положении. «Надо худеть», — с тоской подумала я глядя на него но, обнаружив на экране мобильного устройства целых две палочки зоны действия сети, радостно вскрикнув, стала вновь набирать спасительный номер телефона.

Не знаю, чем мы с новеньким врачом не угодили Богам, но по воле каких-то небесных сил, наш день с самого утра обещал стать провальным, поскольку с таким трудом дозвонившись, я услышала в трубке лишь механический женский голос автоответчика, сообщающий о том, что с заявками на починку лифта можно обратиться в понедельник, так как суббота и воскресенье в ремонтной конторе — выходные дни. В довершение ко всему, батарейка на моем телефоне окончательно разрядилась, а телефон Зураба, к нашему катастрофическому невезению, оказался без денежных средств на счету. На последние копейки, мы успели позвонить лишь на работу, сообщив, где находимся и в какое угнетающее положение мы попали.

За шесть часов сидения в прямоугольной кабине лифта, больше походившей из-за тяжело переносимой жары на сауну, я изучила каждую надпись на её стенах, а также успела услышать от Зураба, который стал уже родным, историю его семьи и как весело и шумно гуляют свадьбы на Кавказе, истекая слюнками при описании национального рецепта праздничного барашка.

Чувствуя, что совсем немного и на месте Зураба напротив меня я буду видеть кудрявого сочного барана, и, поняв, что паника скоро доберется и до меня, впиваясь своими острыми когтями в моё пересохшее горло, я услышала два мужских голоса и один женский по ту сторону кабины. Зураб Арменович тоже оживился, и, вскочив на ноги, стал кричать и звать на помощь.

Железо заскрежетало и, меж плотно закрытыми до этого дверьми кабины, образовалась небольшая щёлка, из которой нам в лицо ударил яркий свет камеры, после чего через проем, в лифт протиснулся небольшой микрофон.

— Мария Иванова, корреспондент «Дневных вестей», — представился женский голос. — Расскажите, как вы пострадали от безответственных действий жилищно-коммунальной службы, застряв в этом лифте посреди рабочего дня, — затараторила владелица микрофона.

— Вызволите нас отсюда, прошу Вас, — попросила я корреспондента, так вовремя оказавшегося в этом доме.

Но вместо того, чтобы приняться вытаскивать нас из «железной тюрьмы», она продолжала задавать бесперебойный поток вопросов, которые сыпались на нас, подобно обстрельному огню.

— У вас есть вода? Еда? Куда вы ходите в туалет? Бессердечные коммунальщики без еды и воды заточили в этой темнице двух слуг народа — опытных врачей, которые стремились как можно скорее выполнить свой долг, спасая от смерти очередного, нуждающегося в них пациента, — неугомонная Мария не стала вдаваться в подробности о наших должностях.

А затем, выключив микрофон и ослепляющий свет камеры, обратилась к оператору:

— Всё, Жорик, Паша, материал отснят. Поехали, в горбольницу, делать репортаж о взяточниках-врачах, — бесцеремонно сказала корреспондент операторам, направляясь в противоположную от лифта сторону.

— Стойте, а как же мы?! — закричала я в щель.

— Спасатели приедут с минуту на минуту, — кинула через плечо Мария и, под стук каблучков, удалилась восвояси.

Спустя полчаса, металлические двери с жутким лязгом окончательно распахнулись, ослепив нас ярким дневным светом. Прикрыв глаза рукой, я подумала, что, наверное, так бы могла выглядеть встреча людей с инопланетянами, когда в ореоле света ярких огней космического корабля навстречу к нам, землянам, по трапу спускались бы инопланетные «засланцы». «Пришельцы», в виде сотрудников Службы спасения, схватив нас за руки, вытащили двух несчастных медицинских работников на свет Божий.

Взмокшие от духоты и переживаний, грязные и злые, мы, наконец, добрались до станции скорой медицинской помощи. Пока мы коротали рабочий день в лифте, нашу пенсионерку уже успела обслужить пешком другая бригада скорой помощи.

Пережив такой шок, мне было уже всё равно, что со мной сделает Пипетка, но я страшно удивилась, когда он, ни слова не проронив о моей вчерашней выходке, сослался на ужасное качество, а вернее подделку, его излюбленного травяного чая, после чего торжественно оповестил нас всех, что теперь исключительно пьёт кофе, так как кофеин расширяет кровеносные сосуды и держит в тонусе его мозг.

Представив себе и без того нервного начальника, который при употреблении кофе, вероятно, станет еще более нетерпимым, я заметно помрачнела.

Лишь глаза одного человека, а именно нашей Любочки были переполнены любопытством и готовностью впитывать в себя, как в губку, новые сплетни.

— Мирочка, ну ты даешь! Почти всю смену провести с Зурабом, — лаборантка явно направила свои цепкие ручонки в сторону нового штатного врача. — Как он? — спросила она, отведя меня в сторонку.

Я уже было хотела сказать ей, что он кудряв и мясист, но, кусая предусмотрительно схваченный со стола аппетитный пирожок, ответила уже более адекватно:

— Интересный мужчина, правда, он мне очень долго про свадьбы на родине рассказывал, так что будь поаккуратнее — вдруг он женат, — предупредила я Любу.

Моментально расстроившаяся девушка, с тоской посмотрев в сторону взмыленного Зураба, тяжело вздохнула и, оставив меня, пошла собираться домой.

Ни на одной рабочей смене я так не уставала, поскольку принимая вызовы на выезды, я помогала людям, и от этого становилось как то спокойней на душе, правильнее что ли. Бесцельное же сидение в лифте без воды и еды на протяжении половины дня не лучшим образом сказалось на моем здоровье, и я мечтала оказаться под прохладными струями воды в душе, перед этим сытно поужинав. Но моим мечтам не суждено было сбыться, потому, как по пути домой я вспомнила, что обещала деду сходить вечером на собрание. Собравшись с силами, не доходя до дома, я свернула в лесопарковую зону, где уже через двадцать минут должен был начаться мирный митинг борцов за сохранение зеленого массива.

* * *

Небольшой парк, раскинувшийся недалеко от нашей с дедом квартиры, вечерней прохладой заманивал прогуляться по его аллеям. Изумрудные листья на деревьях пропускали сквозь себя лучи заходящего солнца, придавая узким плутающим дорожкам волшебный вид.

С самого детства мы частенько прогуливались в этом прекрасном местечке, в котором присутствовали многочисленные детские площадки, скамеечки, и даже импровизированное футбольное поле, где ребятня с восторженным криком забивала свои первые голы. Но время шло, и парк постепенно застраивался. Большие новостройки и частные предприятия «урывали» свой кусок зеленого массива, и территория парка становилась всё меньше и меньше. Поэтому я совершенно не удивилась, что жители близлежащих домов скептически отнеслись к инициативе губернатора построить на некогда бывшем месте футбольного поля огромный Ледовый Дворец. Ровную поверхность земли, покрытую нескошенной травой, уже обнесли высоким синим забором, около которого начиналось самое настоящее столпотворение негодующих. Среди толпы блуждал слух, что еще оставался мизерный шанс уговорить администрацию перенести строительство дворца в Зареченский район города, поэтому на собрание пришел «и стар, и млад».

Незаметно меня обступили со всех сторон бабушки, рвущиеся на амбразуру, мамы с нелогично протестующими детьми с табличками «Катку нет!» в руках, а также немногочисленная группа довольных предстоящим размещением Ледового дворца у нас в парке, вероятно проживающих в том самом Зареченском районе.

Позади меня молодой мужчина кричал на камеру:

— Да я этот каток тридцать лет ждал!

Ему противостоял бодренький старичок, который, размахивая своим костылем над

головой, нагонял страха на молодежь, крича в ответ:

— А я в свои восемьдесят девять, может, еще хочу на этом поле в футбол поиграть!

Журналисты местного телевидения и прессы, почувствовав запах «палёного», едва успевали снимать возмущенных пенсионеров и еще не умеющих читать малышей, но держащих провокационные плакаты в неокрепших ручках: «Оставьте нам детство», «Лучше футбол летом, а каток — зимой!».

Наконец, с вступительным словом, перед тревожно галдящей толпой, выступил подрядчик строительства. Невысокий сутулый мужчина с небольшим «пивным» животиком откашлялся и обратился к толпе:

— Граждане! Товарищи! Давайте уважать друг друга. Позвольте сказать слово депутату городской Думы Владиславу Токареву.

Из-за спины представляющего к толпе вышел высокий красивый парень холеного вида. Из-за жары, в отличие от других представителей администрации, облаченных в строгие костюмы и галстуки, он был одет лишь в темно-синие брюки с черным кожаным ремнем и кипельно-белую рубашку. Депутат был смуглый, что подчеркивалось не только бронзовой загорелой кожей, но и темно-кариими глазами и черными волосами. Одним движением поправив небрежную, но вероятно продуманную стилистами, косую челку, Токарев обратился к народу:

— Уважаемые жители нашего города! Строительство Ледового дворца в вашем районе окажет только положительное влияние на развитие спорта и поднятие имиджа здорового образа жизни в целом.

Недовольные митингующие зашумели и, не дав договорить Владиславу до конца, кто-то крикнул из толпы:

— Ваш каток платный будет, и деревья попилите под парковку!

— Парк давно пора облагородить, — попытался возразить Токарев, но разгоряченная толпа уже не слышала его жалкие попытки оправдать вырубку горячо любимого ими парка, и стала медленно, но верно сжимать кольцо вокруг депутата.

Я не заметила, как оказалась в самой гуще событий, откуда практически невозможно было выбраться. Разъяренный народ тащил меня напрямиком на несчастного депутата, и, попытавшись удержаться, я схватилась за чью-то руку. Но вместо руки, в моей ладони оказался тот самый злополучный плакат «Катку нет!», вместе с которым я полетела напрямиком на Токарева. Не удержавшись, я завалилась на ошарашенного слугу народа, обхватив его широкое плечо одной рукой, при этом ударив его по голове зажатой в другой руке, плакатом, гордо реющим как знамя над ликующей толпой.

Мы с Токаревым плавно завалились под ноги митингующих, и в ту же минуту, один из двух накаченных короткостриженных мужчин принялся отгонять от нас толпу, в то время как другой с силой отцепил меня от лежащего в траве депутата, попутно выкинув плакат под ближайший куст.

Владиславу явно было плохо. От жары и неожиданного удара фанерой по голове, его сильно замутило, и всё, в бешеном ритме сломанной карусели, закружилось перед глазами.

— Я фельдшер, пустите! — пыталась я помочь страдальцу.

Но охранник, не слушая меня, потащил моё слабо сопротивляющееся тело к выходу из парка, жестко держа за локоть.

— Иди домой, смутьянка, по-добру по-здорову. Скажи спасибо, что Владислав Сергеевич добрейший души человек, не станет заявлять на тебя в полицию, — с этими

словами «квадратный» охранник отпустил мою руку и, развернувшись, пошел по направлению к пострадавшему от гласа народа, депутату.

Врачебный долг опередил гневные высказывания в адрес бесцеремонного бугая, поэтому я прокричала ему вслед:

— Ноги ему поднимите выше головы, если в обморок упадет, и незамедлительно вызывайте скорую, — не услышав ничего в ответ, я, неспешно отряхиваясь, побрела домой.

Вот так сходила на митинг! Знал бы дед, что я ценой своего здоровья защищала наш любимый парк! После сегодняшнего собрания я подумала, что быть депутатом не так уж и хорошо. Но, надеюсь, что жильцы всё же отстоят зеленый «оазис» в центре района от посягательств нашей предприимчивой администрации.

«А быть депутатом не всегда хорошо», — думал Влад, сидя под кондиционером его черного «японца» внедорожника. Парень еще раз глубоко вдохнул и выдохнул три раза, сделав из бутылки очередной глоток минеральной воды. Говорил же он мэру, что не имеет опыта общения с таким рассерженным контингентом, но тот был неумолим. И то, что он стал депутатом совсем недавно, не сыграло ни малейшей роли перед этим деспотом. Даже сказать ему ничего не дали, да еще и эта девица с бешеными серо-голубыми глазами, несущаяся прямо на него, в праведном гневе обрушившая на его светлую голову совсем даже не лёгкий плакат. Нет, точно надо быть осторожнее, чтобы дожить хотя бы до следующих выборов.

Комфортабельный светлый кожаный салон автомобиля и расслабляющая музыка, доносящаяся из динамиков новенькой аудиосистемы, переместили мысли Влада совсем в другое направление. Ему надо будет обязательно снять вечером стресс, увидевшись с Викой. Эта мегера с длинными ножками, почти всегда не скрывааемых экстремально узкими лоскутками, так называемых юбок, взбудоражила бы даже и монаха-аскета. К тому же, Вику не интересовали его деньги и положение, поскольку её родители владели контрольным пакетом акций одной крупной корпорации. Девушка питала скрытую страсть к красивым мужчинам и карьеристам, к которым Влад ни сколько не стесняясь, относил и себя.

Неприятная ситуация в парке была моментально забыта, и молодой депутат полностью погрузился в мечтания о том, как вечером они с Викторией посидят в дорогом ресторане, обсудив последние политические тенденции за бокалами элитного французского вина, а затем он отвезет её к себе в большой загородный коттедж, в котором будет долго и чувственно наслаждаться её восхитительными прелестями юного стройного тела.

* * *

Сидя между раскиданными по всей кровати мягкими игрушками из коллекции Мэнди, олицетворяющих разнообразного размера и вида летучих мышей, в свой единственный полноценный выходной на этой неделе, я с тоской взирала в бело-голубой экран телевизора.

— Славка! Да ты настоящий герой сегодняшнего эфира! — восхищенно заключила подруга, смотря очередной выпуск новостей, где на переднем плане сюжета, я, запыхавшаяся, со сбившейся прической и огромным пятном на носу, пыталась вылезти из лифта. Хоть в фильме ужасов снимайся!

— Если Пипетка меня выгонит — на кинопробы пойду соответствующего жанра, — пробормотала я, переключая канал.

Но и там меня ожидал неприятный сюрприз: местная пресса с удовольствием обсуждала прошедший вчера митинг, снимая меня на камеру крупным планом, аккуратно тогда, когда я обрушивала плакат на голову несчастного депутата.

— Ручкина! Да ты, оказывается, горячая штучка, активную политическую жизнь ведешь! — Мэнди никак не могла уговориться, веселясь по полной программе.

— Насколько я знаю, готессы не смеются так сильно, что под ними шатается кровать! — осадил я подругу, пылая негодованием и обидой.

Мэнди сделала унылое траурное лицо, которое она посвящала своим друзьям-готам, после чего вновь развеселилась, кинув в меня подушкой.

— Здорово ты придумала личную жизнь устроить — по голове плакатом и домой тащи, или сразу в ЗАГС! — не могла уговориться бессердечная подруга.

Я уже хотела было сказать ей всё, что я думаю о ней, но Мэнди меня опередила, примирительно сказав:

— Ну, ладно, ладно, не дуйся. У меня дела не лучше твоих обстоят.

— Ты тоже ударила большим тупым предметом какого-нибудь представителя власти?

— Нет, хуже. Родители поставили мне ультиматум. В воскресенье я должна быть как штык на «свидании», как они назвали эту жалкую встречу, с сыном тётки Полины.

Тут мне уже стало ужасно интересно, и я, всем своим видом показав, что буду молчать как рыба и слушать не перебивая, попросила Мэнди продолжать. Она действительно больше не смеялась, но начала рассказывать такие вещи, что я не смогла не улыбнуться.

— Помнишь Эша? — я кивнула головой, потому как не помнить высокого, почти под два метра, тощего парня с длинными, до лопаток, волосами, неизменно носящего черную бесформенную одежду, и частенько подчеркивающего глаза черной подводкой, я не могла.

Вчера, Мандрагора вместе с Кроу и Эвтаназией, в народе называемой просто Тоней, пошли вечером погулять на кладбище. Для них там присутствовала особая атмосфера умиротворения и тишины. Подойдя к известному на всё городское кладбище старинному склепу местных аристократов, скончавшихся еще пару веков назад, компания присела около входа в усыпальницу, представляющую собой настоящий архитектурный шедевр, начав неспешно обсуждать всю брэнность бытия.

Смеркалось. На небе появились первые звезды и яркий серп полумесяца.

— Сколько хожу по кладбищу, ни разу не видела ни одного упыря, — горестно вздохнула пухленькая Тоня. — Ну, или призрака в конце то концов. Даже обидно.

— Ты прислушайся, настройся на соответствующую волну, — посоветовал замогильным голосом Кроу. — Они повсюду, просто не каждый их может увидеть, — подытожил он.

Ребята замолчали, полностью погрузившись в размышления и наблюдая за верхушками деревьев, раскачивающихся под резким, порывистым ветром. Где-то вдалеке завывали собаки, а совсем рядом, в пределах двадцати шагов, затрещали сухие ветки под чьими то ногами.

«Нежить», — подумали готы.

«Проклятые сатанисты», — подумал кладбищенский сторож Каземир Петрович, который после очередной знатной попойки прикорнул за каменным склепом, надежно защищающим от ветра и другой непогоды.

С трудом поднявшись на четвереньки, в свете луны, сторож навис огромной темной тенью над компанией незадачливых любителей тишины. Всклопоченные волосы, горящие с похмелья глаза и трясущиеся руки, произвели неизгладимое впечатление на эмоциональную Тоню, которая заорав, подхватила длинную черную юбку в руки и побежала к выходу из

кладбища.

«Бойся своих желаний», — подумала Мэнди, но задерживаться не стала, и, мигом подхватив Кроу и Эша, бросилась наутек. Лишь подойдя к дому, предварительно расставшись с Кроу и Тоней, Мэнди позвала Эша на чай, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы.

Родители Розы — Михаил Кириллович и Зоя Ивановна, мирно обнявшись в кровати, видели свой пятый сон, даже не догадываясь о том, что дочурка заявила домой прямоком с похода по кладбищу. Они не серьезно относились к увлечению своей великовозрастной дочери, искренне веря в то, что скоро это пройдет. Но когда заспанный Михаил Кириллович, шаркая тапочками по паркету, отправился в туалет, и увидел при слабом освещении коридора Эша, он понял, что жить ему осталось недолго.

— Можно мне попрощаться с близкими? — дрожащим голосом спросил отец Розы.

— Зачем? — не понял Эш.

— Не забирай меня, прошу! У меня еще столько не сделанного в жизни, у меня дочь не пристроена, жене шубу так и не купил, теще не отомстил, — запричитал Михаил Кириллович, упав «Смерти» в ноги.

— Пап, ты что? — удивленно спросила, выходящая из комнаты, Мэнди.

После определения кто кем является, Эш благополучно был выдворен из квартиры, а с дочерью состоялась обстоятельная беседа обеспокоенного отца, где разгневанный родитель выставил Мэнди ультиматум: больше он такого терпеть не будет, поскольку, с такими темпами, дочь может вскоре остаться сиротой, так как большое сердце отца подобного больше не вынесет.

Клятвенно пообещав, что Мэнди впредь не будет так пугать и расстраивать отца, чтобы загладить свою вину, девушка согласилась на крайние меры — сходить в воскресенье на свидание с давно сосватанным ей матерью Павлом, сыном лучшей подруги Зои Ивановны.

— Очень тебя прошу, давай сходим вместе, — заканчивая свой увлекательный рассказ о событиях прошедшей ночи, попросила Мэнди.

— А почему ты не хочешь сходить одна? Вдруг он тебе понравится? — спросила я подругу.

Глаза Мэнди увеличились раза в три, и она возмущенно спросила, потрянув гривой своих иссиня-черных волос:

— Мне?! Да о чем я буду говорить с этим книжным червём? Он пару лет назад закончил филологический факультет, а сейчас работает заместителем директора городской библиотеки!

Поняв, что Мэнди от меня не отстанет, я горестно согласилась на этот героический поступок настоящей подруги, уже в красках представляя себе это эпическое свидание.

Мэнди, которой, как и мне, совсем скоро исполнится двадцать пять, терпеть не могла своих ровесников, отдавая предпочтение более опытным мужчинам, готовым оценить все таланты юной музыкантши. Несмотря на свои готические предпочтения, Мэнди подавала огромные надежды, окончив с отличием государственную консерваторию по классу скрипки, работая в настоящее время первой скрипкой симфонического оркестра. Кумиром подруги неизменно оставался Никколо Паганини, за феноменальный талант которого его называли «скрипачом Дьявола».

Я возвращалась домой, задавая себе вопрос, почему же нам с Мэнди так катастрофически не везёт в личной жизни? Из ассортимента предлагаемых женихов, в

списке числились озабоченный начальник и молодой литературовед, который вряд ли сможет оценить готические ценности подруги.

Но не у всех на любовном фронте было всё так печально, как у нас. Любовные страсти захватили маленькое, но пылкое сердце черепашьего ловеласа. Дело в том, что наши соседи из дома напротив, окна которых выходили напрямиком на мою спальню, совсем недавно завели очаровательную черепаху по кличке Клеопатра.

Ромео в панцире, с помощью перевернутой кормушки, забрался по ней наверх, и, ухватившись за бортик своего стеклянного жилища, оторвавшись задними лапами от устойчивой поверхности, повис на прозрачной стенке аквариума. Забавно раскачиваясь, смелое земноводное перевалилось через бортик и покатилося, гремя панцирем, по столу.

Фортуна была явно на стороне влюбленного самца, потому как Афоня остановил своё эффектное падение, приземлением на брюшко, а не на жесткий панцирь, перевернуться с которого было бы чрезвычайно тяжело.

Смелыми черепашьими шажками, Афанасий бодро удалялся от стеклянного аквариума по направлению к краю стола, плавно перетекающего в подоконник. Там я и обнаружила «беглого каторжника», томными очами взирающего сквозь стекло на соседскую лоджию, на которой отдыхала, мирно посапывая после сытого обеда, довольная Клёпа.

— Ладно, своими стараниями ты меня уговорил, герой-любовник, — со вздохом я перенесла Афонию в его стеклянную «квартирку». — Так и быть, познакомлю тебя на днях с Клеопатрой.

Я готова была бы поспорить, что сморщенная мордочка домашнего любимца расплылась в довольной улыбке, а маленькие глазки радостно заблестели. Довольно улыбнувшись, я порадовалась за Афанасия — хоть у кого-то намечается «любовный прорыв».

* * *

— Мирослава, а я и не знал, что Вы ведете такую бурную общественную жизнь, — намекнул мне начальник о том, что видел ужасные видео со мной в главной роли. — Я надеюсь, Вы понимаете, что как сильно бы Вам этого не хотелось, но я не смогу иметь личных отношений с особой, которая готова убить депутата Думы ради какого-то клочка земли, вместо того, чтобы падать к нему в ноги и просить о дотациях, — Арнольд Феоктистович с жалостью посмотрел на эту глупую девицу, почти ставшую для него фавориткой.

Я старательно изучала гладкие темно-зеленые листья огромного фикуса, стоящего в кашпо на полу рядом с моим столом, пытаюсь скрыть свое ликование. Да если бы я знала, что для удаления Пипетки из моего личного пространства достаточно лишь стукнуть какого-нибудь представителя власти по голове, я бы уже давно посетила всевозможные митинги и демонстрации, в надежде переколотить половину администрации.

Закончив свою поучительную речь, о необходимости, впредь, вести себя более осмотрительно, Сафонов подмигнул вмиг позеленевшей Любочке и, громко хлопнув дверью, вышел в коридор.

— Сразу после работы пойду караулить избранников народа около здания Думы, — тихо сказала сообразительная Люба.

— Главное, бери плакат не очень тяжелый. Кстати, что думаешь на нем написать? — веселясь, спросила я у лаборантки, которая сегодня, как назло себе и на радость Пипетке, надела под халат красное короткое платье и туфли на высоком каблуке.

— «Хотим перемен, надоел беспредел», или же «Освободите женщин от диктатуры Пипетки», — задумалась Люба, которую прервал в своих размышлениях Игнат, который вошел в кабинет, цепляя широкими плечами косяки входной двери.

— О, Игнат. Привет! А ты что здесь делаешь? Я думала, ты давно дома спишь, ведь у меня сегодня ночная смена, — удивилась я, увидев его.

Светловолосый парень с ямочкой на мужественном подбородке горестно вздохнул и, не снимая с плеча свой крокодиловый трофей, сказал:

— Пришлось задержаться. Вызов поступил из сауны «Тихая бухта». Там какая-то «шишка» ногу сломала, вот Сафонов меня вместе вами и отправляет. Так что заканчивайте смеяться и поехали!

Наш начальник всегда отличался повышенным вниманием к травмированной элите, в надежде на получение солидного вознаграждения за оказанные услуги, поэтому не жалел ни персонала, ни средств для достижения своей не слишком бескорыстной цели.

Подождав пару минут Зураба, мы с Игнатом забрались в «буханку» Василия, с красным крестом на боковой двери, и поехали по указанному адресу, спасти богатого горемыку.

* * *

Весело напевая себе под нос, Влад распрощался со своими коллегами-депутатами, направившись пить крепкий черный кофе. Настроение у тридцатилетнего мужчины было превосходное. На сегодняшнем заседании Думы Владу удалось пролоббировать свои интересы, и, благодаря активной позиции и грамотной речи, Токарев добился голосования большинства за его проект Постановления о выкупе определенного муниципального имущества, путём включения его в План приватизации.

— Токарев, стой! — окликнул его давний друг и коллега Богдан.

Влад остановился, подождав товарища. Богдан Башин, который среди друзей всегда оставался просто «Башней» из-за созвучия с фамилией и за свой высокий рост, обладал незаурядной внешностью и твердым характером.

Острые, скорее даже хищные черты лица, с узким носом и тонкими губами, делали взгляд Богдана жёстким и опасным. Со своей первой женой Мариной, имеющей обеспеченных родственников и хорошие связи, Богдан развелся после того, как добился статуса депутата. Вторая жена Башина — первая секретарша новоиспеченного слуги народа Юля, родила ему двоих детей, полностью погрузившись в их воспитание, лишь изредка посещая с мужем праздничные мероприятия и даже, один раз в год, устаивалась чести съездить вместе со своим дражайшим супругом и отпрысками в жаркую экзотическую страну. В остальное время Богдан полностью предавался своим политическим делам и неформальным встречам, неоднократно заканчивающимся далеко за полночь.

— Пойдем сегодня в сауну с Саньком и Стасом, отметим твой феноменальный успех, — предложил другу Башин.

— Знаю я твою сауну, по-любому девочек наведешь, — улыбнулся Влад.

— Можно подумать, что ты на них согласишься, у тебя же эта вертихвостка Вика есть.

— Ладно, пошли. Девчонок на себя возьмешь, а я просто попарюсь, и дела со Стасом обсужу, — недолго думая, согласился Токарев.

— Вот и отлично! — обрадовался Богдан, и, отсалютовав Владу, попрощался: — До вечера! Жду в девять в «Тихой бухте».

Сауна «Тихая бухта» располагалась на окраине города и представляла собой деревянный, отдельно стоящий дом за высоким частоколом забора. Излюбленное место отдыха компании Токарева славилось отменным сервисом и полным сохранением анонимности, дабы не потревожить ненужными сплетнями высокопоставленных гостей.

Внутри уютного дома в деревенском стиле находилась просторная парилка, бассейн, широкий стол с деревянными скамьями, несколько кушеток для отдыха и даже большое джакузи.

Вошедшего в помещение Влада встретили уже ожидающие его за дубовым столом друзья с парочкой экзотических девушек.

— Это тайки, Ради и Нары, — вместо приветствия, представил девушек Богдан. — Если хочешь знать, эти имена означают «удовольствие» и «прекрасная женщина», — друзья задорно рассмеялись, а девушки, одетые в традиционные тайские наряды, с красивыми белыми цветками, украшающими их прически, сложив руки в приветственный знак, стали кланяться Токареву.

— Башня, ты в своем репертуаре, — со вздохом заключил Влад.

— Между прочим, они всего лишь массажистки, а не то, о чем ты подумал, — рассмеялся Стас.

Влад улыбнулся и присоединился к друзьям, которые с удовольствием уплетали шашлык из свиной шейки, запивая его холодным пивом. Неспешная беседа, сопровождаемая политическими шуточками, плавно перешла в обсуждение последних приобретенных автомобилей, и чем машина лучше женщины, ведь она не предаст, не задаст глупых вопросов и позволит возить на себе любых красоток, совершенно не ревнуя к «соперницам».

Тайские массажистки, упорно массируя плечи молодым красивым мужчинам, пытались подобраться к Владу поближе, который, в свою очередь, не очень то их поощрял.

— Влад, у тебя есть прекрасный шанс подвинуть мэра с его поста. Выборы не за горами — чуть меньше года осталось. А Баринов теряет позиции с каждым месяцем всё больше и больше, — обратился к Токареву Александр, который хоть и не был депутатом, в отличие от остальных, но владел сетью меховых салонов и большим влиянием среди своих друзей.

— Сашка прав, — вставил свое веское слово Богдан. — Надо срочно начинать компанию по поднятию твоего рейтинга у избирателей, пока есть шанс ухватить этот лакомый кусок.

— Почему не ты? — спросил Токарев, который хоть и доверял Башне, но всегда с опаской относился к его хитроумным планам.

— Ну, во-первых, ты сейчас «на коне», а во-вторых, я не обладаю такой слащавой внешностью, как у тебя, — рассмеялся Башин. — Все избирательницы моложе тридцати пяти будут твои. Осталось только поработать над более возрастным и опытным контингентом.

— Хорошо, — Токарев прервал безудержный смех парней. — Но давай обсудим наши планы завтра, а сейчас просто отдохнем — я устал, как собака, — попросил Влад.

Богдан нехотя согласился, но планам Влада по проведению спокойного отдыха в

парилке, не суждено было сбыться: восточные красавицы-азиатки никак не хотели оставлять его в покое. Они постоянно предлагали ему свои услуги по массажу плеч и спины, подносили ему кружки с чаем и обтирали полотенцем, как только он выходил из прохладных вод бассейна. В очередной раз, пытаясь скрыться от своих «преследовательниц», Владислав оступился на скользкой плитке, на которой оказалось пролито массажное масло, и полетел вниз, подвернув ногу на небольшой ступеньке.

Грозные ругательства огласили сауну и эхом разнеслись по помещению, заставив тайских красавиц в страхе вжаться в уголок.

— Похоже, ногу сломал, — констатировал факт, глядя на начинающий опухать голеностоп Токарева, подбежавший к другу Стас.

Влад перестал материться и просто постанывал, боясь дотронуться до, сильно ноющей уже тупой болью, ноги.

— Вызывай скорую, — с печальным вздохом, скомандовал Александру Богдан, и, протянув несчастному Токареву стопку с коньяком, сказал: — На, выпей пока.

Спустя полчаса, когда массажистки были выпровожены домой, а голеностоп Влада стал напоминать по форме небольшого размера улей пчел, к сауне подъехала долгожданная машина скорой медицинской помощи.

— Какая хорошенькая медсестричка! — встретил меня радостный голос высокого молодого мужчины, с хищной улыбкой на губах. Но закал «плейбоя» немного поука, стоило ему взглянуть на моих сопровождающих, с серьезными лицами, проходящими вглубь помещения.

Я тут же узнала того самого Владислава Токарева, которого я чуть не пришибла плакатом в лесу. Он, похоже, тоже узнал свою обидчицу, потому как только увидев меня, в панике закричал:

— Не хотел я лес вырубать! Уведите её от меня! Эта сумасшедшая хочет меня убить!!!

— У него бред, вколите успокоительного, — скомандовал Игнату Зураб.

— Не надо меня колоть!!! — кричал парень, отбиваясь от крепких рук медбрата.

Опытному врачу хватило буквально пары минут, чтобы оценить состояние пострадавшего. Зураб отозвал меня в сторонку и шепотом сказал:

— У него не перелом. У него подвывих голеностопного сустава. Отёк уже слишком сильный, если попадем в пробку на дороге — станет еще хуже, очень сложно потом будет вправлять. Придется делать это на месте. Отвлечешь?

— Как? Он и так думает, что я пришла его убивать, — растерялась я.

— Придумай что-нибудь, ты же женщина!

Собрав все крохи мужества, я решила импровизировать. Расстегнув две верхних пуговицы на белом халате, я подошла к находящемуся в полубморочном состоянии, распластанному на кушетке депутату в синем полотенце на бедрах.

— Владислав, — замурлыкала я глубоким грудным голосом. — Вы не так меня поняли. Я искала встречи с Вами. Увидев Вас в первый раз, — я наклонилась к нему чуть ниже, — Я не смогла погасить тот огонь страсти, разгоревшийся у меня в груди.

Глаза шокированного депутата стали похожи на две плоскости, а из-за моей спины донесся удивленный голос его друга:

— Ну, Влад, ну, красавица! На него даже медсестры на вызове вешаются!

Не слушая его, я продолжала входить в роль опытной соблазнительницы.

— Как не заметить такого яркого, красивого, с удивительными карими глазами, мужчину, — наклонившись еще ниже, я, не отрываясь, посмотрела ему в глаза, в то время как Зураб с Игнатом, начинали осуществлять план по спасению вывихнутой ноги Токарева.

У неожиданного такого поворота событий депутата, даже рот приоткрылся от удивления.

Стараясь, чтобы голос не дрожал, я правдоподобно нагнулась к самому лицу Владислава, касаясь его щеки горячим дыханием, и, остановившись буквально в пяти сантиметрах у самых губ Токарева, от которого приятно пахло ароматическим маслом, с придыханием прошептала:

— Никогда не верьте женщинам, — Зураб одним ловким движением вправил сустав Владислава, после чего на всю сауну разнесся дикий крик представителя власти.

Резко отодвинувшись от Владислава, я застегнула пуговицы на груди, услышав голос Зураба.

— Разрыва связок нет, отёк скоро спадет. Сейчас обездвижим ногу и отвезем Вас в больницу, — обратился врач к Токареву, который постепенно начинал приходить в себя.

Я невинно улыбнулась, перевязывая ногу Владислава эластичным бинтом, в то время как Игнат готовил носилки, для переноса пострадавшего в машину.

Больше этим вечером Токарев ничего мне не сказал, лишь изредка заинтересованно поглядывал в мою сторону.

* * *

— Ты, конечно, как хочешь, но я всё черное не надену! — категорично отмахнулась я от черного платья, любезно подсунутого под мой нос подругой.

— Как хочешь, — пожала плечами Мэнди. — Просто я не понимаю, как он мог согласиться на встречу с готессой? У него всё так плохо в личной жизни или он сам гот? Тогда бы я даже обрадовалась, — и чуть подумав, добавила: — Наверное.

Я сидела на банкетке в такой же черной, как и её обивка, спальне Мэнди. Зоя Ивановна безуспешно пыталась украсить комнату, и к заупокойному колориту помещения регулярно добавлялись розовые бабочки на черном атласе плотных штор, ночники в виде цветков и сувениры в образе веселых гномов, которые, однако, в вечернее время, из-за падающего на них света ночников, смотрелись зловеще, что и спасло их от участи быть выкинутыми подругой на помойку.

— Может он увидел твоё фото и влюбился без памяти? — улыбнувшись, спросила я у Мэнди.

— Это вряд ли. Не думаю, что мамуля изначально хотела его напугать, — подруга надевала свой лучший костюм, который включал в себя черный корсет на шнуровке, длинную юбку с разрезом и оригинальные аксессуары, в том числе крест анкх. Руки Мэнди украсили бывшие когда-то новенькими, а ныне драные чулки, которые смотрелись на белоснежной коже подруги причудливой паутиной.

Последний штрих добавила черная помада на губах, а также темные тени на веках. Мэнди довольно улыбнулась своему отражению, а затем с тоской посмотрела на меня. В отличие от подруги, я надела голубое платье с небольшим кулоном в виде капли и убрала волосы в прическу на затылке.

— Если бы я не знала, что ты так всегда одеваешься, то подумала бы, что ты хочешь увести моего библиотекаря, — Мэнди озадаченно нахмурила брови.

— Ого! Когда это он стал твоим? — рассмеявшись, я добавила: — Никогда не встану между тобой и твоим литературным светлым будущим.

Мэнди погрозила мне пальчиком и, моментально сменив улыбку на лице выражением смертной тоски, торжественно выплыла в коридор.

Увидев дочь, надевающую свои излюбленные высокие ботинки на шнуровке, Михаил Кириллович схватившись за сердце, с укоризной произнес:

— Розонька, детка, ты бы еще в гроб залезла.

— Между прочим, папочка, это мой самый лучший наряд. Я же так стараюсь понравиться Павлуше. Вероятно, он мой последний шанс не остаться одинокой старой девой, — добила отца несносная дочь.

Михаил Кириллович горестно вздохнул, отправившись успокаивать расшалившиеся нервы парой стопок коньяка из заначки, упорно скрываемой от любимой супруги.

«Черное воскресенье» настало, и мы с Мэнди отправились на свидание.

Летний денек, с искрящимися на солнце радужными бликами от капель воды фонтанов, летящих на толстых, неспешно прогуливающих голубей, не мог поднять настроение Мэнди, на которую, словно огромную дождевую тучу, оборачивались прохожие на улице.

Около старинных резных курантов на площади в Центре города нас уже ожидали «кавалеры», как два брата-близнеца облаченные в клетчатые рубашки разного цвета и строгие брюки. Настоящие образчики женихов на смотринах! Завидев нас, парни приосанились, и тот из них, который держал в руках миленький букетик полевых цветов, шагнул навстречу, протянув его мне.

— Добрый день, я Павел, — представился сын подруги Зои Ивановны. — А это мой друг Николай, — товарищ Павла ослепительно улыбнулся, являя миру свои металлические скобки на зубах, блистательно сверкнувших на солнце.

— Привет! Мирослава, — поприветствовала я двух друзей.

— Мэнди, — тоскливым голосом изрекла подруга.

Видя непонимание в глазах владельца букета, я пояснила:

— Та, которая Роза.

Состояние легкого шока пролетело в глазах парня, и он едва успел поймать выскользнувший из его рук букет.

— О-очень приятно, — стал слегка заикаться Павел, но собравшись с духом, он протянул букет веселых цветочков траурной Мэнди.

— Спасибо, возложу их на могилу колдуна, — поблагодарила подруга без доли иронии, и я усиленно сдержалась, чтобы не рассмеяться во весь голос.

Отойдя от впечатлений первого знакомства, я внимательнее присмотрелась к нашим спутникам на этот вечер. Павел был высок ростом, подтянут, с очками, которые его совсем не портили, на голубых глазах, с чуть длинноватыми волосами пшеничного оттенка. Не красавец, он был довольно мил, и от него так и веяло духом интеллигенции и превосходного воспитания.

Николай же был на голову ниже Павла, субтильного телосложения, с короткой стрижкой светлых волос. Со стороны сразу стало заметно, что этот индивидуум усиленно желает показаться разбивателем женских сердец как в глазах новых знакомых, так и своего друга. Одно только подмигивание правым глазом и «соблазнительная» улыбка с намеком

дорогого стоили!

Как истинный джентльмен, Павел не хотел показаться невежливым, но не смог скрыть своего искреннего удивления, когда вместо обещанной мамой «очень скромной и тихой девушки, постоянно одевающейся в неброские темные вещи, умницы и красавицы, первой скрипки симфонического оркестра», перед ним предстала настоящая готесса!

Но делать что-то было уже поздно и, поскольку ему не позволяло воспитание развернуться и уйти, он предложил:

— Леди, предлагаю отправиться в кафе «Ботаника», чтобы провести нашу прекрасную встречу за парочкой мороженных и прохладным лимонадом.

— Даже не сомневалась, что этот «колокольчик» поведет нас в Ботанический сад, — прошептала мне Мэнди, а затем уже в полный голос произнесла: — Давайте лучше отправимся в превосходное местечко, совсем рядом — «Каземат» называется.

Зная, что представляет собой это заведение, я опешила, а наши «одуванчики» радостно закивали головами, радуясь, что девушки взяли инициативу на себя.

«Каземат» являлся излюбленным местом для общения неформальной молодежи города. Здесь царила атмосфера таинственности, мрака и подземельного настроения. Погреб, с кирпичными сводами над головой, скрывал от любопытных глаз столики с соответствующим антуражем. На стенах «превосходного местечка» висели бутафорные орудия пыток и кандалы, а официанты обслуживали клиентов в образе различной нечисти.

К нашему столику подошел вампир с толстыми кожаными книжками в руках, с мерцающей в полутьме кафе свечей в красном подсвечнике.

— Изволите ли сделать заказ? — официант улыбнулся, показав нам свои пластмассовые клыки.

— Пару литров крови, — зыркнула глазами Мэнди на испуганных ухажеров.

— К сожалению, кровь закончилась, могу предложить Вам отменное блюдо из бедра оборотня вымоченного в маринаде из брусничного соуса, приготовленного на углях, — не переставал улыбаться наш «вампир».

Парни нервно дернулись, посмотрев друг на друга, а я спросила:

— Свиная отбивная что ли?

— Самая лучшая в городе, — кивнул официант.

— Хорошо, нам с подругой две порции вашего оборотня, а наши спутники еще посмотрят меню, — сделала заказ Мэнди.

«Вампир» подмигнул готессе, довольный её выбором, но она не удостоила его ответной улыбки, лишь попросила принести к заказу пару булочек, которые в меню гордо именовались «Перед расстрелом».

— Это же «Молот ведьм» Генриха Крамера! — воскликнул Паша, беря в руки одну из кожаных книг, оставленных официантом, но пролистав страницы, и увидев, что это всего лишь меню, даже немного расстроился. — Хорошая идея. Но настоящий труд великого мыслителя бесценен. Знаете ли вы, что это книга в течение нескольких веков подряд вгоняла в ужас народы средневековья, и была настоящей Библией Инквизиции? — Паша так разнервничался, что едва смог остановиться, чтобы не начать рассказывать всю историю этого удивительного трактата, и предложил: — Вы обязательно должны посетить нашу библиотеку и познакомиться с качественной копией оригинала. Я расскажу вам всё, что знаю о ней.

Я подумала, что еще немного, и Павел начнет обнимать меню. От таких кощунственных

мыслей меня отвлек голос Николая:

— Мирослава, а Вы интересуетесь интеллектуальными молодыми людьми?

Ни капли не сомневаясь, что под этой категорией граждан Николай имел в виду себя, я неловко улыбнулась, ответив:

— Чрезвычайно. Мой бывший молодой человек получил премию за литературный талант, — попытавшись обескуражить Колю, я вспомнила своего бывшего парня Анатолия, который не то, что премию за литературный талант не мог получить, а даже пары слов не мог связать, после того, как я его вместе с друзьями выпроводила из своего дома и жизни навсегда.

С Толиком я встречалась еще со школы. Наверное, это была глупая привычка, так как чувства давно угасли, а наше совместное времяпрепровождение скорее напоминало дань памяти счастливым временам. Имея маму-тирана, возлюбленный большую часть времени проводил у меня в квартире, лишь по ночам отправляясь спать домой. Его не беспокоил не дед-пенсионер, ни вечно устававшая я, пытающаяся отлично учиться и подрабатывать после пар. Толик обнаглел настолько, что перестал работать, просиживая штаны на диване около телевизора, и после того, как я застала его с дружками, издевающихся над бедным Афанасием, изображая из него бутерброд, я не выдержала и дала Толику отставку.

— Как Вам везет, Мирослава, — наклонившись ко мне, прошептал Николай. — Я победитель областных шахматных турниров и даже стал финалистом международного конкурса «Золотая ладья»! — парень совсем нескромно оповестил меня о своих успехах.

«Только шахматного гроссмейстера мне не хватало», — подумала я, но вслух произнесла:

— Николай, Вы неотразимы, но, к сожалению, в настоящее время у меня уже есть молодой человек, — Мэнди оторвалась от изучения смущенного Павла, изучающего меню со странными названиями блюд, и с удивлением посмотрела на меня, ожидая продолжения этого бессовестного вранья.

Увидев, что взгляд Коли заметно погрузнел, я решила сделать ему приятное:

— Безусловно, он не столь начитан и интеллигентен как Вы, и если бы мы встретились с Вами раньше, всё могло бы быть иначе, но моё слабое женское сердце уже отдано обычному стилисту, — продолжала я «Выкать» своему оппоненту.

Моё признание произвело надлежащий эффект, так как Николай зарделся от удовольствия, что его талант оценили по достоинству.

— Как жаль. Стилист — это так банально. Но я буду ждать Вас, Мирослава, когда Вы одумаетесь и начнете интересоваться настоящими мужчинами, — парень с серьезным видом принялся рассматривать меню, изредка подмигивая проходящим мимо ведьмам-официанткам.

Мэнди, улыбнувшись одними только глазами, начала насаждать на бедного Павла.

— Позволь узнать, любят ли библиотекари по ночам посещать заброшенные кладбища? Наш новый знакомый явно не разделял увлечений подруги, но, не желая показаться слабаком, выпятил грудь вперед и с вызовом ответил:

— По самым что ни на есть позаброшенным.

Мэнди даже растерялась от такого пассажа душки Паши, но быстро пришла в себя, решив его достать окончательно:

— А ты оказывается еще и лжец первостепенный! Может, проводишь меня как-нибудь в полночь в старый заброшенный дом с дурной репутацией?

Я подумала, что сейчас начнется гроза, и уже пора спасать жертв этого побоища, но вдруг глазки Паши заблестели и он протянул руки к кресту, висящему на шее у Мэнди.

— Это же сгух ansata, или «крест с рукояткой»! Какой прекрасный образец.

— Мне его из Египта привезли, — уже без тени злорадства ответила Мэнди.

— Ты знаешь, что крест анкх использовался женщинами Древнего Египта в качестве защитного амулета, предназначенного для ношения на шее, поскольку считался, будто он помогает от бесплодия, — зачарованно продолжал изучать вещицу любознательный Павел.

— То, что амулет, я знаю, но вот о плодовитости я как то не задумывалась, — мне показалось, что Мэнди и впрямь засмушалась.

После этого разговора топор войны был зарыт, и оказалось, что у нашего библиотекаря и готессы довольно много общего: начиная с любви к Древнему Египту, заканчивая увлечением творчеством Эдгара Аллана По.

Николай вел неспешную беседу о шахматных турнирах и серьезных соперниках, которых он смог «положить на интеллектуальные лопатки» в равном бою, я же, в свою очередь, решила не рассказывать о своей работе, в подробностях описывая необычные травмы горожан.

В итоге вечер прошел очень даже неплохо, и, расплатившись по счету, наши спутники вывели нас из погреба на улицу, которая уже погрузилась во мрак ночной тьмы, озаряясь яркими огнями освещающих её фонарей.

Я распрощалась с Николаем, а Мэнди, напоследок одарив лёгкой улыбкой Павла, со вздохом сказала:

— Ладно, так и быть, зайду в твою библиотеку.

* * *

Лёгкий туман тонким полупрозрачным волокном накрыл овраги и зеленые поля. Утренняя роса живительной влагой легла на траву, и где то вдалеке запел петух.

«Ну, Башин!» — думал Влад, отряхивая с высокого резинового сапога коровью лепешку, в которую успел так неудачно вляпаться. Из-за штурма политического Олимпа, в целях поднятия рейтинга Токарева, сегодня была запланирована поездка в областное фермерское хозяйство «Озимый». Сам-то хитрый Богдан дома остался нежиться в теплой кровати, а Влад, как флагман их коалиции был вынужден с утра спозаранку отправиться к местным фермерам обсуждать их проблемы и давать интервью региональному телеканалу.

Огромный комар примостился на коже шеи Влада, не скрытой белоснежным воротничком его модной сорочки. Резкий удар, закончивший короткую жизнь насекомого, не позволил кровососу всласть насладиться депутатской кровушкой.

За Токаревым с любопытством наблюдали местные доярки, пара крепких мужчин-трактористов, и гурьба местной чумазой детворы, которая не поленилась встать рано утром, чтобы не пропустить это знаменательное событие.

— Владислав Сергеевич, как представитель городской Думы, что Вы думаете по поводу нынешнего состояния сельского хозяйства? — кокетливым голосом спросила у депутата молодая корреспондент с микрофоном в руках.

Влад с серьезным видом посмотрел в камеру и, отряхнув с темно-коричневого пиджака прилипшую соломинку, ответил:

— Сельское хозяйство нуждается в модернизации. Людям нужны хорошие условия труда, а также его оплата.

— Как Вы собираетесь это осуществлять?

— Прежде всего, мы включим в бюджет пункт о необходимости строительства новых, современных коровников, — но договорить Владу не дала подошедшая к нему Бурёнка, которая, ничуть не смущаясь, вытянула вперед свой большой влажный язык, лизнув Владу в щёку.

— Уберите корову! — кричал корреспондент. — Хотя нет, оставьте, скажем в выпуске, что ответственного представителя власти любят даже благодарные животные.

«Мууу», — в знак согласия замычала рогатая.

— Затем мы организуем новые рабочие места, с достойной заработной платой, — Влад усиленно пытался не рассмеяться, глядя на старания упорной Бурёнки, которая никак не хотела сдавать позиций, всё теснее прижимаясь к нему.

— И снабдим фермеров превосходной техникой... — корова томными глазами с поволокой с нежностью смотрела на симпатичного депутата, который уже немного пятился от настойчивой скотины, едва не упав в очередную лепёшку рогатой красавицы.

Репортаж был закончен, и Влад с облегчением вздохнул, напоследок погладив Бурёнку по гладкому, шоколадного цвета, боку.

Он пообщался с каждым рабочим, каждой дояркой, ищущих общения с ним. Токарев, в силу своего депутатского статуса, привык быть акулой в море интриг, власти и денег, но где-то глубоко в душе он оставался простым парнем, который стремился изменить мир к лучшему, хотя и понимал, что это занятие совершенно бесполезное и бессмысленное, ведь всем помочь всё равно нельзя. Но всё же оставил приличную сумму денег на подарки детворе и обещал помощь с установкой детской площадки.

Попрощавшись с благодарным населением, которое долго не хотело его отпускать, и с явно строившей ему глазки журналисткой, притомившийся Влад уютно пристроился в своем автомобиле, который на всех порах вёз его домой. Рядом на сиденье затрезвонил телефон. В трубке раздался бодрый голос Богдана.

— Привет, старичок! Ну как там твои сельскохозяйственные успехи?

— Благополучно. Надеюсь, ты дашь мне передохнуть? — Токарев с содроганием вспомнил прошедшую неделю, когда он чуть ли не каждый день посещал социально значимые мероприятия. В доме престарелых ему пришлось отбиваться от совсем не старческих вопросов «божьих одуванчиков». Например, одна милая старушка спросила его о состоянии венчурного бизнеса в России, а активный дед очень интересовался, как продвигается запланированный ход модернизации и перевооружения оборонных предприятий. Последующая поездка в общеобразовательное учебное заведение также принесла Владу много полезной информации о современных школьниках, которые постоянно влезали в кадр за его спиной, показывая языки и неприличные жесты.

— Лучше бы спасибо мне сказал, — обиделся Башин. — Между прочим, за последние две недели твой рейтинг взлетел почти до небес. Да твое лицо мелькает на телевидении чаще, чем реклама шампуня от перхоти!

— Отличный пример! Хорошо хоть с женскими прокладками меня не сравнил, — Влад усмехнулся, повернув руль автомобиля в сторону не асфальтированной дороги, уходящей вглубь соснового бора, с высокими деревьями, нависающими зелеными каскадами над проезжающей под ними машиной.

— Тут одно дельце подвернулось. Прекрасный шанс «добить» последнюю аудиторию и скинуть нашего уважаемого мэра с отвесного утеса власти, — проигнорировал Влада Богдан.

— Тебе бы с такими фразочками книжки писать. Что за дело? — поинтересовался у друга Токарев, подъезжая к своему двухэтажному коттеджу, с резным балконом и зимним садом на втором этаже, около высокого кованого забора которого уже стояла черная ауди ТТ Виктории.

— Сегодня днем в одной пятиэтажке обвалилась крыша, аккурат над квартирой одного пенсионера. Идти ему некуда, родственников кроме внучки нет, и то, она с ним проживает, дочь правда где-то за границей обитает, но я узнавал, что они практически не общаются.

— Давай ближе к делу, а то я уже домой захожу, — Влад припарковал свой внедорожник рядом с Викиной машиной и, взяв в руки папку с документами, стал открывать дверь. Но ключ едва не выпал у него из рук, когда он услышал предложение Башина:

— Возьми их пожить к себе на время ремонта. Это будет лучшая предвыборная агитация года. Я уже вижу газетные заголовки: «Токарев не оставит в беде каждого» или же «Владислав Сергеевич Токарев — вот наша надежда и опора»!

— Ты совсем сдурел? Об этом не может быть и речи, — Влад, наконец, справился с дверью и прошел через аккуратно постриженную зеленую лужайку с красивой альпийской горкой к дому.

— Подумай, это уникальный шанс! Всего-то пара-тройка недель, зато какой результат! — в голосе Башина слышался такой восторг, что Влад уже засомневался в своем решении, но затем сказал:

— Однозначно нет, — и повесил трубку, чтобы упёртый Богдан не успел его убедить.

Из кухни уже доносился аромат свежесваренного кофе и круассанов. Вика всегда баловала его маленькими вкусностями, а он смеялся, что с такими темпами скоро сам превратится в бублик или пончик, но всегда умилялся такой трепетной заботе своей девушки.

— Что «однозначно нет», котик? — к Владу подошла эффектной походкой стройная Виктория, начиная своими ловкими руками развязывать галстук у него на шее.

Влад приобнял девушку, легонько поцеловав её в висок, и ответил:

— Пельмешка моя, Богдан наш просто сошел с ума. Предлагает разместить у меня почти на месяц пенсионера с внучкой, пока не закончится ремонт крыши над их квартирой.

Глазки Виктории загорелись и, проведя язычком по накрашенным яркой красной помадой губам, она сказала:

— Это же великолепный шанс! Ай да Башин, вот это «ход конём»!

— Вы что, сговорились с ним что-ли? — Влад опустил руки девушки и сам снял галстук, проходя на кухню, по пути расстегивая верхние пуговицы своей накрахмаленной сорочки.

— Ну, милый, — Вика засуетилась перед Токаревым, ставя на стол вкусные круассаны и крепкий черный кофе, который, как она знала, очень любил Влад. — У мэра уже нет шансов остаться на своем посту, но этим поступком ты однозначно сметешь со своего пути всех конкурентов. Избиратели ведь так любят милосердие и отзывчивость, — она села к нему на колени, и, обняв за шею, принялась перебирать пальчиками густые пряди его волос.

— А как же ты? Как же я? — спросил Влад.

— А что мы? Всё останется как прежде. Дом большой, не думаю, что пенсионер с внучкой будут нам мешать, — Он провела языком по его губам, параллельно расстегивая

брюки. И, протянув в его руки телефон, соблазнительно прошептала:

— Звони.

Здравый смысл окончательно оставил Влада, и, чувствуя грядущие для него неприятности, он всё равно набрал знакомый телефонный номер Богдана:

— Я согласен.

* * *

В начале августа в нашей станции скорой медицинской помощи начался настоящий праздник — Арнольд Феоктистович, щедро раздав своим подневольным труженикам кучу указаний и распоряжений, изволил отбыть в отпуск.

Расслабившийся Игнат, закинув ногу на ногу, сидел за столом, поглощая бутерброды с колбасой, мило беседуя со своей любимой байкершей по телефону. Любочка, по случаю праздника, надевшая на себя юбку и блузку взрывных цветов, не могла остановиться, безудержно щебеча о новых кавалерах, мужественном Зурабе и парочке желанных, но таких дорогих, аксессуаров из новых коллекций именитых дизайнеров. Я слушала её, заполняя кипу рабочих бумаг, поскольку не любила откладывать дела на потом, предвкушая вечер в компании Афанасия, которого я понесу знакомиться с его черепашей мечтой по кличке Клеопатра.

Атмосфера спокойствия и радости сменилась моим паническим ужасом в один миг, когда я услышала адрес следующего вызова — это была наша с дедом квартира!

— Мира, не паникуй! — кинулась утешать меня Люба.

Я металась по кабинету как раненый зверь, а минуты ожидания Зураба длились нескончаемо долго.

— Сказали, что обвалилась крыша, и пострадал один пенсионер, — всхлипывала я, заламывая руки.

Тактичный Игнат молчал, так как утешать меня в тот момент было просто бессмысленно. Мы с Зурабом забрались в служебную машину и поехали по знакомому мне до боли адресу, где, вероятно, пострадавший дедушка нуждался в моей немедленной помощи. Даже подумать было страшно, что с ним произошло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Около дома уже собралась толпа зевак, которая с любопытством наблюдала за подъехавшей машиной скорой помощи и уже ожидавшим нас служебным автомобилем МЧС. В подъезд я вбегала со странным чувством: мне хотелось как можно скорее очутиться в квартире и, в то же время, я ужасно боялась туда заходить. Дверь в нашу квартиру была открыта, и из нее выходили сотрудники МЧС, стряхивая с себя белую густую пыль, осевшую на их робу вместе со штукатуркой. Кровь отлила от лица, когда я увидела деда, сидящего на кухне, с любопытством наблюдая за неиссякаемым интересом к нему соседей и стражей правопорядка, которые, как оказалось, раньше всех прибыли на место происшествия. Рядом с Григорием Иннокентьевичем, на тумбе для хранения овощей, сидел Савелий, который отпаивал деда холодной водой.

— Дедушка! Цел? — я кинулась на шею деда, почти рыдая от внезапного чувства легкости, как будто камень с души свалился.

— Да еля уже! Тут такое происходит, а ты всё о еде и о еде, — как всегда, стал

возмущаться дед.

— Мирочка, не плачь, всё хорошо, — утешил меня Савелий. — Григорий Иннокентьевич пострадал только морально. Когда крыша обрушилась, он на балконе был. Тут помощь другому нужна, — но соседу не дал договорить Зураб, окрикнувший меня:

— Мирослава! Ты где там? Иди скорее сюда.

Стерев рукой непрошенные слезы, я, погладив деда по плечу, прошла в комнату. Художественная дыра в потолке, открывающая превосходный вид на затянутое дождевыми тучами небо, подсказывала, что кровлю пробил шальной метеорит, но как оказалось этот «космический подарок» являлся никем иным, как нашим соседом по лестничной клетке — Шитниковым, который держа пачку льда на голове, тихо постанывал, сидя на диване. Зураб осматривал потерпевшего, поманив меня рукой подойти к ним.

— Борис Львович? — удивилась я чудному видению в домашних трениках, порванных вследствие полета сквозь жесткую преграду покрытия крыши.

Сосед застонал погромче, страдательно подняв глаза к потолку. Добиться ответа от него было сложно, но оказав ему первую медицинскую помощь, я собрала те крохи информации, предоставленные мне им, Савелием и сотрудниками МЧС, в итоге получив удивительную картину сегодняшнего утра.

Шестидесятилетний Борис Львович Шитников, проживающий в трехкомнатной квартире на пятом этаже, был второй по колоритности фигурой нашего подъезда после Савелия. Выросший в обеспеченной семье, с отцом первым секретарем райкома партии и матерью — директором мебельного магазина, Шитников рос в непозволительной для остальных ровесников роскоши, но со смертью пожилых родителей, он быстро растратил наследство и, со временем, немного повредился рассудком, в связи с чем, приобрел славу ужасного скопидома и скряги. Он не покупал новое жилье и автомобили — ведь это дорого, не женился — ведь это затратно. Находясь дома, включал только одну энергосберегающую лампочку, и то по вечерам, и экономил на всём, на чём только мог, хоть и слыл неплохим специалистом в области бухгалтерии, зарплата которого, вполне могла бы обеспечить его сносное существование с красной икрой и ананасом по праздникам.

И вот, сидя сегодняшним утром в своей полупустой квартире, смотря на стареньком, приобретенном на блошином рынке, черно-белом телевизоре один из трех установленных при помощи подручных средств, без покупки антенны, каналов, Борис Львович придумал хитроумный план, как пользоваться благами цивилизации абсолютно безвозмездно. Разбирающийся в электрике, Шитников решил наглым образом незаконно подключиться к кабельному телевидению соседей, для чего уверенными движениями стал подниматься по лестнице на крышу, в поисках нужного кабеля.

Полноватый крохобор залез на крышу, по которой многие годы не ступала нога коммунальщика. Когда заветный кабель был в руке прижимистого Шитникова, тонкий кусок рубероида, прикрывающий дефекты работы сотрудников городского хозяйства, треснул, и Борис Львович, не успев даже как следует выругаться, полетел вниз, сметая всё на своем пути, лишая семейство Ручкиных кровли над головой, а всех остальных жителей дома телевидения.

Видимо, Борис Львович родился в рубашке, так как за исключением уязвленного самолюбия, шишки на голове и пары царапин на ногах, обошлось без жертв. Шитников так и сидел с оторванным кабелем в руках, с выражением полнейшего шока в огромных глазах, когда его обнаружил дедушка, который, не смотря на свою глухоту, понял, что случилось

что-то серьезное.

— Мира, нужно ехать в больницу. Серьезных травм нет, но необходимо взять анализы и оценить состояние потерпевших в отделении, — констатировал Зураб.

А подошедший Игнат, с сочувствием прошептал:

— Здесь всё равно оставаться нельзя.

Я посмотрела на разгром, творившийся в квартире: люстра валялась на полу, а чуть накрапывающий дождик, который сквозь дыру в потолке орошал остатки нашего скромного интерьера, смешивал строительную пыль в сплошную грязную жижу. Испуганный Афанасий забился в уголок аквариума, скрывшись в своем панцире-бункере, прикинувшись мертвым. Я пересадила оробевшее животное в коробку из-под обуви, заполненную морковкой, и отдала его Савелию.

— Пусть он пока побудет у тебя. Я заберу его, как только определюсь с местом жительства на ближайшее время, — Савелий принял из рук коробку с Афоней и предложил:

— Если хотите, можете первое время у меня пожить.

Зная и без того сложные жилищные условия Савелия, в которые, кроме того, нагрянули с визитом его тётушки из области, я поблагодарила Саву за отзывчивость, не надеясь на что-то большее, с грустью помахав черепашке вслед.

С работы в тот день меня, безусловно, освободили, благо основное начальство жарилось на югах. Я ждала дедушку в приемном покое городской больницы, нервно перебирая пестрые камни браслета. Слава Богу, что дед не пострадал! Но что теперь делать? Куда идти? Попробовать попроситься к Мэнди? Нет, не вариант. Её друзья дедулю до инфаркта доведут. Люба мне не настолько близка, чтобы впустить вместе с престарелым родственником на неопределенное количество времени. Решив в первое время потратить всю свою заначку на дешевую гостиницу, пока я подыщу доброго человека, готового нас приютить, я глубоко вздохнула, увидев дедушку, которого врач вывела из кабинета. Но я не успела встретиться с родственником, поскольку деда на полпути ко мне перехватил тот самый злополучный депутат, с коим я имела «счастье» общаться за последний месяц уже два раза.

— Как хорошо, что ветеран не пострадал! — сердито сказал Токарев мужчине с седой бородкой, стоявшему рядом с ним, который оказался начальником нашего районного ЖЭУ.

Владислав, словно большая грозная птица, схватил за плечи под свое крыло ничего не понимающего Григория Иннокентьевича, а начальник коммунальной службы стал извиняющимся голосом оправдываться перед властью имущим.

— Владислав Сергеевич, по бумагам ремонт крыши надлежащего качества давно был сделан, — но Токарев, не дав договорить, перебил мужчину:

— Вот именно, что на бумагах! А фактически? Да Вы знаете, что Ваша халатность могла стать смертельным приговором этому достопочтенному пенсионеру? — Влад действительно не на шутку разозлился, ведь одно дело играть на публику, а другое — представлять перед глазами, как кусок тяжелой кровли крыши падает на голову деду. — Если не хотите серьезных проблем, сделаете ремонт крыши в самые кратчайшие сроки!

— Конечно, конечно, Владислав Сергеевич. Всё сделаем в лучшем виде, — заверил Токарева начальник ЖЭУ, но Владислав уже отвлекся от него, полностью переключив свое внимание на пострадавшего Ручкина.

— Уважаемый Григорий Иннокентьевич, — Влад заранее узнал имя и отчество пострадавшего дедули, — Как Вы себя чувствуете? Вам есть куда идти?

— Нести? — переспросил дед, — Меня не надо нести, я сам дойду.

— Куда пойдете то? Может, Вам нужен стационар? — Влад понял, что диалог может стать увлекательным.

— Мне?! Ветеринар?! Да за кого Вы меня, молодой человек, принимаете? — дедушка вошел в раж.

Влад уже боялся произносить любое слово, чтобы не быть неправильно понятым этим странным старичком. Поэтому, Токарев, решив не тянуть кота за хвост, предложил напрямик:

— Я знаю, что Вам пока негде жить. Предлагаю на время ремонта переехать ко мне.

— К Вам? — дед был подслуховат, но далеко не дурак. Поняв, что он правильно понял этого молодого человека, Григорий Иннокентьевич быстро смекнул, что к чему, и сказал: — Ну, раз Вы так настаиваете, я, конечно, не против.

Влад мысленно усмехнулся, осознав, что дед то не промах, раз завел речь, о «настойчивости» Влада.

— Только у меня еще внучка есть. Без нее не поеду. А вот и она! Мирочка! — позвал меня дед, и несколько пар глаз повернулись в мою сторону.

«За что?» — подумал Влад, увидев свою старую знакомую. Он даже сделал маленький шагок назад, но, пожурив себя за нерешительность, смело шагнул вперед.

— Мирослава! Какая встреча! Я Вам так сочувствую, — мне стало стыдно, что я так плохо относилась к этому доброму, милосердному человеку.

— Здравствуйте. Спасибо. Как Ваша нога? — спросила я у депутата, одетого в строгий темно-синий костюм.

— Гораздо лучше, спасибо. Всё благодаря Вашим стараниям, — Влад знал, насколько важна вежливость при общении с электоратом.

Проходящий мимо врач попросил нас выйти из коридора, поскольку наше столпотворение мешало нормальной работе персонала. Мы вышли на улицу, когда на нас накинулась толпа репортеров, которых не впустили в больницу, желающих узнать у Токарева всё в мельчайших подробностях.

— Детка, этот удивительный молодой человек предложил нам пожить у него, на время проведения ремонта крыши, — сказал мне лучащийся от счастья дедушка.

И тут мне всё стало понятно. И к чему такая доброта, и к чему такое количество прессы.

— Это новый вид предвыборной агитации? — прошипела я на ухо Владу.

— А что, тебе есть куда идти? — он ответил вопросом на вопрос сквозь зубы, позируя на камеры.

Самое ужасное в этой ситуации, что он был прав. Деваться нам с дедом было абсолютно некуда. Что ж, придется получить максимум пользы от этого двухстороннего соглашения.

— Деда не обижать, ко мне должны свободное в любое время суток приходить мои друзья, и едим мы за Ваш счет, — нашептала я Токареву свои условия.

— Какая ты мелочная, — усмехнулся Влад. — По рукам.

В большой внедорожник Токарева мы залезли под восторженные возгласы дедушки:

— Как в танке! Только комфортнее. Помню весной сорок второго... — дальше я его уже не слушала, думая о том, что судьба подкинула мне прекрасный шанс, и не придется тратить кровно отложенные деньги для установки новых зубов дедушке, на съемное жилье или гостиницу.

Влад возвращался домой тоже в приподнятом расположении духа: его триумфальное

выступление перед журналистами обещало в скором времени принести свои плоды, ну, а девчонка с дедом на пару недель — это всего лишь небольшое неудобство, не сильно помешающее ему.

* * *

— Проходите, — Влад открыл входную дверь своего большого дома, пропуская меня и деда вперед.

Я, не раз посещавшая на вызовах бригады загородные коттеджи, отметила элегантное оформление дома, с исключительным вкусом подобранную мебель и обои, в то время как дедушка просто встал в ступор от такой роскоши, но собрался и сказал обалдевшему Владу:

— Похуже, конечно, чем у Пугачевой — я вчера по телевизору смотрел, но жить можно.

Я нервно засмеялась, поняв, что Григорий Иннокентьевич решил вспомнить молодость и в полной мере насладиться этим небольшим приключением. Влад ничего не сказал, только хмыкнул и проводил нас дальше по коридору к нашему временному пристанищу.

Вот теперь я осознала, что такое счастье! В эту минуту я хотела нашего разлюбезного депутата на руках носить: у нас с дедом были отдельные комнаты!

Как нам пояснил Владислав, его комната находилась на втором этаже, нам же достались гостевые спальни на первом. Я подумала о том, что это очень удобно, и мы будем пересекаться гораздо реже. Всё же мешать восходящей звезде политической карьеры не входило в мои планы. Он и так оказался чрезвычайно щедр, согласившись на все мои условия.

Пока Токарев знакомил дедушку с расположением кухни и санузлов, я осталась в комнате, бросив спортивную сумку с моим скромным ассортиментом вещей на пол, а сама завалилась на мягкую кровать, покрытую синим шерстяным пледом.

«Интересно, а он живет здесь один?» — промелькнуло у меня в голове. Присутствия другой женщины в доме я не заметила: не было всяких милых женственных мелочей, вроде сувениров или тарелочек. О чем я вообще только думаю! Мне должно быть абсолютно всё равно на семейный статус нашего гостеприимного Токарева.

Отзвонившись Савелию и Мэнди, я с удовольствием погрузилась в самый сладкий сон, где не было летающих Шитниковых, надоедливого Пипетки и ни одного, даже самого плохенького, депутата.

Утро воскресенья началось для Влада совершенно нестандартно: вместо того, чтобы лежать в кровати до полудня, посматривая новости по большому плазменному телевизору, висящему на стене напротив его широкой кровати, Токарев проснулся в девять утра от грохота, доносящегося снизу.

Первой мыслью депутата было то, что в дом пробрались грабители, поскольку Вика не могла приехать в воскресный день так рано — он знал, что в это время девушка вся до остатка отдается шейпингу, бегу на дорожке и подрумянивается под ультрафиолетовым светом ламп солярия, хотя Влад никогда не понимал, зачем ходить в солярий, если на дворе жаркое лето.

Страхнув с себя остатки сна, Влад вспомнил о своих новых жильцах. Грохот не прекращался, поэтому Токарев, поняв, что о продолжении сладкого пребывания в царстве

Морфея можно позабыть, с трудом поднялся с кровати, отправившись умываться.

Заспанный Влад вошел в просторную ванную комнату, в которой помещалось и джакузи, и душевая кабина, и даже хозяйственный блок, со стиральной машинкой, которой Влад пользовался довольно часто, но вот гладить вещи, приходилось, в основном, домработнице, приходящей к Токареву пару раз в неделю. Достав из шкафчика над раковиной бритву, он нанес на лицо пену для бритья и приступил к ежедневной процедуре уничтожения щетины. Зарезаться молодому мужчине помешало лишь то, что бритва была безопасной, потому как из душевой кабины слева от него послышалось бравое:

— Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой! — Григорий Ручкин активно намывливался мочалкой, в полный голос напевая свою любимую «Катюшу».

Влад закашлялся, всё же убрав бритву подальше от лица.

— А, доброе утро! Не видел, как Вы вошли, — поздоровался дед.

— Доброе, — поприветствовал пенсионера Влад, решивший в срочном порядке удалиться, добрившись попозже.

«Теперь в собственную ванную надо будет стучаться!» — со злостью думал Токарев, натягивая на себя белую футболку и черные спортивные штаны, не позволительные в его работе, но которые он с удовольствием носил у себя дома.

Небритый, внезапно проголодавшийся, мужчина спустился по лестнице вниз, решив чего-нибудь перекусить. В кухне было подозрительно тихо, в то время как по помещению разнесся запах пригоревшей еды.

В просторной кухне картина была «маслом»: вся столешница оранжевого гарнитура была заляпана, мультиварка жалобно попискивала в сторонке, а девушка, стоя на корячках, одетая по-домашнему в футболку и бриджи, упорно вытирала тряпкой остатки продовольствия с пола.

— Мирослава! Что случилось? — услышала я голос хозяина дома позади себя.

— Это не специально, извини меня, пожалуйста, — я в пол-оборота обернулась к Владу, который присел на корточки рядом со мной, глядя на последствия стихийного бедствия под названием «Приготовь завтрак на чужой кухне».

Мира была действительно сильно расстроена, и Влад даже умилился её несчастному взгляду на перепачканном лице. Он стряхнул с её носа муку и вытер большим пальцем руки соус с её щеки, после чего выслушал о происшествиях сегодняшнего утра.

Мирослава, как обычно, проснулась пораньше, приняла душ и решила приготовить завтрак. Увидев на кухонном столе мультиварку, о которой она давно мечтала, но не могла себе позволить её купить, девушка обрадовалась, принявшись изучать эту новинку человеческого прогресса. Мультиварка была похожа на космический корабль: столько же кнопочек, лампочек и рычагов. Но, поскольку, счастливые домохозяйки в рекламе говорили о том, что даже ребенок сможет ей воспользоваться, Мира решила, что и ей это будет по плечу.

Обнаружив в холодильнике охлажденный кусок свинины, Мира загрузила его в неоценимую женскую помощницу, предварительно поперчив, посолив, а также добавив специи, и нажала на нужную кнопку. Пока мультиварка, капризно фырча, стала работать, мигая лампочками, Мирослава замесила блинчики, но пожарить их не успела, поскольку через некоторое время мультиварка запищала, задымилась и стала пачкать всё вокруг вытекающим из неё соком. Остановить монстра помогло только резкое выдергивание шнура из розетки. Мира аккуратно заглянула внутрь, поняв, что мясо превратилось в угли, а весь

его сок вытек через дно навороченной бытовой техники.

Страшно огорчившись, девушка принялась отскребать пригоревшее мясо со дна устройства, но включив после этой процедуры мультиварку в розетку, девушка не дождалась от нее ничего, кроме жалкого попискивания. Думая, что Токарев её непременно убьет, за то, что она угробила такую важную вещь, Мира срочно стала заглаживать свою вину, пытаясь успеть приготовить Владу хоть что-то кроме блинов. Самой ей завтракать уже совершенно не хотелось.

В одном из ящичков она обнаружила небольшой пакетик с быстрорастворимой кашей с надписью на иностранном языке. И пусть Мирослава не уважала все эти полуфабрикаты, исправлять положение надо было быстро. Поэтому девушка залила смесь кипятком, украсив горячую кашу малиновым вареньем, обнаруженным на той же полке, и листочками мяты из холодильника.

— Я включила мультиварку в розетку, но она не работает, — извиняющимся голосом закончила я свой трагедийный рассказ.

— Ты просто забыла поставить внутрь чашу, и положила мясо прямым на самый нагревательный элемент, — улыбнулся Токарев.

— Может её феном посушить? Вдруг заработает! — вскакивая с коленок, предложила я, теперь уже смеюшемуся, Владу.

Токарев, тоже встав, подошел к жалобно урчащей технике, отключив её от питания.

— Пусть лучше постоит, отдохнет, может сама заработает, — предложил он и добавил: — У нас еще осталась какая-нибудь еда, до которой не добрались твои золотые ручки?

Я хотела было обидеться, но поняла, что в таком положении как у меня, не обижаются. Ведь он из дома не выгнал и даже ругаться не стал на меня за напрочь испорченный агрегат.

— Вот, кашку приготовила, — пододвинула я Токареву тарелку с аппетитно дымящейся, всё еще горячей, кашей.

Влад с благодарностью уселся за стол, любуясь на красивую сервировку этого незатейливого блюда. Ещё никогда Токарев не пробовал свой протеиновый коктейль в виде «каши» с вареньем и мятой. Глядя в наивные глаза девушки, радостной от того, что хоть чем-то она ему угодила, Влад не смог сказать ей дурного слова и терпеливо, ложка за ложкой стал уплетать невкусную смесь.

— Что-то я не наелся, — произнес депутат, аккуратно стряхивая в помойку, так, чтобы не заметила Мира, свою недоеденную смесь для наращивания мышц.

— Блинчики уже скоро будут готовы! — засуетилась я у плиты.

«Не надо!» — хотел вскрикнуть Влад, но вместо этого выдавил из себя жалкую улыбку, решив приготовить себе нормальную еду сам.

Мне было так непривычно наблюдать за тем, что мужчина сам готовит себе еду, тем более так профессионально и быстро. Достав сковородку, Влад обжарил мелко нарезанную луковицу в сливочном масле, к которой чуть позднее добавил грибы, щедро посыпанные укропом. Вслед за лучком и грибами отправилась соломка картофеля, которая буквально через пятнадцать минут покрылась золотистой корочкой, завлекая себя попробовать.

Глотая слюни, я поняла, что аппетит моментально вернулся, и жутко захотелось отведать этого блюда.

— Угощайся. Наш завтрак и так уже плавно перетек в обед, — Токарев поставил две тарелки с ароматным картофелем с грибочками и пригласил меня за стол, доставая из фарфоровой салфетницы кружевную салфетку.

Успевшие подготовиться блинчики тоже оказались очень вкусными и румяными, и не позволили мне окончательно опозориться перед депутатом. Увидев заходящего на кухню в превосходном расположении дедушку, Влад достал из шкафчика еще одну тарелку и порадовал старика отменной едой.

Это было так забавно: мы смотрелись как настоящая семья, вместе обедающая на кухне. Я за обе щеки уплетала картошку, приготовленную руками Влада, он молча жевал мои блинчики, а дед Гриша ел и то, и другое, рассказывая о своей бурной молодости.

Добраться до чая с печеньем мы не успели — в доме раздался звонок.

Влад пошел открывать дверь, думая о том, кого бы могло занести к нему в гости, ведь он никого не ждал. Может Башин нагрянул? Или Вика от любопытства прибежала посмотреть на его новых «квартирантов»?

Токарев безумно удивился, увидев на пороге стильно одетого в белую рубашку и такие же белые брюки со светло-серым ремнем, темноволосого мужчину, который, поправив лацкан на своем темно синем пиджаке, держа в руках коробку, опоясанную огромным красным бантом, попросил:

— Позовите Мирославу, пожалуйста.

Влад не успел ответить незнакомцу, поскольку, отодвинув Токарева в сторону, Мира пронеслась мимо него к брюнету, кинувшись к нему на шею с криком:

— Савелий! Как же я рада тебя видеть!

* * *

«Уже и хахаля в дом притащила», — подумал Влад, но вслух сказал:

— Ну что же в дверях стоите, проходите, раз пришли.

Савелий благодарно улыбнулся, проходя в гостиную, сняв в прихожей свои идеально начищенные ботинки.

Я же просто светилась от счастья, от того, что увидела родственную душу, да не одну, а с волшебной коробочкой, в которой, я догадывалась, кто-то упитанный в панцире поедает остатки морковного запаса.

Влад уже было хотел уйти, но любопытство взяло верх, поэтому он задержался, чтобы посмотреть с каким подарком в гости заявился Мирин ухажер. И очень интересно, почему же она к нему не попросилась пожить? Может он женат? Влад сконцентрировался на коробке в руках стильного гостя, чтобы отогнать ненужные мысли.

— Хорошо ты тут устроилась. Мне нравится интерьер, — оценивающим взглядом Савелий «прошелся» по комнате. Влад поморщился. Такое чувство, словно кроме этих двоих в гостиной никого нет! — Это тебе, — мужчина протянул сияющей Мире в руки желанную коробку.

И Влад, и Мира одновременно затаили дыхание. Он — от любопытства, она — от предвкушения встречи с любимцем. Савелий улыбался, глядя на то, как Мира осторожным движением поставила коробку на стол и развязала большой красный бант.

— Это лучший подарок, который мне когда-либо дарили! — воскликнула Мирослава, вновь кидаясь с объятьями на соседа.

Влад, вытянув шею, заглянул в коробку: на дне картонной «квартиры» обитала большая черепаха, по сытому лицу которой можно было судить, что она явно тут не голодала.

«Точно! Женат! Наверное, отобрал у сынишки или дочурки черепашку и решил „подкатить“ к расчувствовавшейся медсестре» — подумал Токарев.

— Афанасий! Как же я скучала! — достав питомца из его «дома на колесах», я погладила указательным пальцем по мягкой голове довольного самца.

— Нет! Однозначно нет! — Влад выхватил у меня из рук Афоню, положив его обратно в коробку. — Никаких черепах и другой живности в моем доме!

Я взяла из рук депутата коробку, прижав её к груди.

— Не будет Афони — не будет и нас! — ничего не говоря, Влад вырвал коробку с черепахой из моих рук.

Несчастливого Афанасия штормило, в то время как мы выхватывали его жильё из рук друг у друга. Никто не хотел уступать. Савелий с разинутым ртом наблюдал за сценой противостояния двух непоколебимых упёртых людей.

Упрямый депутат не хотел сдаваться. В памяти живо возникла картина его детства, когда он, решив погладить рыжего бельчонка в парке, вместо благодарности, получил укусы зверья, оказавшегося к тому же бешеным. В итоге, бедный мальчуган провел всё лето в уколах, решив навсегда «завязать» с дружескими отношениями с пушистыми, и не очень, питомцами.

Наглая девчонка, будто прочитав его мысли, добила Токарева окончательно:

— Он не кусается! — я слишком сильно дернула Афанасия из цепких лап этого безжалостного мужлана, и, почувствовав, что оступаюсь, полетела спиной вниз.

Как нельзя, кстати, сзади оказалась вечная моя палочка-выручалочка Савелий, который быстро сориентировался, схватив меня за талию, не позволив улететь на пол.

Влад раздосадовано наблюдал за этой картиной: как сильный мужчина зажимает в своих руках хрупкую девушку с коробкой в руках. И почему это его так сильно нервирует? Вроде и с Викой у него регулярные «отношения», да и вообще он парень «хоть куда» и не обделен женским вниманием, но откуда всё же этот червячок недовольства? Какая ему разница, что между этими двумя? Наверное, всё дело в том, что стихийное бедствие под названием «Ручкины» ворвалось в его жизнь, нарушив привычный ход вещей.

Решив, что он не будет терпеть активную личную жизнь Мирославы у себя в доме, а тем более на кухне, Влад, скорее из вредности, сказал:

— Мы договаривались на счет твоих друзей, но не животных. Я за свои слова отвечаю. Нет — это значит нет. Чтобы к вечеру черепахи здесь не было.

Нахамить Токареву мне помешало воспитание и очередной звонок в дверь. Рассерженный хозяин коттеджа открыл замок, пропуская в прихожую Вику, забывшую дома ключи. Он очень обрадовался, увидев уже ставшее для него родным, лицо союзницы. «Может хоть она спасет меня от этого бардака», — расслабляясь, подумал он.

Вика, в коротком черном теннисном платье, хотя она никогда не занималась этим видом спорта, но прекрасно понимала, что такая одежда выгодно подчеркнет её натренированные ноги и подтянутую фигуру, лучезарно улыбаясь, кинула спортивную сумку в прихожей, а затем, обняв, поцеловала Токарева.

— Волчонок, ну как всё проходит? Почитай сегодняшнюю прессу. Ты — просто бомба новостей! Барин рвет и мечет, — самодовольно улыбнулась Виктория.

— Я думал, что всё будет гораздо проще. Что дед, что внучка — сплошная катастрофа, — Токарев притянул к себе девушку поближе, зажав её между собой и стеной в прихожей.

— Ты же знаешь, что придется потерпеть. Ведь пост мэра того стоит! — прошептала Виктория, соблазнительно прикусив своему личному депутату мочку уха.

От только что увиденной Мирославы, сидящей в обнимку со своим дружкой со странным именем Савелий, и от аппетитной Вики, ласкающей его шею кончиками наманикюренных ноготков, Влад моментально загорелся, желая расслабиться в теплых женских ручках.

— Утешь меня! — попросил он.

— Не сейчас, вечером, всё вечером, — пообещала Вика, напоследок страстно поцеловав Влада, выпутываясь из его ослабевающих объятий. — Покажи мне своих гостей, а то я сейчас умру от любопытства, — попросила она.

Как только этот противный депутатишка ушел открывать кому-то дверь, я вскочила с Савелия, и, поблагодарив его за помощь, стала возмущаться:

— Нет, ты подумай! Черепашку он не разрешил оставить. Как будто это огромный пещубийца или кошка, дерущая обои.

Савелий понимающе хмыкнул, но перебивать меня не стал, понимая, что это бесполезно. Я заводилась всё больше и больше, носясь по кухне, складывая в коробку к Афоне различные деликатесы: грушу, помидор и даже кусочек завалявшегося манго в холодильнике, который я заприметила еще с утра.

— Черепохоненавистник! — я так увлеклась одариванием всякими нелестными характеристиками Токарева, что поскользнулась на натертом до блеска после утренней катастрофы полу, полетев прямоком в объятия Савелия, в этот раз окончательно завалившись на него.

Как назло, в эту минуту в кухню вошел Влад с незнакомой мне красавицей. Гостья Токарева улыбалась, в то время как в его глазах можно было увидеть настоящий шок.

«Это уже слишком!» — подумал Влад, глядя на раскрасневшуюся Миру, пристроившуюся на коленях Савелия, нежно обнимающего его за шею. Блузка девушки распахнулась на несколько пуговиц, открывая вид на светло-голубой кружевной бюстгальтер. На секунду Токарев даже задумался, а какого же цвета у нее было белье тогда в сауне, но усилием воли вернул себя в суровую действительность.

— Мирослава, я был бы очень признателен, если бы ты одаривала своего мужчину ласками и вниманием в мое отсутствие, и желательно, не у меня дома.

Я думала, что от стыда провалюсь под пол. Хорошо, что дедушка увлечен своим любимым сериалом и не видит моего позора. В очередной раз, встав с примятого Савелия, который, не смотря ни на что, посмеивался чему-то своему, я поправила одежду, «извинившись» перед Владом.

— Прошу прощения. Мы будем предаваться любовным утехам в удобное для вас время.

В эту минуту Токарев стал похож на огнедышащего дракона, и казалось, что вот-вот из его ноздрей повалит пар. Атмосферу разрядила спутница Влада, которая рассмеявшись звонким смехом, предложила «зарыть топор войны».

— Ну, хватит Вам. Влад, я и не думала, что ты так нетерпим к страсти других, — обратилась она к депутату, с которым её явно связывали не деловые отношения. — Ах, ты пуританин! — пожурила она его, погладив по щеке.

Виктория обладала прекрасным чутьем и всегда умела реально оценивать свои шансы и шансы других людей. Вот и сейчас, сквозь улыбку, она пристально изучала новых объектов её внимания.

Виктория немного расстроилась, что внучка пострадавшего старика оказалась старше пятнадцати лет и далеко не страшной наружности. Блондинка, с виду простенькая, с большими серыми глазами, при определенном свете становившимися голубыми, могла бы представлять для Вики серьезную опасность, но зная предпочтения Влада, она нисколько не сомневалась, что он устоит перед чарами новой «сожительницы», если та решит их применить. А пока казалось, что она совершенно равнодушна к такому прекрасному образцу мужественности, как Токарев, поэтому, Виктория не спешила атаковать конкурентку, решив как следует приглядеться к ней.

А вот идеально одетый красивый мужчина сразу заинтересовал Вику намного больше. Неужели ему так нравится эта наивная серая мышь Ручкина? От гостя веяло силой, гордостью и каким-то аристократизмом. Ловким движением он отряхнул примятые брюки, и обратился к блондинке:

— Мира, ну я, пожалуй, пойду. Звони, если что. Всегда буду рад помочь, — Савелий почувствовал накаляющуюся обстановку и, решив не нервировать хозяев особняка, решил удалиться.

Вика стояла замороженная бархатистыми нотками голоса Савелия, я в расстроенных чувствах собралась проводить соседа до двери, а Влад, почему то занервничал, услышав последние слова стилиста.

— Надеюсь, что оказывать ПОМОЩЬ друг другу вы будете в другом месте, — Влад и сам не знал, что на него нашло, но он так и не смог удержаться от колкости в адрес дружка Ручкиной.

Савелий рассмеялся, а я, прошептав слово «злыдень», проводила соседа к выходу из дома.

— Черепаху не забудь, — напоследок напомнил Влад.

— Что будем делать с Афанасием? — спросил меня Сава, стоя с коробкой в руках около ворот.

— У богатых свои причуды, Савушка. Афоню я в обиду не дам, а вот у Токарева спокойная жизнь точно закончится раз и навсегда, — и подумав, добавила: — Ну, на ближайшие пару-тройку недель точно.

Я взяла из рук Савелия любимую черепашку, и, как следует закрыв вентилируемую коробку, чтобы Афанасий не сбежал, положила его под ближайший кустик, решив забрать в дом, как только злыдень со своей подружкой удалятся по своим делам.

* * *

Несмотря на яркое солнце за окном, в комнате была полутьма. Споткнувшись о валяющуюся на полу книжку в толстом переплете, Зураб чертыхнулся, едва не упав. Длинный коридор некогда представительной квартиры, с толстыми стенами и высоким потолком, в настоящее время пришел в упадок, встречая нашу бригаду выцветшими обоями и скрипучим под ногами паркетом.

Крадучись, словно какие-то преступники, в поисках причины нашего вызова, мы оказались в просторной комнате, широкие окна которой были полностью занавешены почти не пропускающими дневной свет темными шторами. Повсюду витал запах затхлости и старой бумаги. Посреди огромных столбов, куч, груд и башен из журналов, газет и книг, в

массивном кресле, как на троне, восседал хозяин квартиры. Обнаружили мы его лишь по шуршанию перелистываемых им страниц очередного издания, поскольку мужчина, несмотря на тридцатиградусную жару, свалившуюся на наш несчастный городок, был укутан в бесформенный шерстяной свитер и теплые твидовые штаны, из-под которых виднелись объемные носки. Голову же странного человека венчала вязаная беретка.

Зураб пробрался через кипы бумаг к одному из окон и резко распахнул штору. Сидевший еще минуту назад тихий как мышь, хозяин жилища, завопил пронзительным голосом, услышав который, я в испуге схватилась за Игната, аналогично вздрогнувшего от внезапного визга, резанувшего по ушам.

— Не смейте! Вы кто такие? Там микробы! — одним махом, трясущимися руками, вскочивший со своего места мужчина, задернул штору назад.

Но Зураб Арменович был не из робкого десятка, потому как, подозвав сильного Игната, усадившего перепуганного «клиента» на его трон, распахнул все окна, отчего мы на миг зажмурились от яркого света, ворвавшегося в темноту комнаты.

— Бактерии! Микробы! Вирусы! — не умолкал утепленный мужчина, хватаясь за влажные салфетки, протирая ими всё вокруг себя, в том числе и руки медбрата, не позволяющие ему встать.

— Успокойтесь, милейший, — попросил Игнат.

— Бригаду вызвала соседка, сказав, что вот уже несколько дней она не видит признаков жизни в этой квартире, боясь, что склонному к болезням соседу стало плохо, — обратилась я к Зурабу, который взял один журнал, украшавший верх бумажной пирамиды, произнес: — Ну, теперь всё понятно. Гермофобия, — он показал нам обложку издания, на котором большими яркими буквами виднелось его наименование — «Здоровье». Я окинула взглядом другие газеты, которые все, как на подбор, именовались «Будь здоров», «Опасные заболевания», «Как избежать гриппа» и многие другие.

— Синдром навязчивых состояний? — переспросила я. — Первый раз сталкиваюсь с таким.

— Это же так опасно! — не умолкал горемыка, в испуге сжавшись в спинку кресла.

— Жить вообще опасно — можно умереть, — констатировал факт наш добрый медбрат.

Хозяин квартиры недоверчиво посмотрел на Игната своими внезапно округлившимися глазами и, зажав рот рукой, прошептал в кулак:

— Да, да. Именно так. Что же делать? Они повсюду. Они везде.

Зураб осмотрел сопротивляющегося пациента, убедился в правоте своего диагноза и вынес свой вердикт:

— Страх потери контроля, учащенное сердцебиение, отдышка и тошнота — все симптомы налицо. Могу ему дать только антидепрессант, но лечением должен заниматься психолог, или, в таком запущенном случае, как этот — психиатр, — но запуганный своими собственными страхами мужчина его уже не слушал, полностью погрузившись в избавление пространства вокруг себя от опасных микроорганизмов.

Дождавшись соответствующую бригаду, мы сдали пациента в надежные руки врача-психиатра, который после осмотра пациента стал убеждать его о необходимости госпитализации, поскольку, на основании существующего законодательства, без согласия, принудительно отправить его подлечиться никто не мог.

Не успев доехать до станции скорой помощи, мы получили еще один вызов к молодой женщине, которая, не успев отправиться в роддом, решила разродиться на глазах

шокированных мужа и свекра. Кому помогать первоначально стало понятно по побледневшему отцу семейства, плавно оседающему по стеночке на пол под громкие крики своей супруги. Откачав будущего папочку, мы принялись принимать роды у его жены, которая спустя пятнадцать минут после нашего приезда уже целовала свою пухленькую кроху, смотря на маленького человечка с огромным умилением и любовью. За неимением льда, мы погрузили на живот роженицы пачку принесенных из морозильника свекром пельменей и отвезли радостную ячейку общества в роддом.

— Везучая женщина! Обычно из роддома с детьми выходят, а она туда со своим едет, — хохотнул Игнат.

Но и на этом наш продуктивный день не закончился, потому как из-за невыносимой жары, мы успели оказать помощь двум женщинам с тепловым ударом, одному мужчине с тахикардией и высоким давлением, лишь после этого попав в прохладу стен нашего небольшого кабинета.

Похоже, что только самый ленивый на работе не знал, что я переехала к депутату. Если Зураб и Игнат, в силу своей мужской тактичности не приставали ко мне с расспросами, то Любочка атаковала меня еще в коридоре.

— Как он? Рассказывай скорее!

Я улыбнулась настойчивой коллеге, ответив на её нескромный вопрос:

— Сноб, какого еще поискать надо.

— Да ты что? — удивилась Любочка, вечно идеализирующая молодых красивых депутатов.

— Ага. И животных не любит, — я окончательно расстроила Любу, у которой она проживало не менее трех кошек.

Думать о Токареве мне совершенно не хотелось. Вчера, как только он соизволил уехать на своей громадной машине из дома, прихватив с собой дражайшую подружку, я достала Афанасия из-под кустов, спрятав его в комнате. Учитывая, что Владислав вряд ли захочет посетить мою скромную обитель, я не стала убирать черепаху в шкаф или комод, предоставив любимцу прекрасное место у окошка, и пусть в него была не видна его возлюбленная, открывался превосходный вид на сад.

Вечер обещал стать интересным. И пусть я очень устала на работе, но сегодня у моей лучшей подруги было День рождения, по поводу которого мы решили устроить небольшой праздник. После встречи на кладбище «упыря» Каземира Петровича, Тоня напрочь отказалась отмечать праздник Мэнди на кладбище, и перед подругой встал сложный вопрос выбора места проведения торжества, поскольку встречать новый год своей жизни дома она не могла из-за больного сердца отца. Решив сразу убить двух зайцев, а именно сделать Розе приятное и заодно проучить Токарева, я предложила провести «сабантуй» в доме Влада, ведь он не давал запретов на количество моих гостей. За дедушку я не волновалась, поскольку мой любимый старик спал так крепко, что его не могли бы разбудить и залпы из боевых орудий.

Набрав телефонный номер Мэнди, я обсудила с подругой наши планы на вечер:

— Привет! С Днем рождения, подруга! Замертвецкого счастья и заупокойной радости тебе! — поздравила я её. — Я еще на работе. Сегодня очень утомительный день — много вызовов. Во сколько сегодня соберемся?

— Спасибо! Ну конечно в полночь, когда же еще?

— Прости. Не сразу догадалась.

— Эш привезет еду и алкоголь, я позабочусь об антураже, так что не волнуйся, справимся, — успокоила меня Мэнди. — Твой депутат точно не будет против?

— Во-первых, не мой. А во-вторых, ты думаешь, я буду у него спрашивать? Ты забыла, что у нас с ним взаимовыгодное соглашение?

Мэнди рассмеялась, но предупредила:

— Мне тоже на него всё равно, я просто хочу, чтобы из-за Дня рождения, моя лучшая подруга не лишилась жилья.

— Не бойся, если что мы все дружно переедем к тебе! — «обнадежила» я Мэнди, про себя решив, что не перееду к ней жить ни за какие коврижки.

— Успокоила. Тогда до скорого, — попрощалась подруга, повесив трубку.

Но до вечера у меня было еще одно дельце: купить Мэнди подарок. Зная, что подруга любит всё, связанное со смертью и мистикой, после трудового дня я забрела в эзотерический магазинчик, расположенный через пару улиц от места моей работы. Магазин предлагал обширный ассортимент нестандартных мелочей и довольно нужных вещичек. Увидев компьютерную флешку в виде черепа, я уже подумывала купить её себе, но поняв, что коллеги по работе меня не поймут, отказалась от этой затеи. Перебрав десятков кулонов, я уже было остановилась на интересном украшении в виде зловещего вида паука, но вовремя увидела идеальный подарок для Мэнди. Из-за спины продавца, выглядывал висящий на стене чехол для скрипки, выполненный в лучших традициях готической субкультуры. На черном полотне были изображены белые призраки, кружащиеся в водовороте нот, могильные кресты и звездное небо. И пусть этот подарок стоил гораздо дороже рассчитываемой мной суммы, я поддалась обаянию вещи, потратив достойную сумму на приобретение чехла. Это будет незабываемый праздник, и Мэнди непременно останется довольна! В предвкушении радостных возгласов подруги при виде подарочка, я с чувством выполненного долга направилась к дому Токарева.

* * *

К моему возвращению дед уже поел и сидел в любимой позе перед телевизором, который размером во много раз превосходил нашего домашнего «друга» с маленьким экраном. Из-за этого оторвать дедулю от своего ежевечернего занятия становилось всё сложнее. Я успела принять душ, сделать прическу, и ради Мэнди надеть черное короткое платье. Несмотря на ее уговоры приодеть меня самой, я категорически отказалась, опасаясь испугаться саму себя. Время приближалось к началу одиннадцатого, и вот-вот должна была приехать Мэнди с антуражем и своими друзьями, а дед всё никак не хотел укладываться спать.

— Дедуль, а что ты там так увлеченно смотришь? — повторно спросила я у родственника, в первый раз так и не дождавшись ответа.

— Тут такая интересная передача! Документальный фильм про животных, — пояснил довольный дедушка, неотрывно следящий за действием на экране.

Я пожалала плечами, продолжая убирать ценные статуэтки и сувениры Влада, чтобы ненароком их не разбить. Как готы себя ведут после пары бутылочек горячительных напитков я не знала, поскольку День рождения подруги в такой компании я собиралась отметить в первый раз. До этого момента Морозова берегла мою слабую психику, и, в

присутствии меня, праздновала свои памятные даты исключительно в родственном кругу.

Наконец решив посмотреть, что за зверушек дедуля рассматривает в одиннадцать вечера, я в шоке уставилась в телевизор.

— Дедуля! «Парк Юрского периода» — это не документальная передача.

— Правда? Так реалистично! — радовался родственник, глядя на очередного динозавра, наводящего панику на в страхе разбегающихся людей.

— Пойдем спать, а то сейчас реальная жуть начнется. Вот, кажется и она в дверь звонит! — я пообещала бабушке прикупить все части этого увлекательнейшего фильма, после чего обрадованный родственник ушел спать, а я побежала открывать дверь заждавшимся гостям.

На пороге дома стояла странная компания. Причем странная она была не из-за Мэнди и её друзей-готов, а из-за Павлика, также приглашенного подругой, который в этот раз был без Николая. Павлуша резко контрастировал с черной компанией, поскольку был одет в зауженные к низу брюки и рубашку в голубую вертикальную полоску. Но больше всего в глаза бросались его очки в строгой оправе и галстук-бабочка, украшавший шею гостя, держащего в руках букет ярко-алых роз, разбавленных белыми хризантемами.

Мэнди беспардонно ввалилась в дом, приглашая друзей последовать за ней.

— Здесь всё хуже, чем я думала, — заявила подруга, осматривая гостиную.

Я промолчала, ожидая последующего продолжения монолога Мэнди, который не заставил себя ждать:

— Слишком большая комната, слишком много света, — вынесла свой вердикт подруга, беря из рук Эша большую коробку.

Тоня с любопытством рассматривала интерьер Влада, заострив свое внимание на настоящем камине, который она, посоветовавшись с Кроу, решила непременно разжечь.

Мэнди достала из коробки многометровый рулон черной атласной ткани, которой были благополучно задрапированы диван и кресла, а затем принялась вместе со мной развешивать по всему периметру комнаты своих излюбленных летучих мышей и пауков. Череп козла из комнаты подруги на один вечер переехал на журнальный столик гостиной Влада, а вокруг праздничного стола ребята водрузили невероятное количество свечек разного размера и цветов. Благо черных свечей было мало, поскольку в обычных магазинах эти свечи для магических ритуалов продавались крайне редко.

Кроу достал из коробки свой раритет — макет человеческого скелета в натуральную величину, которую тогда еще начинающий гот, стащил ночью из кабинета биологии. Однако, к его страшному разочарованию, скелет никак не вписывался в интерьер, а лишь мешал нормально проходить к столу. В связи с чем, макет был выдворен из гостиной и на время спрятан в прихожей в шкафу.

— Скелет в шкафу, — я вдоволь насмеялась над этой шуткой. — Даже у депутатов он есть! Не забудьте после праздника забрать, — предупредила я друзей Мэнди.

Нам с Тоней помог накрыть на стол Павел, а Мэнди, скептически осмотрев результат своих трудов, осталась недовольна состоянием освещения в комнате.

— Я не знала, что гостиная такая большая, — задумчиво сказала мне она. — При свечах слишком темно, а если включить торшеры и бра, то становится слишком светло.

И тут мне в голову пришла великолепнейшая идея:

— Я сейчас! Подожди пару минут, — попросила я Мэнди, отправившись в гардеробную, где еще с утра, когда гладила свою блузку на работу, заметила скопление огромного

количества еще не распечатанных, новеньких носков Влада.

Притащив две пары носков удивленной Мэнди, я объяснила ей свою идею, после чего подруга разулыбалась как ребенок.

— Ты уверена, что он не будет против? — спросила она.

— Он их даже не заметит, тем более, что сегодня наш депутат обещался быть лишь под утро. Может вообще нас не застанет, — обрадовала я Мэнди, которая с готовностью натянула новенькие носки Токарева на лампы торшеров и бра, подучив удивительный результат: рассеивающие свет носки придали мрачность и таинственность помещению, и зачарованные ребята наконец-то в полном восторге уселись за праздничный стол.

Вечер протекал на удивление приятно и душевно: Павел с восторгом наблюдал за Мэнди, которая сыграла нам на скрипке, Тоня рассказывала о своем паническом испуге на кладбище при виде «упыря», Кроу с Эшем начали травить заупокойные байки, а я с удовольствием наблюдала за всей компанией со стороны, неспешно выпивая уже третий бокал крепленого красного вина.

Подарки друзей Мэнди оценила по достоинству, особенно радостно она отнеслась к моему чехлу для скрипки и набору для шитья в виде гроба от Тони. Паша подарил имениннице редкий экземпляр книги про ведьм и колдунов, а Эш и Кроу поздравили Мэнди билетом на концерт её любимой готической группы.

Даже Паша, несмотря на атмосферу, почувствовал себя «в своей тарелке» и полностью расслабился, рассказывая удивительные случаи из жизни библиотекаря.

Токарев решил развлечься после тяжелого дня, предупредив своих «домочадцев» о том, чтобы его не ждали, и что придет он под утро. Мира сказала что-то про приход друзей, но Влад слушал её в пол уха, обдумывая предложение Башина собрать подписи депутатов в пользу отставки мэра со своего поста.

Все-таки, каким бы ушлым не был Богдан, он смыслил в политических интригах намного больше него, ведь после того, как к Владу переехали жить Ручкины, рейтинг перспективного депутата взлетел до небес.

После работы, Влад пересекся с Викой, которая потащила его на встречу со своими подругами в ночной клуб. Влад чувствовал себя трофеем в её ловких руках, которым она гордилась и постоянно выставляла напоказ. «Он мой и только мой!» — кричали все её жесты, особенно на публике. Ладонь на колене Влада, соблазнительный смех и регулярные легкие поцелуи любимого заставляли подруг зеленеть от зависти, хотя и скрывать это неприятное чувство за шаблонными улыбками и разговорами о новых поклонниках и приобретенных за бешеные деньги сумочках из последних коллекций модных домов.

— Малыш, я пойду, попудрю носик, — обратилась Вика к Владу. — Девочки, вы со мной? — спросила она у подруг.

Длинноногая Света сразу же согласилась с Викторией, а вот вторая подруга — светловолосая Алина, предпочла остаться в компании Влада за столом.

Токарев знал, что под выражением «пойду, попудрю носик» подразумевалось сорокаминутное отсутствие его девушки, которая по пути в туалет непременно встретит подруг и поклонников, в связи с чем Влад, предложив Алине выпить, отправился к барной стойке за коктейлем для дамы и стопки виски для себя.

— Ты такой милый, спасибо, — поблагодарила Токарева Алина, беря из его рук свой сине-зеленый коктейль.

Влад одним махом выпил крепкий алкогольный напиток, принявшись рассматривать публику на танцполе и не заметил, как Алина оказалась в критической близости от него, поглаживая крепкое депутатское бедро своей горячей рукой, тепло которой обжигало кожу даже сквозь ткань его брюк.

— Алина, ты что творишь? — обалдел Влад.

— Делаю тебе приятно, — замурлыкала как кошечка, не перестающая наглаживать ногу депутата, девушка.

— Перестань! — Влад скинул руку Алины со своего бедра, но вместо того, чтобы отсесть от него подальше, настырная девица переложила руку на его грудь, и, расстегнув пуговицу на его рубашке, начала вырисовывать пальцами на коже Токарева витиеватые узоры.

— Ведь ты же меня тоже хочешь, я знаю, — прошептала девушка, схватив ладонь Влада, проведя ею по своим чулкам, задирая юбку лимонного платья с пайетками. — Я сделаю всё, что ты захочешь! — пообещала она, поцеловав не ожидающего такого поступка Токарева напрямиком в его полураскрытые от удивления губы.

Влад быстро сообразил что к чему, с силой откинув самоуверенную девицу от себя. Алина даже отлетела на другой край дивана и с обидой смотрела в сторону стирающего её помаду со своих губ Влада. Сделал он это вовремя, поскольку спустя мгновение к столику подошла Вика со Светланой, которые мирно щебеча о своих женских радостях и проблемах, уселись за стол.

— Ты скучал по мне, котик? — спросила Виктория, чмокнув отрешенного Токарева.

«Не успел», — хотел сказать Влад, но вслух ответил:

— Конечно, дорогая. Знаешь, я что-то устал, может, поедem домой? — предложил он, даже не смотря в сторону Алины, которая притихла и молча сидела в углу.

Безусловно, Вика не собиралась оканчивать веселье вот так сразу, но оставаться в компании своих товарок без «трофея» теряло свою актуальность, и она, скрыв разочарование, согласилась с возлюбленным, и, улыбнувшись подругам, отчалила с Владом домой.

Влад очень хотел поскорее забыть этот неприятный случай в клубе, и стал раздевать Вику еще в такси, осыпая пылкими поцелуями смеющуюся девушку.

— Что на тебя нашло, Владик? — спросила она, сквозь хохот от щекотки щетиной Токарева своей нежной кожи шеи, благоухающий цветочными духами.

— Я что, не могу накинуться на свою любимую? — улыбнулся Влад, продолжая целовать Викторию.

Таксист деликатно отвернулся, лишь изредка посматривая в зеркало заднего вида. Расплатившись с ним, Влад поправил кофточку Вики и её сползающую юбку, после чего, обняв красотку, повел её в дом.

— Смотри, там свет горит, — обратила внимание Токарева на едва освещенную гостиную, Вика, стоя на ступеньках, пока Влад возился с ключами, открывая дверь.

Токарев посмотрел на часы: стрелки циферблата показывали чуть больше двух часов ночи.

— Наверное, Мира забыла свет выключить, — предположил он.

— Она уже Мира? Ну, ничего себе, обернуться не успею, как тебя уведут, — притворно возмутилась девушка, кокетливо проведя двумя пальцами по губам улыбающегося Влада.

— Да ты никак ревнуешь? — сделал вид, что поверил Виктории, депутат.

Обняв девушку, он, продолжая ласкать её руками и губами, завел в дом, желая поскорее оказаться в своей спальне на втором этаже, но вдруг услышал шум и чьи-то разговоры. Вика тоже перестала обнимать Влада, спрятавшись ему за спину.

— Грабители? — прошептала она.

Влад был другого мнения на этот счет, поэтому, не вооружаясь подручными тяжелыми предметами, просто прошел в гостиную.

— И тут надо произнести: «Дух, явись нам!» — сказал Кроу, заканчивая свой незатейливый ритуал по вызову призрака.

Все проговорили нужные слова, и в комнату ворвался... нет, не злобный дух, а ошарашенный депутат. В полной тишине все услышали испуганный голос Вики:

— Это что ещё за сатанисты?

Влад по достоинству оценил убранство своей гостиной. В склепе и то уютнее. Обстановка была, мягко говоря, пугающая. Кроме потрясающего сознания убранства комнаты, в гостиной находились шестеро человек, устрашающей внешности. Из них выделялся лишь один паренёк, будто случайно зашедший на кладбищенский «огонёк».

— Мирослава!!! — заорал Токарев, споткнувшись о «гробик» для шитья.

Я в страхе вжалась в кресло. Мне, конечно, хотелось позлить депутата, но я не думала, что всё будет настолько плохо.

— Ты главное не переживай, дыши глубже, — подбежала я к Токареву, отчаянно хватавшему воздух ртом и держащегося рукой за сердце. — Мы всё уберем, — попыталась я утешить взволнованного Владислава.

— Уйди от него, психопатка! — закричала Вика, вырывая Токарева из моих рук.

— Не смей орать на мою подругу! — в бой кинулась воинственная Мэнди, чем поразила всех присутствующих, привыкших видеть потухший взгляд Морозовой, вместо демонических молний в глазах свирепой девушки, несущейся на врага.

Вцепившись в волосы Вики, Мэнди продолжала громить всё вокруг, выкрикивая ругательства, которые я не слышала за всю свою недолгую жизнь. А то, что она обещала в скором времени закончится, говорило то, что Токарев, постепенно приходя в себя, протянул руки к моей шее, намереваясь придушить виноватую во всех его горестях медсестру.

— Владислав Сергеевич! Владислав! — пыталась я вырваться от Токарева, мертвой хваткой вцепившегося мне в шею.

Кроу с Эшем принялись разнимать дерущихся дам, а Павлик, по-джентльменски, попытался оттащить озверевшего депутата от меня. Это у него получалось с трудом, поскольку мощной комплекцией и накаченной мускулатурой Токарев явно превосходил худосочного библиотекаря, но, тем не менее, вдвоем мы справились с хозяином жилья, усадив его на диван., в разных концах которого уже сидели злобно смотрящие друг на друга Мэнди с Викторией, готовые вцепиться в глотку сопернице в любую минуту.

— Ребята, кажется вам пора, — тихим голосом обратилась я к ночным гостям.

Эш понимающе хмыкнул, начав собирать предметы антуража, а Влад, хотел уже было разругаться на меня не на шутку, но тут заметил, что от одной из ламп торшера тянется небольшой дымок. Приглядевшись получше, Токарев узрел свой тлеющий носок на лампе накаливания. С криком «Ты меня совсем угробить решила и дом спалить?!» он кинулся тушить незатейливый предмет мужского костюма, на ходу срывая с других ламп обнаруженных им собратьев тлеющего трикотажного изделия.

— Вон! Все вон из моего дома! — лютовал Влад. — А с тобой мы еще утром

поговорим, — обратился он ко мне, хватая за руку Викторию, уводя её прочь от этого беспредела.

Закончив собирать летучих мышей и положив в коробку последнего, свисающего со шторы, паука, я извинилась перед ребятами, вызвав им пару машин такси.

— Ты, если что, приезжай завтра ко мне. Предложение пожить у меня остается в силе, — предложила Мэнди, боясь за подругу.

— Если сейчас не убил, думаю, что и завтра не угробит. Спасибо большое за предложение, думаю, что скорее всего я так и поступлю — вряд ли после такого он оставит меня жить у себя, — поцеловав Мэнди в щёку, я попрощалась с ней, выпроваживая всех гостей из дома.

Как только последнее такси скрылось за поворотом, я пошла в спальню, думая, что в этой прекрасной кровати спать мне осталось лишь до рассвета.

— Их нельзя выгонять, — в очередной раз поставила в ступор Влада Вика.

— С чего бы это? Ты смерти моей желаешь? — переспросил он у своей девушки.

— Валяй. Выгони их — и с карьерой мэра можешь попрощаться. Ни один даже самый чахлый репортёришка местной газетенки тебя не простит, — пояснила Виктория, снимая с себя кольца и другие украшения.

Раздевшись до нижнего кружевного белья, Вика нырнула в кровать к Владу, но приставать ни один из них к другому не стал, поскольку романтическое настроение было окончательно разрушено нелепой ситуацией в гостиной.

Влад ничего не ответил своей разумной девушке, лишь подумал о том, что необходимо привлечь еще одного подрядчика для скорейшего окончания ремонта крыши над квартирой Ручкиных.

Если еще вчера казалось, что две недели это малость, то теперь Токарев решил отсчитывать дни как заключенный, мечтающий сбросить оковы и сбежать в свой любимый уютный уголок без глухих дедов и их невыносимых внучек.

* * *

Раннее утро постучалось в окна спальни Влада. Он лениво потянулся в кровати и, вспомнив о том, что с ним ночует прекрасная Виктория, протянул руку, желая начать то, что не успел окончить вчера. «Ну и что, если он её разбудит. Зато потом она будет ему благодарна», — думал депутат.

Токарев, не открывая глаз, протянул руку в поисках Виктории. Его ладонь примостилась как раз туда, куда надо — на грудь девушки. Он стал нежно поглаживать бюстгальтер подруги, удивляясь тому, что в его памяти её грудь была гораздо более округлая и приятная на ощупь. Но когда «бюстгальтер» пополз, Влад сразу смекнул, что что-то здесь не так, и, схватив ускользающий от него предмет женского гардероба, приподнял в воздух «грудь» Виктории, распахнув глаза.

Сон с депутата как рукой сняло. На него с умилением смотрел, как там его? А, Афанасий! Та самая черепаха, которую он запретил Мирославе даже на порог заносить! Это уже слишком. Разгневанный Влад вскочил с кровати, и с довольным Афанасием на руках, понесся на всех порах в комнату Мирославы.

Дверь с грохотом распахнулась, окончательно вырывая меня из захвата крепкого сна. А так хотелось поспать подольше, ведь сегодня я буду работать во вторую смену! Перед моей кроватью возник в семейных трусах Токарев собственной персоной. От изучения его идеально-плоского живота, с ярко-выраженными кубиками пресса, сильных плеч и милой растрепанной прически, меня отвлек разъяренный рык Влада:

— Мирослава!!! Это как понимать? — он вытянул вперед руку с Афоней, мило свесившим лапки с его ладони. — Я выполняю все пункты твоих нелепых прихотей, а ты только и делаешь, что доводишь меня до белого каления!

Я, подпрыгнув на кровати, взяла из рук Токарева своего шаловливого питомца, не пойми как оказавшегося в спальне депутата, и, положив его в коробку, забралась обратно на кровать, накрывшись одеялом, поскольку вспомнила о том, что из одежды на мне лишь тонкая кружевная сорочка.

Влад по достоинству оценил все прелести Мириной фигуры, и ему в голову залезла одна коварная мысль, как отомстить и немного испугать его невыносимую соседку.

— Этого больше не повторится! — начала я оправдываться, пытаюсь сказать о том, что к вечеру и следа моей ноги здесь не будет, но Токарев меня перебил, садясь на уголок кровати, наклоняясь всё ближе и ближе ко мне.

— Ты хоть знаешь, чего ты меня лишила? Я же мужчина, в расцвете сил, — перешел на голос с легкой хрипотцой Токарев, — Из-за твоих готов и черепахи, я уже сутки не могу заняться любовью со своей девушкой! — я судорожно вздохнула, ожидая, что последует за этим заявлением. — Может, ты мне поможешь в этой проблеме? — Влад аккуратно стал стягивать с меня одеяло, в которое я вцепилась руками, как в последнюю надежду.

— Что... что ты делаешь? — кажется, я начинала заикаться.

Его карие глаза пронизывали меня насквозь, отчего то, заставляя ладошки потеть и приказывая мурашкам разбежаться по телу в бешеной пляске под быстрый стук моего сердца. Я, словно загипнотизированная, задержала взгляд на лице Влада, чувствуя себя маленьким пушистым кроликом перед этим здоровым удавом с огромными зубами, готовым проглотить меня в любой момент.

Влад провел рукой по моему плечу, стягивая бретельку атласной сорочки. Я затаила дыхание, не смея даже пошевелиться. Пленительность момента нарушил внезапный шум, доносившийся из коридора.

— Не провоцируй меня, Мирослава, — посоветовал разгоряченный Токарев, водружая сползшую бретельку на её законное место.

— По-моему мне стоит переехать, — озвучила я вслух, не оставляющую меня со вчерашнего вечера мысль.

Токарев встал с кровати, натянув одеяло мне до ушей.

— Я бы тоже этого очень хотел, но ремонт скоро закончится, и я не выгоню тебя раньше срока, но лишь благодаря деду. Веди себя прилично, и обойдемся без жертв.

Мне было жутко стыдно. И пусть я не знала, что всё обернется так плачевно для Влада, это не освобождало меня от мук совести. Впредь буду вести себя пай-девочкой. Ну не любит Токарев черепах, и что теперь? Он же не виноват, что родился злыднем. Зато не бросил в беде, хоть и преследовал свои личные цели.

Шум из коридора не прекращался, и сквозь женский визг и мужской голос, который было сложно разобрать, донеслось:

— Вла-а-а-д! Ты где? — кричала Виктория, улепетывая от Григория Иннокентьевича.

Токарев выглянул в коридор, пытаясь увидеть причину Викиной паники. Прикрываясь полотенцем, Вика неслась на Влада, в поисках спасения от Мириного деда, который, несмотря на свои годы, дал бы фору любому бегуну.

— Блудница вавилонская! — орал дед, размахивая руками. — Приличного человека совращать вздумала?!

Вика упала в надежные руки Влада, прижимаясь к нему со всей силой, своим еще влажным от воды, телом.

— Что случилось? Объясните, наконец! — остановил деда на подлете Токарев.

Оказалось, что полчаса назад проснувшийся дед, решил пойти умыться в барскую ванную. Видите ли, приглянулась она ему. Напевая себе под нос очередную фронттовую песню, Григорий Иннокентьевич вошел в ванную комнату, увидев перед собой стройную длинноногую девицу, стоящую в одном нижнем белье около раковины.

— Чем это ты здесь занимаешься, любодейка? — спросил дедуля у своей «находки».

— Доброе утро, дед. Ароматом! — не задумываясь, ответила Вика, нанося на запястье дорогие духи после освежающего раннего душа.

— Ах, развратом?! — расвирепел пенсионер. — А ну иди сюда, сейчас я тебя быстро разврату научу! — Григорий Иннокентьевич снял с крючка полотенце и стал загонять бедную Викторю в угол.

— Дед, ты что, придурковат? — спросила Вика, при этом, не забывая пятиться к двери.

— Да! Я глуховат! Но далеко не лысоват! — дедушка почти зажал испуганную девушку между стиральной машинкой и душевой кабиной, но юркая Вика выскользнула из его рук в последний момент, выбежав в коридор в поисках своего спасителя Токарева.

Я, накинув халат, вышла к зачинщикам скандала, с удивлением дослушивая очередное чудачество деда.

— Ты представляешь, в каких условиях мне приходится жить? — спросил Влад у только что пережившей стресс Вики.

Девушка согласно закивала головой, а Токарев продолжил: — Григорий Иннокентьевич, это моя девушка Виктория. Прошу любить и жаловать.

Наконец, до деда дошла суть фразы Влада, и он потрясенно спросил:

— Зачем же она в ванной развратом занималась?

Токарев не сразу нашелся, что ответить, а я, взяв старика за локоток, вынув из его рук полотенце, предложила:

— Дедуля, пойдем, я сделаю тебе вкусный чай с печеньем?

Дед еще раз бросил полный негодования взгляд на трясущуюся Вику в объятьях успокаивающего её Токарева и неспешно побрел вместе со мной на кухню.

— Влад, пожалуй, я пару дней побуду у себя в квартире. Не уверена, что я смогу справиться с этим буйным пенсионером в одиночку, если в доме не будет тебя, — Вика опустила руки Влада, печально улыбнувшись.

Когда она скрылась за дверью, чтобы одеться, Влад в расстроенных чувствах пошел смывать с себя тоску прохладной водой. Через полчаса должен приехать Башин, уж он-то получит от Влада сполна. Это его идея! Надо было ему на пост мэра претендовать, и жил бы сейчас себе Влад спокойно, не страдая от Мирославы и её престарелого родственника.

Токарев даже улыбнулся, вспомнив, как смешно эта фельдшер засмушалась под напором его «страсти». А ведь он всего-навсего хотел над ней пошутить. Зато теперь он знает оружие против неё. Стоит слегка одарить Миру вниманием, и она будет бегать от него, как от огня.

Напоив деда ароматным чаем с мармеладом и печеньем, я отправила родственника смотреть любимый телесериал, решив самой немного отдохнуть и собраться с мыслями. Однако, мои планы пришлось немного перенести, поскольку в дом заявился коллега Влада. Я даже не сомневалась, что вычурный тип в черном костюме с блестящими глазками, относился к многочисленной когорте депутатов, поскольку этот мужчина, абсолютно не стесняясь, развалился на стуле в ожидании Токарева, попросив у меня зеленый чай с лимоном.

— Ты, наверное, Мирослава? — спросил мужчина, словно дикий кот, вытянувшись в струнку, лениво помешивая ложкой свой напиток, чтобы сахар поскорее растворился.

— Да, а Вы кто? Вроде мы не знакомы, — спросила я у него, чувствуя энергетику опасности, исходившую от всего его вида.

— Богдан. Не знакомы, но я наслышан о тебе, — ответил он, а я живо представила себе, что сегодня вечером, вероятно, его знания обо мне и моих друзьях значительно пополнятся.

— Надеюсь, Влад не обижает тебя, малышка? — перешел на совсем уж неформальное общение мой новый знакомый, что сподвигло меня запахнуть свой шелковый халатик с экзотическими птицами, потуже.

Ответить я не успела, поскольку с лестницы спускались Токарев с Викторией, которые так и сверкали в лучах невидимого солнца. На подтянутой фигуре Влада превосходно сидел синий костюм-тройка с красным галстуком, оттеняющим его, в то время как Виктория переделалась в белый комбинезон из легкой ткани, делающий её образ полностью законченным и элегантным.

— Башин! Рад, что ты пришел, — поприветствовал Богдана Токарев. — У меня была просто ужасная ночь, — он выразительно посмотрел в мою сторону и добавил: — Поехали, по дороге расскажу.

Башин улыбнулся, поблагодарив меня за чай, и положив передо мной на стол позолоченную визитку со своими координатами, прошептал:

— Звони в любое время. Буду рад помочь такой... медсестре, — сомнений в том, что Богдан меня узнал после того случая в сауне, уже не оставалось.

Уже в дверях, я услышала голос Влада, который спустя минуту сменился жуткой руганью, не достойной ушей благородных девиц.

— Сейчас, только зонт захвачу! — открыв шкаф в поисках зонтика, вместо нужной вещи Токарев оказался схвачен завалившимся на него скелетом, сжимающим в руках галстук депутата, за который он случайно зацепился на лету.

Богдан дико заржал, в то время как Вика ойкнула и постаралась как можно скорее сбежать из этого дома ужасов.

«Это было последней каплей», — думал Влад. «Ну, Мирослава, берегись!». Токарев с грохотом захлопнул дверь, выкинув несчастный макет человеческого скелета за порог.

* * *

Смена на работе выдалась совсем непримечательной, за исключением вызова на свадьбу, где от жары и шампанского стало плохо свидетелю, который завалился в обморок прямоком во время произнесения тоста с пожеланиями любви и долгой семейной жизни

молодоженам. Но не только этим запомнился данный вызов нашей бригаде, поскольку такую страшную свадьбу нам «повезло» лицезреть в первый раз. Молодожены, их родные, а также свидетели были откровенно некрасивыми личностями. Даже гости на свадьбе были страшнее атомной войны: чего стоила одна только тётка жениха, с накрашенными темно-синими тенями веками и ярко-красной помадой на губах, похожих скорее на пару пельменей, которая бегала вокруг страдальца, опрыскивая его минеральной водой.

После того, как лысоватый, кривоzubый свидетель был спасен, я с чувством выполненного долга заполнила отчеты, и, решив хоть чем-то исправить свой проступок перед депутатом, направилась домой через продуктовый магазин.

Словно любящая жена перед приходом обожаемого ею мужа, я носилась по кухне, творя кулинарное волшебство, предусмотрительно решив использовать для приготовления блюд привычную посуду, вместо навороченной бытовой техники.

Дедушку пришлось накормить раньше времени, поскольку совместный ужин «благородного семейства» не удался из-за позднего прихода Влада. Вернувшись глубоким вечером из Администрации, Токарев был приятно удивлен аппетитными запахами, доносящимися с кухни, поэтому, скинув элитные ботинки ручной работы в прихожей, напрямик направился на запах еды. Из-за суматошного дня он толком и поесть не успел по-хорошему.

Возвращаться домой ему совершенно не хотелось. Кто знает, что на этот раз придумала эта вздорная девица? Питона ему в кровать засунула или же пригласила своих очередных друзей поиграть в боулинг перед сном его напольными вазами? Но, к великому удивлению Владислава, Мирослава поразила его непривычной тишиной и ласковой встречей.

Обеденный стол был накрыт с душой. Это чувствовалось по аккуратно сложенным салфеткам, украшавшим две тарелки со столовыми приборами, расположенными по всем правилам этикета, и букетику цветов, стоящему в вазе посреди стола. Кроме того, на нем возвышались всевозможные блюда, широким ассортиментом которых можно было бы накормить и роту солдат. Здесь были стейки из свинины, несколько видов салатов, пара закусок и даже домашний пирог. У раковины стояла Мира, справляющаяся с мытьем последней тарелки из вороха ранее немытой посуды.

— Ты для меня стараешься? Право, не стоит, — поприветствовал «сожительницу» уставший Влад.

Я улыбнулась, приглашая Токарева за стол. Налив вина в бокал усевшегося на стул Влада, я сказала:

— Не хочу, чтобы ты думал, что я не умею готовить, — и добавила: — А вообще если честно, то мне очень-очень стыдно за то, что я доставила тебе столько неприятностей. Поэтому торжественно прошу принять этот ужин в качестве извинения за прошедшие дни, — попросила я у него.

— Сейчас посмотрим, насколько качественные извинения ты мне приготовила, — улыбнулся Влад, положив себе в тарелку стейк с гарниром.

Признав достойный ужин отличной идеей, посетившей светлую голову Мирославы, он, с аппетитом уплетая очередной кусок мяса, сказал:

— Ты прощена. Если бы я обращал внимание на всех, кто хочет испортить мне настроение — никогда не стал бы депутатом.

Обрадовавшись тому, что Токарев незлопамятен, я решила поддержать разговор, чтобы окончательно укрепить наше перемирие:

— Как прошел твой сегодняшний день?

— Как ни странно — довольно неплохо, правда, в сети появилось много карикатур с изображением меня с длинными черными волосами, с черепом на груди и с надгробной плитой подмышкой, — ответил Влад, не отвлекаясь от поглощения пищи.

После этих его слов у меня тут же похолодело в груди.

— Откуда они узнали? — только и смогла вымолвить я, представляя, какой скандал мог разразиться на голову несчастного Токарева.

— Баринов почувствовал, что запахло горелым, поэтому приставил ко мне продажного папарацци, чтобы тот следил за моей личной жизнью в поисках компромата. И, как видишь, ему необычайно повезло, поскольку он запечатлел уход моих готических «друзей» после твоей вечеринки у меня дома, — Влад озвучил известную на весь город фамилию мэра, который давно не пользовался популярностью у населения из-за своей эпической коррупционной деятельности.

— Что же теперь будет? — с испугом спросила я у Токарева.

— Сначала я тоже был не в восторге от этих «весёлых картинок», но к вечеру оказалось, что это сыграло мне только на руку. По итогам опроса общественного мнения, теперь нашу коалицию поддерживает и слой неформальной молодежи.

Меня тут же отпустил панический ужас, и камень свалился с души. Мы одновременно рассмеялись, представляя себе, что еще нужно сделать обычному депутату, чтобы стать мэром.

— Надеюсь, ты не пойдешь к панкам с цветным ирокезом на голове, чтобы переманить их в стан своих избирателей? — продолжая веселиться, спросила я у Токарева.

— Вообще-то у меня были другие планы на этот счет. Надо бы наведаться в стриптиз клуб — там ну ооочень много незадействованного электората! — Влад откровенно издевался надо мной, мило улыбаясь.

Какая же всё-таки у него приятная, открытая улыбка. Глядя на неё, мне самой захотелось улыбнуться в ответ.

После завершения «ужина раскаяния Мирославы Ручкиной», Влад вытер губы салфеткой, обратившись ко мне:

— Спасибо, Мира. Это бы действительно вкусно, — и, уже вставая из-за стола, сказал: — Завтра в десять утра отведи Григория Иннокентьевича по этому адресу, — обойдя стол, Токарев положил передо мной визитку с координатами известной в городе стоматологической клиники, славящейся на всю округу своими специалистами и заоблачными ценами. — Посмотрим, что можно сделать с его зубами.

Я, не веря своим глазам, взяла в руки белый прямоугольник бумаги, настороженно спросив у депутата:

— Это тоже твоя благотворительность для поднятия рейтинга?

— Нет, просто мне надоело каждое утро смотреть на его беззубую улыбку, — ответил Влад, который просто захотел помочь деду, видя его ежедневные мучения по откусыванию яблока или отбивной.

Пока я продолжала удивленно взирать на визитку, Влад вышел из кухни, думая о том, что когда Ручкина не вредничает и не устраивает «полосу препятствий» в его собственном доме, она очень даже ничего. И, если бы он не знал, что она работает фельдшером в бригаде скорой помощи, то однозначно повесил бы на Мирославу ярлык сестры милосердия: с огромными невинными серыми глазами и золотистыми локонами волос, обрамляющими её

детское лицо она была похожа на сущего ангела, только вот с характером пакостного дьяволенка.

«Что-то есть в этом Токареве», — задумалась я, представляя перед собой удивительные карие глаза Влада. Может быть не все депутаты плохие? Глубоко в душе я знала причину своего противостояния Владу, но не хотела признаваться в этом даже самой себе.

* * *

Следующий день преподнес настоящий сюрприз: два человека радовались жизни, став чуточку счастливее, чем были до него. Одним из них был мой дед, который посетив стоматолога, услышал о том, что спустя пару месяцев он будет блистать целым рядом новых зубов. Улыбающийся доктор обнадежил старика, что благодаря частично новой челюсти, дедушка сможет грызть всё, что захочет, как настоящая акула. Дед Гриша возвращался от эскулапа домой такой радостный, что всю дорогу твердил о том, что скоро вместо Григория Иннокентьевича я буду видеть настоящего хищника, а не пожилого пенсионера.

Другим счастливецом стал Савелий, который позвонив мне спозаранку, сообщил, что его кандидатура прошла отборочный тур на Всероссийском конкурсе «Модный прорыв года», первый этап которого должен был проходить в нашем городе. Взволнованным голосом Савелий попросил помочь, и отказать ему я просто не посмела. В связи с чем, учитывая мой сегодняшний выходной, новоявленный конкурсант изъявил желание в срочном порядке заехать днем домой к Токареву, обещая вести себя цивилизованно и не доставлять неудовольствия хозяину нашего временного пристанища.

Последний тоже не заставил себя долго ждать. И хоть я и надеялась, что они с Савелием не пересекутся, Влад позвонил мне, попросив подготовить документы, в срочном порядке понадобившиеся ему на заседание Думы.

— Мир, мэр неожиданно решил обсудить проблему сельского хозяйства именно сегодня, зная о том, что я не успею подготовиться так быстро. На моей тумбе около кровати лежат листы рукописного текста. Сложи их в папку, я заскочу за ними через час, — услышала я в трубке голос Токарева. От мысли, что я могу быть чем-то полезна Владу, на душе стало тепло.

Предупредив Токарева, что, вероятно, ко мне заедет Савелий, я одним махом взлетела по широкой лестнице наверх, в спальню Влада, которая до этого момента оставалась для меня «святая святых».

Благодаря высоким французским окнам, расположенным практически от потолка до пола, комната была наполнена светом. Несмотря на любовь мужчин к темным тонам в интерьере, спальня Влада отличалась минимализмом и светлой мебелью. Подойдя к кровати, я тут же заметила необходимые депутату бумаги, исписанные его понятным, но немного неровным, подчерком.

«Бедняга, даже напечатать не успел», — подумала я, и, в очередной раз, решив проявить себя с лучшей стороны, забрала документы с тумбы, чтобы быстро перепечатать текст на ноутбуке.

Любопытство родилось раньше фельдшера Ручкиной, поэтому выходя из спальни, я заглянула в гардероб. На многочисленных вешалках ровными рядами висели костюмы приглушенных тонов: коричневого, синего, черного и серого цвета. Дизайнерские рубашки,

и галстуки разного цвета, словно родственники, рядками лежали на полках. Если бы не одна маленькая деталь, то можно было бы решить, что Токарев педант, но, взглянув на небольшой кусочек ткани, торчащий из закрытого ящика в гардеробе, я убедилась в обратном. Потянув на себя разноцветную ткань, я увидела милейшие трусы с изображением ромашек. Представив себе мужественного Влада в таких трусах, я чуть не свалилась со смеху на пол, но, взглянув на часы, поспешила напечатать текст, хоть и улыбка еще долго не сходила с моего лица.

Я закончила набирать текст как раз вовремя: в доме раздался звонок. Не успела я открыть входную дверь до конца, как в прихожую ворвался в своей рабочей робе Савелий, с горящим взглядом, полным восторга и с необъятными пакетами в руках.

— Мирослава! Я счастлив! Это мой звездный шанс! Ты просто обязана мне помочь, — кинулся с места в карьер мой сосед.

— Сделаю всё, что в моих силах, — уверила я Савелия, который, не останавливаясь ни на минуту, носился по гостиной, раскладывая свой нелегкий багаж.

— Конкурс через несколько недель, а надо еще столько всего сделать! Самое сложное, это два экземпляра платьев коллекции *Haute couture*, — возбужденно вещал стилист, ныне стремительно превращавшийся в модельера. — Вы с Розой — моя последняя надежда, иначе мне не успеть найти других моделей.

Представив себе Розу в длинном платье из дорогих видов тканей, я невольно поморщилась, поскольку такая картинка была просто фантастической и совершенно невероятной.

— Савелий, остановись хоть на минуту, — попросила я соседа, усаживая его на диван. — Наши с Розой фигуры далеки от модельных, — попыталась я вернуть к реальности Савелия, который и слышать ничего не хотел:

— Глупости! Главное — женственность. Ты знаешь, почему модные дома на свои показы выбирают кости, обтянутые кожей? — я отрицательно покачала головой, после чего Савелий с триумфом на лице продолжил: — Потому что на них не нужно тратить много тканей и делать сложные выточки! Ваши с Розой, или как вы там её зовете — Мэнди, фигуры я давно изучил: прекрасные выпуклости в нужных местах и гармоничное соотношение длины ног ко всему телу.

Я критически осмотрела свои «выпуклости», пытаюсь найти причину восторга Савы.

— Интересно, я то согласна, но вот как тебе удалось заполучить Мэнди в качестве своей модели? — удивленно спросила я у него.

— К сожалению, я пошел на гнусный шантаж. Припомнил ей одну историю из прошлого, после чего она оставалась мне обязанной на многие годы вперед, — я рассмеялась, пообещав себе узнать подробности той славной передраги, после чего Роза оказалась вечной должницей соседа. — Она подъедет на такси через полчаса, — добавил Сава.

Моля Богов, чтобы, заезжая за бумагами, Токарев не встретился с Морозовой, я полностью отдалась во власть умелых рук опытного стилиста, который достал из очередного пакета огромный рулон струящейся ткани цвета аквамарина.

Влад в расстроенных чувствах мчался домой. Ну, надо же, какой же этот Баринов прощельга! Знал, что до обсуждения проекта постановления еще более трех недель и вдруг назначил заседание на сегодня. Хорошо, что хоть какие-то наметки есть, жаль, что текст

накидан на бумагу лишь ручкой. Придется импровизировать.

С этими нерадостными мыслями Влад вбежал по ступенькам в дом. Уже с порога он услышал голоса: покорный Мирин и тревожный мужской, который, если память Владу не изменила, принадлежал дружку Ручкиной — Савелию.

Токарев поторопился в гостиную, потому как совещание с коллегами должно было начаться не позднее, чем через час. Зайдя в комнату, Влад просто потерял дар речи: посреди помещения стояла Мира, обмотанная длинным куском материала потрясающего синезеленого цвета, переливающегося различными оттенками морской воды. Возле нее суетился, подкалывая булавками ткань, неизвестный ему человек в рабочем комбинезоне с потертыми карманами.

Мирослава была так чудесна, что мимолетом Влад подумал о том, что ей и платью не нужно — достаточно лишь рулона ткани или шторы, чтобы подчеркнуть всю её прелесть и красоту.

— Влад! Привет, — поприветствовала его лесная нимфа. — Возьми со стола документы, — показала она рукой на папку, лежащую на журнальном столике, недалеко от нее.

— Здравствуйте, — не отрываясь от дела, поздоровался мужчина, в котором Влад с удивлением узнал Савелия.

Мира легким движением руки собрала волосы на затылке, чтобы Саве было удобнее работать с материалом около её груди, но одна шаловливая прядка выпала из общей массы волос, игриво покачиваясь от вздохов Савелия, двадцать раз перемещавшего одну и ту же булавку. Влад невольно залюбовался этой картиной, в сердцах подумав о том, что желал бы оказаться на месте этого мужчины, которому было разрешено прикасаться к нежной коже девушки и вообще делать с Ручкиной всё, что он хочет. Из-за кардинальных перемен в поведении Мирославы, Влад всё чаще думал о ней, чем о его излюбленной Виктории, которая к тому же вот уже несколько суток не показывалась на горизонте, «зализывая раны» в клубах с подругами, а также сидя у себя в квартире.

Выйдя из ступора, Влад всё же подошел к столу, взяв в руки папку бумаг. Продолжая думать о Мире, он не сразу понял, что вместо его рукописных каракулей, перед ним лежал напечатанный проект постановления. Он даже моргнул пару раз, не веря в увиденное перед своими глазами.

— Мира? — вопросительно посмотрел на меня Влад, и я с удовольствием отметила его растерянное выражение лица.

— Я решила, что печатный текст пригодится тебе гораздо больше, — я качнула плечами в оправдывающемся жесте, после чего получила грозный выговор от Савелия, чтобы не дергалась.

Влад улыбнулся искренней очаровательной улыбкой, от которой у меня почему то перехватило дух.

— Вот так и стой, не дыша, — услышала я голос Савелия, после чего волна смущения окатила меня с ног до головы.

— Я бы тебя расцеловал в знак признательности, — предложил Влад, — но боюсь, что сотни иголок вопьются в меня даже через костюм.

Я даже побоялась себе представить эту картину. Не из-за иголок, конечно, а из-за благодарного Токарева, накидывающегося на меня с поцелуями. «Мирослава, пора бы тебе и парня завести», — подумала я про себя. «А то скоро любую фразу красивого мужчины

будешь воспринимать двусмысленно. Он же просто хотел тебя поблагодарить».

У Савелия в кармане затрещивал мобильник. Оказалось, что Мэнди подъехала и просит её встретить около дома.

— Я сейчас, — предупредил сосед. — Дал ей пару заданий, боюсь, что сама не справится, пойду, дотащу её пакеты.

После стремительного ухода Савы, в комнате воцарилась неловкая тишина. Влад, опираясь на диван, читал свой проект постановления, а я почувствовала ужасный укол в лопатку.

— Влад! — закричала я так, что Токарев вздрогнул. — Савелий булавку плохо заколол сзади. Переколи, пожалуйста, — попросила я у депутата.

Он положил бумаги обратно в папку, после чего подошел ко мне со спины. После секундной заминки Токарев принялся аккуратно перекалывать острую булавку, чтобы она больше не поранила мою кожу. Было в этом что-то такое интимное, как будто он не булавку вынимал, а стягивал с меня одежду. Я не видела его выражения лица, но чувствовала его нерешительность и плавность движений. Интересно, о чем он сейчас думает?

Влад и не думал, что перекалывание одной обычной булавки сможет так взбудоражить его кровь. Мерцающий материал не скрывал аристократичного изгиба шеи и плеч девушки, оголяя её ключицы, которые Токарев, благодаря своей живой фантазии, наделил невидимыми крыльями.

Шелковые волосы Миры, до которых он случайно докоснулся рукой, переливались золотом и оттенками мёда. Она казалась такой хрупкой, что руки Токарева невольно задрожали. Он едва не уколол Мирославу вновь, поэтому сосредоточившись на булавке, быстро зацепил её за край материала.

Я повернулась к Владу, и, почти шепотом, проговорила:

— Спасибо.

Еще пару мгновений назад серьезное, задумчивое лицо Влада озарила улыбка с ямочкой на щеке, после чего он сказал:

— Тебе придется привыкнуть к боли, тут еще не меньше сотни таких же опасных острых булавок.

Ответить мне помешал приход Мэнди и Савелия. Хотя нет, не Мэнди, а самой что ни на есть, Розы. Влад бы ни за что не узнал в белокурой красавице в коротком платье ту самую готическую подругу его соседки. От удивления у меня отъехала челюсть вниз, и я даже не смогла попрощаться с Токаревым, который, глянув на часы, вылетел на улицу, прихватив документы.

— Роза, ты ли это? — ошарашенно спросила я у подруги.

— Славик, я так и знала, что ты будешь в шоке, — недовольно пробурчала златовласка и затем пояснила: — Савелий заставил меня натянуть парик и надеть это платье, кроме того, «утешил» меня тем, что туфли на высоких каблуках аналогичны копытам Дьявола, цокающим по паркету.

— Да ты оказывается красавица! — воскликнула я, вспомнив о том, что вообще-то Роза от природы натуральная блондинка, многие годы скрывающая свой истинный цвет волос под черной краской, но тут же поняла, что сморозила глупость.

— Вот как, оказывается, всплывает то, что лучшая подруга тебя всю жизнь считала уродкой, — вздохнула Роза, усаживаясь на диван.

Я попыталась извиниться, объяснить, что она поняла всё не так, но меня перебил

Савелий:

— Кукушки, я сейчас из вас обеих красавиц сделаю, если перестанете болтать и поможете мне отыскать нужные аксессуары и нитки в тех огромных пакетах.

Зная, что Роза на меня не обижается, и что мы с ней обе превратились в добровольно принудительном порядке в рабынь Савелия на целый вечер, мы побрели разгребать тонну вещи й, принесенных творческим стилистом.

* * *

К вечеру погода окончательно испортилась. За окном бушевала настоящая гроза, и я еле успела добраться до дома, проводив Савелия и Мэнди, не вымокнув как мокрая курица, попав под проливной дождь. Яркие вспышки молний за окном, и раскачивающиеся многолетние деревья, которые словно тростинки гнулись под резкими порывами ветра, не смущали дедушку, который с удовольствием мирно посапывал в кровати. Я натянула одеяло ему на плечи, и, поцеловав в щеку, подумала о том, чем бы заняться, поскольку из-за непогоды, двухэтажный коттедж Влада встретил меня темными окнами и полным отсутствием света на подъездной аллее к дому. Скорее всего, именно из-за отсутствия электричества, в связи с чем, дед потерял на вечер своего лучшего друга — телевизора, Григорий Иннокентьевич лёг спать пораньше. Влада дома тоже еще не было, и я решила воспользоваться моментом, чтобы принять ванну, побаловав себя любимую приятной телу процедурой. Из шкафа были вынуты свечи, оставшиеся после праздника Мэнди, а в тумбе в ванной комнате я обнаружила пену для ванн.

Уставший Токарев возвращался домой. После успешного представления проекта постановления на заседании Думы, ему пришлось весь день разъезжать по трем разным ресторанам, обсуждая с деловыми партнерами свой новый бизнес. Кроме депутатской деятельности, Влад имел несколько салонов по продаже последних новинок электроники и полезных гаджетов. Но ситуация на рынке заставляла постоянно искать новые пути получения дохода и Влад уже подумывал о том, чтобы открыть небольшой ресторанчик в лесной зоне за городом, для чего требовалось значительное вложение капитала и помощь высокопоставленных чиновников в организации нового для него бизнеса.

Влад зашел в абсолютно тихий, пустой дом без признаков жизни. Мало того, что за окном царил настоящий потоп с всполохами молний, так ещё и электричество вырубил! Влад чертыхнулся, освещая себе путь экраном мобильного. Интересно, что сейчас делает Мира? Уже спит? Проходя мимо её комнаты к лестнице, Влад поборол соблазн зайти к девушке в спальню и посмотреть, как она, обнимая подушку, сладко спит. Но отмахнувшись от глупой идеи, он поднялся наверх, решив принять душ, после чего, как и Мира, погрузиться в царство Морфея. Но, подойдя к ванной комнате, он увидел слабый свет, видневшийся в щель под дверь. Не зная, чего ему ожидать — готов со свечами, вызывающих духов, или купающегося деда, Токарев аккуратно приоткрыл незапертую дверь, увидев прелестную картину: в широкой ванне, мурлыкая под нос приятный ушам напев, окруженная свечами, в густой пушистой пене лежала Мира, прикрыв от удовольствия глаза.

Влад тут же почувствовал своё преимущество и, вспомнив о том, как Мира забавно смущается в неловких ситуациях, погромче хлопнул дверь, специально для того, чтобы привлечь её внимание.

Услышав звук закрывающейся двери, я вздрогнула и открыла глаза: около входа в комнату стоял Токарев собственной персоной, без стыда и совести наблюдающий за тем, как я плаваю в ванне. Верхние пуговицы его светлой рубашки с цветным воротником были расстегнуты, рукава закатаны до локтя, а на губах блуждала его вечная усмешка. К этому небрежно-соблазнительному виду, примешивалось что-то еще. Что-то опасное и непредсказуемое в его взгляде взбудоражило и взволновало меня окончательно.

— Может, ты подождешь за дверью? — пискнула я, вжимаясь в ванну.

— Нет, — покачал головой Влад.

Я совершенно не понимала, что происходит.

— Почему? И что ты собираешься делать? — со страхом в голосе спросила я у депутата, глаза которого странно мерцали в темноте.

— Сейчас буду тебе мстить, — предупредил ухмыляющийся Влад, опирающийся на дверной косяк.

— Ты же сказал, что простил меня? — я залезла в пушистую пену по самый подбородок, в надежде, что Токарев не разглядит всё, что скрыто под ней.

— Если бы все депутаты выполняли свои обещания, это была бы уже не наша страна, — усмехнулся Влад, подходя ближе ко мне.

Он присел на корточки рядом с ванной, скинув пиджак. Влад решил попробовать рукой температуру воды, запустив ладонь в пушистую пену, скрывающую девушку от посторонних глаз, едва касаясь пальцами её живота, мышцы которого внезапно напряглись. Почувствовав такое острое, контрастное прикосновение холодных пальцев Токарева к моей коже в горячей воде, я произнесла:

— Я, в отличие от тебя, благотворительностью не занимаюсь, — но это прозвучало так жалобно, что Влад и не подумал отступить.

Владислав смотрел на эту глупышку, которая так хотела казаться сильной и храброй, а в итоге была всего лишь беззащитной девчонкой, которую хотелось защитить. Вот только от кого? От него? В свете свечей кожа девушки казалась бархатистой, как будто наполненной каким-то непонятным свечением изнутри. Ему захотелось рукой провести по её плечам, касаясь шелковистых волос, спадающих на них легкой волной.

Еще никогда в жизни я не беседовала с парнем, лежа в ванне в мягком свете тающих восковых свечей. Почему когда он рядом, у меня постоянно прерывается дыхание? Молчаливая пауза стремительно затягивалась. Внезапно Токарев, ничего не говоря, прикоснулся к моей щеке, смахнув с нее так не вовремя прилипшую пену, после чего убрал руку, и, лениво облокотившись на ванну, словно кот, объевшийся сметаны, стал пристально меня разглядывать.

— Что с тобой? — спросила я его.

— Я только сейчас заметил, что глаза у тебя не серые, а голубые, — тихо ответил Влад.

— Вообще-то серые, просто, когда я волнуюсь, они приобретают другой оттенок, — предательски дрожащим голосом ответила я Токареву.

— А сейчас ты волнуешься? — тут же задал соответствующий вопрос депутат.

Моментально став пунцовой, я не смогла отвести глаза в сторону от такого прожигающего взгляда карих глаз Влада, которые в темноте казались абсолютно черными.

— Ну, вообще то я еще никогда не принимала ванну вместе с мужчиной, — пояснила я Владу, который только усмехнулся в ответ.

— Мне почему-то кажется, что ты вообще не знаешь, что такое принимать ванну вместе

с женщиной, — это немного отрезвило Токарева, вернув в прежний мир. Он хотел было добавить, что готов показать ей, как это делается, но понял, что этим явно перегнет палку. Он и так зашел слишком далеко. Зачем он только полез в воду рукой? Хотел её смутить? Вот только получилось всё совсем наоборот — скорее он смутил себя.

Поднявшись с холодной напольной плитки, Влад снял с крючка махровое бежевое полотенце, положив его на край ванны. Но увидев, что губы девушки побледнели, а кожа покрылась мурашками, он взял полотенце обратно, и, раскрыв его перед ванной, скомандовал:

— Вылезай! Ты же вся замёрзла, — знал бы он, что трясет меня далеко не от холода, а от его близости и умопомрачительного аромата его туалетной воды с терпкими нотками бергамота, то не стал бы так заботиться обо мне.

«Что я творю?» — пронеслось в голове, перед тем, как я поднялась из теплой воды, желая поскорее оказаться в нежных, но таких крепких и сильных руках Влада.

Чтобы не смущать Мирославу, Владислав деликатно отвел глаза, выставив руки вперед, прикрывая девушку полотенцем. Как только он услышал всплеск воды и ощутил взволнованное дыхание в районе своей шеи, он обнял Миру, и, прижав её к себе, обернул в мягкое полотенце. Отпустить её из своих рук ему совершенно не хотелось.

— Ты как русалка, — еле слышно сказал Токарев, глядя на темные ресницы девушки, покрытые, словно жемчужинами, каплями воды.

Я даже не улыбнулась в ответ. Было что-то магическое в этом моменте, и я боялась, что стоит мне сказать лишь одно слово, как волшебство пропадет.

Грудь Миры вздымалась под полотенцем, и Владу казалось, что еще чуть-чуть, и он не выдержит, словно дикарь, накинувшись на неё. А она стояла и молчала. Наверное, испугалась его не на шутку, а он, как дурак, не желает выпускать её из своего железного захвата рук, основательно обосновавшихся на её талии.

Совсем потеряв голову, я аккуратно положила руки на плечи Влада, прижавшись к нему еще сильнее. Я знала, что сейчас он просто скинет их, и, назвав полной идиоткой, отправит спать. Но вместо этого, Токарев отвел мокрую прядь с моего лица, и, докоснувшись пальцами шеи, провел ладонью до самой ложбинки груди. После такого яркого ощущения на коже, словно не за окном бушевал ураган, а в моей душе, я не выдержала и, моментально прижавшись к губам Влада, порывисто его поцеловала.

Оторвавшись от мягких губ Токарева, которые всегда казались мне чересчур жесткими, я не открыла глаза, стараясь хоть на секунду продлить это ощущение безграничного счастья, которое спустя пару мгновений пропадет и никогда уже больше не вернется. Но мои предчувствия оказались абсолютно ложными, потому как Влад, выронив полотенце из своих рук, с легким шорохом упавшее на пол к ногам, схватил меня в охапку, принявшись отвечать на мой неосторожный поцелуй сотнями таких же требовательных прикосновений к моей влажной коже кончиками своих пальцев и губ. Всё помещение закружилось перед глазами, и я поддалась очарованию момента, не менее активно целуя Влада в мочку уха и небрежную щетину на его щеке, в то время как он ласкал мою спину и шею, всё глубже зарываясь рукой в копну мокрых волос.

От нежной бархатной кожи Миры доносился едва ощутимый аромат фиалок, который сводил Влада с ума, заставив скинуть рубашку на пол, при этом, не переставая целовать девушку в такие притягательные, пухлые губы.

Мои пальцы вырисовывали причудливые узоры на его стальных мышцах пресса и груди,

опалая жаркими прикосновениями бронзовую кожу Владислава. В одно мгновение я очутилась на пушистом коврикe около ванны, лежа под тяжелым телом Влада. Хорошо, что коврик был достойного размера, хотя я уверена, что даже если бы и подо мной вместо него оказалась холодная керамическая плитка, я бы не заметила её, будучи полностью погруженной в исследование тела Влада всеми известными мне способами.

Время замедлило свой ход, а всё происходящее вокруг потеряло всякое значение. Я никогда не чувствовала себя такой жадной, опасаясь потерять из памяти хоть кроху тех замечательных ощущений, которые дарил мне сейчас Влад. Лишь когда наша страсть поутихла, он трепетно прижал меня к себе, прикрыв полотенцем, лежавшим на полу неподалеку. Поцеловав меня в лоб, Токарев, обольстительно улыбнувшись, спросил:

— Согрелась?

— Боюсь, что сейчас уже сгорю от жары, — ответила я, целуя своего нежданного «радиатора».

Это был удивительный вечер: мы, обнявшись, лежали на полу в ванной комнате, разглядывая затейливые блики от пламени свечей на потолке, и не было на свете в этот момент человека, счастливее, чем я.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

Чем дольше я лежала в обнимку с Владом, тем больше мне становилось не по себе. Жаркие эмоции улеглись, оставив меня с холодной головой и испуганным сердцем. Поддалась минутному порыву, а в итоге что? Он не один, между прочим, и, кроме того, наши отношения всё равно ни к чему хорошему не приведут. Будто читая мои мысли, включился свет, напоминая о том, что «киносеанс» закончен, и пора выходить из зала. Завернувшись в полотенце поосновательней, я поднялась с пола и, глядя на лежащего на полу Токарева, похожего в данный момент на какого то фантастического героя былин, сказала:

— Мне надо подумать о том, что сейчас произошло.

Улыбка Влада померкла, и он тоже поднялся на ноги. Нежно поцеловав в нос, он приобнял меня, прошептал только одно слово:

— Жалеешь?

— Нет, — тут же ответила я, но разочаровала Влада продолжением своей фразы: — Но я считаю это неправильным.

Руки Токарева опустились, позволяя мне выскользнуть из его объятий. Я быстро вышла в коридор, боясь обернуться вслед. Как такое может быть? Еще полчаса назад я чувствовала себя самым счастливым человеком на земле, а сейчас сердце разрывается от тоски, а голову заполняют тревожные мысли. «Утро вечером мудренее» — любит говаривать мой дедушка, и эта народная мудрость, несомненно, сейчас мне пригодится.

Растрепанный Влад в растерянности стоял посреди ванной комнаты.

Сама накинулась на него и считает то, что произошло между ними, неправильным. Ну, как понять этих женщин? А он, тоже хорош: словно неотесанный подросток, повелся на милые глазки и их наивный взгляд. Но одно Владислав знал наверняка: с Викой он точно быть не хочет. Этот неожиданный страстный порыв с Мирославой заставил Токарева

пересмотреть свой взгляд на отношения с Викторией. Вместо того, чтобы поддержать его в трудную минуту, она просто смылась, исчезла за горизонтом. И вообще, любила ли она когда-нибудь его? Он уже вообще забыл, что такое нормальные отношения. Да и механический, пресный секс, который ни в какое сравнение не шел с тем, что сейчас произошло между ними с Мирой, о многом говорил. А Вика... Она же всегда такой была: холодной и бесчувственной как глыба льда. Решив, что в отношениях с Викторией надо расставить все точки над «и», Влад, немного подумав, набрал её номер телефона.

* * *

В ресторане с лирическим названием «Последний крик журавля», не объясняющий жителям города, почему и зачем он кричит, оставляя своих посетителей в прекрасном неведении относительно того, был ли крик последним из-за пули меткого охотника, или же несчастная птица последний раз вскрикнула перед подачей на стол, за небольшим столиком, скрытым альковом от посторонних глаз, сидели яркая женщина и высокий мужчина с хищными чертами лица. Они явно не были влюбленной парой, поскольку их разговор не походил на романтический лепет юнцов.

— Викуля, я слышал, что ты исчезла из дома Токарева почти неделю назад, — обманчиво спокойным голосом констатировал Башин.

— Я не могу там находиться, это настоящий «дурдом на колёсах», — вспыхнула Вика, принимаясь за форель, приготовленную на углях.

— Ты забыла, что должна приглядывать за Владом? — этот вопрос явно разозлил девушку, которая в сию же минуту вспыхнула.

— Да если бы не я, Токарев бы никогда не согласился на твою авантюру с размещением у себя ущербного деда с недалекой внучкой. Стоило мне только его подтолкнуть, как дело в шляпе!

— Не слишком ли ты много о себе возомнила? Вот именно, что ты должна его направлять. Сама знаешь, как важно, чтобы Влад стал мэром. Я слишком много усилий вложил в эту предвыборную кампанию, — Богдан начинал злиться, но пока сдерживал свою вспышку ярости под контролем.

— Меня уже тошнит от всего этого. Токарев, конечно, перспективен, но он мне надоел. Скучный, как выпуск воскресных новостей в Эстонии, — Вика активно пережевывала рыбу, запивая её дорогим сортом белого сухого вина, при этом скорчив недовольную мордашку Башину, для которого это стало последней каплей. Он с грохотом положил вилку на стол, сквозь сжатые зубы, сказав Виктории:

— Слышишь, ты, тупая курица! Забыла, что и твои деньги тоже вложены в наш совместный бизнес? Если Токарев станет мэром, перед нами откроются шикарные возможности: будем проворачивать свои дела, прикрываясь его именем. А если что и прогорит, что виноват всё равно будет Влад.

Вика было хотела что-то ответить, но в этот момент её телефон, лежащий на столе рядом с бокалом вина, резко завибрировал, принимая входящий вызов от абонента «Любимый».

— О, Влад звонит. Интересно, что ему понадобилось, неужели соскучился? — девушка была действительно удивлена, поскольку считала, что её скупые сообщения с отговорками,

почему она не может приехать к нему домой, вполне должны были устраивать её депутата.

Виктория подняла трубку, услышав непривычно жесткий голос Токарева.

— Привет. Чем это ты сейчас занимаешься? — Влад хотел было спросить о её планах на завтра, но внезапно заинтересовался музыкой, играющей в помещении, где находилась, пока еще его, девушка.

— Пусенька, у подруги, ну той самой, Лильки, кот Барсик умер. Она в жутчайшей депрессии. Попросила заехать за ней в ресторан, — и, посмотрев на Башина, Вика добавила: напилась, как свинья! — сделав особый акцент на последнем слове фразы.

— Помощь нужна? — тут же поинтересовался Токарев, но Вика, перебив его, затараторила:

— Нет, что ты. Она уже почти согласилась поехать домой.

— У тебя же особо заразная ангина, как ты сама сказала? — что-то в этой ситуации Влада явно не устраивало. Вероятнее всего то, что успев изучить Викторию, он догадывался, что вряд ли в будний день, поздно вечером, заболевшая ангиной, она согласится мчаться успокаивать подругу из-за какого-то кота. Скорее она первая закопает его в землю, чтобы он не тревожил её по таким «пустякам».

— Мне уже гораздо лучше, любимый. Что ты хотел? — Вика быстро перевела тему разговора, как ей казалось, в безопасное русло.

Влад действительно сосредоточился на деле, а не на выяснении, врет ли Вика или нет, поэтому ответил ей следующее:

— Нам нужно поговорить.

— Это связано с выборами? — тут же разволновалась девушка, сжимающая в одной руке салфетку, до белизны костяшек пальцев с идеальным маникюром, но тут же расслабилась, услышав ответ Влада:

— Нет, это связано с нами.

Вика договорилась встретиться завтра с Владом в обед в кафе, подумав о том, что Токарев просто соскучился и хочет ей сделать очередной сюрприз в виде дорогой безделушки или роскошного букета цветов.

А вот Башин, благодаря своему прекрасному чутью хищника, сразу заподозрил неладное, и как только Вика нажала на кнопку отключения разговора с Владом, сказал:

— Я в последний раз предупреждаю тебя о необходимости держать Токарева на крючке. Будь с ним завтра поласковее, и переставай изображать из себя идиотку, скрываясь от него неделями из-за какого-то деда.

Вика ничего не ответила, лишь допила вино, с ненавистью смотря на Богдана, которому было абсолютно всё равно не мнение этой красотки.

— А теперь — порхай отсюда, — скомандовал Башин, показывая всем своим видом, что дальнейший разговор с ней ему неинтересен.

Оскорбленная невинность с фырканьем встала из-за стола, и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, не прощаясь с Богданом, отчалила в сторону выхода из ресторана.

Думает самый умный? Но и она далеко не глупа. Пусть опасается, что настроит Влада против него для неё плёвое дело, особенно благодаря тому влиянию, что она оказывает на Влада. Башин и сам не успеет оглянуться, как его строительная фирма окажется полностью в её руках. Обладать властью и огромным количеством денег было самой большой мечтой Виктории, и она знала, что в одном плане Богдан прав — пора возвращаться в игру.

Не смотря на вчерашнюю грозу, за окном стояло превосходное утро. Яркое солнце освещало пока еще зеленую листву на деревьях, но в воздухе уже чувствовалось неизбежное наступление осени. Влад вскочил с постели непривычно рано, но всё равно выспался, мечтая поскорее увидеть Миру. Но ни через полчаса, ни через час, девушка не спустилась на завтрак. Даже Григорий Иннокентьевич был страшно удивлен, поскольку на дорогу внучку это было совсем не похоже.

— Может нездоровится ей? — забеспокоился старик.

— Пойду, посмотрю, — уже одетый в накрахмаленную рубашку и брюки со стрелками, Токарев обрадовался нежданно подвернувшемуся поводу проведать Ручкину.

Подойдя к двери Миры, он на секунду замер и глубоко вздохнул. Что это с ним? Последний раз он так волновался лишь в школе, на выпускном вечере, приглашая понравившуюся ему девушку на танец. Тогда он был еще не так уверен в себе, хотя, если смотреть правде в лицо, уже тогда был фаворитом всех одноклассниц.

Влад повернул ручку и открыл дверь, пройдя в полутемную комнату, поскольку окна были плотно зашторены. Распахнув шторы, Токарев увидел премилейшую картину: посреди кровати, с небрежно отброшенным в сторону одеялом, в кружевном белом negligé лежала Мира. Щёки девушки покраснелись ото сна, а локоны светлых волос, точно шелковые струи водопада, обрамляли её лицо, ниспадая на подушку.

Мирослава глубоко и ровно дышала, чуть приоткрыв губы, и Влад невольно залюбовался ей. А ведь она настоящая красавица! И как он этого раньше не замечал? Он подошел поближе, усевшись на край постели, чтобы как следует запомнить каждую черту лица Мирославы.

Не сдержавшись, он провел пальцами по её пухлым губам, но Мира так и не проснулась. Влад улыбнулся и, накрыв спящую девушку одеялом, вышел из комнаты.

Всё следующее утро я упорно скрывалась от Влада. Даже специально на работу опоздала, только чтобы с ним не встречаться. Пришлось притвориться спящей, когда он вошел в спальню, потому что обсуждать с ним события вчерашнего вечера я была совершенно не в силах. И как я только смогла не улыбнуться, когда он дотронулся до моих губ? Наверное, только страх помог мне продержаться. Из-под опущенных ресниц я наблюдала за тем, как Токарев смотрит на меня. От его взгляда, даже мурашки по спине пробежались. Лишь когда он захлопнул за собой дверь, я выдохнула, начав экстренно собираться на работу.

Поцеловав, смотрящего очередной выпуск новостей, дедушку, схватив пирожок со стола на кухне, я полетела на станцию скорой помощи. Успела я как раз вовремя, поскольку как только я плюхнулась за стол, в кабинет зашел вернувшийся с Югов, довольный как стадо слонов, Пипетка. Арнольд Феоктистович небрежно улыбнулся Любочке, прямоком направившись ко мне. Загорелый «орел», облетел меня как неприступную скалу, примостившись на излюбленном им краешке стола.

— Мирослава! А Вы умеете удивлять, — подмигнул мне Сафонов.

Я растерялась, не понимая, о чем на этот раз он хочет со мной поговорить. Тем временем Пипетка продолжал:

— Стоило мне уехать, как Вы, наконец, осознали глубину своих чувств ко мне и принялись исправлять эту нелепую ситуацию с депутатом. Даже жить к нему переехали! — я раскраснелась, думая о Владе, потупив глаза. Но мой жест был расценен всего лишь как смущение от слов начальника.

— На премию не надейтесь, — он сказал это подчеркнuto громко, чтобы его расслышали другие сотрудники, находящиеся в кабинете, и более спокойным тихим голосом добавил: — Но в ресторан завтра я с Вами схожу.

Надо было срочно что-то придумывать, а то оглянуться не успею, как стану «старшей женой» Арнольда Феоктистовича. Вспомнив о том, какой завтра день, я жутко обрадовалась, что даже сочинять ничего не придется.

— Арнольд Феоктистович! Я крайне польщена, но завтра у моего друга конкурс, где я буду участвовать в качестве модели. Извините, не смогу с Вами никуда пойти.

Глаза Пипетки разгорелись ярким огнем, при слове модель. Наверное, перед глазами начальника возникла стая девиц с умопомрачительными формами в купальниках.

— Мирослава, это, безусловно, уважительная причина. Я обязательно приду завтра посмотреть на Вас. Есть пригласительный? — я забитым взглядом посмотрела на Любочку. Бедная лаборантка, из-за Пипетки она будет лишена похода на завтрашнее мероприятие. Я достала из сумочки пригласительный, предназначенный для Любы, о котором она даже не подозревала, и отдала его в загребущие ручонки руководителя. Довольный Пипетка, забрал пригласительный, и, покровительственно похлопав меня по плечу, удалился по своим особо важным делам.

— Вот мерзавец! — ласково проводила Пипетку Любочка.

Я уткнулась головой в свои руки, скрещенные на столе. Даже работой отвлечься не удалось — как назло все сегодня решили остаться здоровенькими. Даже наши постоянные «клиенты» с аритмией не звонили. Обычно когда такой «шгиль», значит, по полной программе достанется Игнату в его вторую смену.

— Что с тобой? — спросила лаборантка.

Я оторвала голову от стола, жалостливо посмотрев на неё.

— Кажется, я вчера поддалась минуте слабости и сделала кое-что нехорошее, — решила я хоть кому-нибудь выговориться, завуалировав подробности реальной ситуации.

Люба подскочила к моему столу, присев на стул рядом со мной.

— Зная тебя, Ручкина, по-любому под чем-то «нехорошим» ты подразумеваешь мужчину! Это Токарев?! — накинулась на меня лаборантка, и я вообще пожалела, что вообще завела этот разговор.

— Нет!!! — слишком резко ответила я и продолжила уже более спокойно: — не Токарев. Что мне делать, я совсем запуталась.

— Вот ты даешь! Правильно говорят, в тихом омуте... Ну, да ладно. Тебе он нравится?

— Кажется, да.

— Тогда в чем проблема?

— Мы слишком разные. Его... статус слишком далек от моего. И на многие вещи мы смотрим по-разному.

— Неужели ты закрутила с дружкой Владислава Сергеевича?

— Люба! — прервала я её.

— Хорошо, хорошо. Вообще то, противоположности притягиваются. Может, если копнуть поглубже, у вас найдется много общего?

Я задумалась, ничего не ответив. В общем то Влад хороший. И деду помог, и терпение у него золотое. Только как ему теперь в глаза смотреть? И девушка у него есть... Он же мужчина, а я сама виновата. Если сладкоежке предложат красивый вкусный пудинг с вишенкой, разве она откажется?

— Эх, сердце Пипетки будет разбито, — видя, что я ушла в глубокие мысли, лирически произнесла Люба, и я впервые за сегодняшний день искренне улыбнулась.

* * *

— Вика, нам надо серьезно поговорить, — произнес Влад глядя на свою цветущую подругу, сидящую напротив него в уличном кафе.

— Да, котик. Я вся к твоим услугам, — улыбнулась Вика, проведя пальцами по ладони Токарева, лежащей на столе. Однако, к её несказанному удивлению он отдернул руку, спрятав её под стол. — Что-то случилось? — червячок сомнения о причине их встрече стал вгрызаться в мысли девушки.

— Да. Мне кажется, что наши отношения изжили себя, — видя перед собой эту красотку в платье до колен персикового цвета, Влад совершенно ничего не испытывал. Эти депутатские обязанности совсем запорошили ему мозг, раз он не замечал раньше всю эту показную «любовь» Вики.

— Что ты такое говоришь? — девушка действительно испугалась не на шутку. Что это с Токаревым? Совсем с ума сошел? — Если ты обиделся, что я пропадала несколько дней, то это же не специально. Я была занята!

— Чем? Позволь узнать. И не пару дней, а полторы недели, — «а Токарев то, оказался не таким тюфяком, как ей казалось», — подумала Виктория. — Бегала по фитнес-центрам и салонам красоты? Спасала мифического кота своей подруги? — Вика с ужасом взидала на то, как её потенциальный мэр хочет разорвать их отношения. — Скажи честно, ты хоть любила меня? — в голосе Влада чувствовалась такая обида и огорчение, что Вика решила действовать осторожнее.

— Влад, я тебя не узнаю! Конечно, я тебя люблю. Что за глупости? Стоило оставить тебя в одиночестве, как ты уже напридумывал себе Бог знает чего, — Вика не понаслышке знала, что лучшая защита — это нападение.

— Это я тебя не узнаю, или же, наоборот, слишком хорошо тебя узнал, — холодным голосом ответил Влад.

— У тебя кто-то появился? — Вика вернулась в привычное амплуа стервы, собираясь вырвать все волосы на голове у соперницы.

— Надо же, теперь это стало тебя волновать, — иронизировал Влад. — Вика, продолжай жить своей жизнью. Мне надоело быть твоим «трофеем», — Токарев встал из-за стола, собираясь уходить.

— «Мне надоело?» — повторила за Владом Вика. — Да ты без меня никто! — Токарев на секунду остановился, обернувшись на девушку через плечо. Но ответа Виктория так и не дождалась, потому как Влад, усмехнувшись, продолжил свой путь по направлению к машине.

Савелий жутко нервничал. Вот уже неделю он не спал ночами, придумывая всё новые эскизы и в двадцатый раз переделывая акценты своих конкурсных моделей платьев.

— Сава, прекрати так переживать, — сказала Мэнди, наливая чай растрепанному стилисту.

— Как же не переживать? Завтра конкурс, а у меня ничего еще не готово, — Савелий схватился за голову, испуганно взглянув на девушку в черном трико. Белый парик валялся рядом на стуле, и перед ним стояла привычная Морозова с длинными черными волосами, собранными в хвост.

— Всё у тебя готово. Не веди себя, как истеричка, — пожурила стилиста Мэнди, ставя кружку чая на стол перед ним. — Пей чай. Завтра, когда победишь в первом этапе — пойдем пить что-то более горячительное, — подмигнула девушка.

Савелий сделал глоток горячего чая и вновь поднял глаза на Мэнди.

— Спасибо тебе. Ты ради меня даже стиль сменила, — поблагодарил он её.

— Вот именно. Теперь ты просто обязан победить, — улыбнулась девушка, присаживаясь рядом с ним на стул. — Ты заполнил все нужные для участия документы?

Савелий внезапно побледнел и вскочил из-за стола.

— Что случилось? — испуганно спросила Мэнди.

— Я забыл папку у Миры, когда был у нее на последней примерке. Эскизы надо завтра утром отдать организаторам конкурса, — объяснил растерянный мужчина.

— Вот ты башка дырявая! Поехали скорее к ней, — предложила Мэнди, хватая с вешалки ветровку и надевая на ходу осенние сапожки.

— Перестань от меня бегать!

— Я не бегаю, просто занята.

Влад, уперевшись спиной в стену, стоял в коридоре, скрестив руки на груди. Вот уже битые полчаса он пытался поймать Миру, чтобы поговорить с ней, но она активно от него скрывалась под разными предлогами.

— Мира! Остановись ты хоть на минуту! — Влад схватил меня за руку, придвинув ближе к себе. — Я тебе не говорил, что меня пригласили в состав жюри на ваш конкурс?

Услышав то, что сказал Влад, у меня подкосились ноги, но руку я выдернула, заняв её яблоком, схваченным со стола, принявшись активно его кусать за румяные бока.

— Тебе не кажется, что нам надо поговорить? — так и не дождавшись ответа, спросил меня Токарев.

— О чем?

— О нас.

— Зачем?

— Как зачем? Или ты думаешь, что я сплю со всеми подряд? — возмутился Влад.

— Тсс! Говори тише! — одернула я его, боясь, что наш милый диалог услышит дед.

— Я сейчас кричать начну, если мы спокойно не поговорим, — пригрозил Влад.

— Как подло! — но я всё же, притихнув, присела на стул.

Влад оторвался от стены и сел рядом со мной, придвинув свой стул как можно ближе ко мне. Я старалась не смотреть ему глаза, постепенно становясь пунцовой оттого, что чувствовала его дыхание у себя в районе шеи, куда он склонил свою темноволосую голову.

— У тебя глаза бегают, как у испуганного хорька, — одарил меня комплиментом Токарев.

— Давай ближе к делу, — попросила я его, понимая, что еще чуть-чуть, и я совсем растеряюсь от смущения.

— Ты мне нравишься.

Услышав такое в другой ситуации, я бы расплылась от удовольствия, но, поскольку я целый день обдумывала наш вчерашний порыв, пришла к выводу, что ни к чему хорошему наши отношения не приведут.

— Замечательно, — пробурчала я в ответ.

— Давай попробуем встречаться? — в который раз ошарашил меня Влад.

Тут я не выдержала и повернула голову, уперевшись носом в щеку Влада, посмотрев в его наглые карие глаза.

— При живой то твоей девушке? — у меня даже голос сорвался от негодования.

— Уже нет, — видя панический ужас в моих глазах, он тут же пояснил: — Вернее, с ней всё в порядке, она жива, только мы с ней расстались.

Я недоверчиво посмотрела на Токарева, который, ничуть не смущаясь, прикоснулся к моим губам и легонько поцеловал.

— Видишь, не отрицай, что я тебе тоже нравлюсь, — произнес Влад, чувствуя, что я расслабилась.

Я смотрела на него и обдумывала всё так сильно, что мне казалось, что то, как движутся мыслительные шестерёнки в моей голове, слышно даже посторонним. И уже когда я хотела сказать ему, что он мне тоже небезразличен, но я боюсь серьезных отношений, а тем более с ним, дверь в кухню распахнулась и мы услышали громогласное:

— Любимый! Вот ты где.

Повернув голову на сто восемьдесят градусов, я увидела Вику, которая с улыбкой до ушей, стояла в дверном проеме, с восторженным взглядом смотря на Влада.

— Расстались вы, как же! Глупое вранье, чтобы затащить меня опять в постель?! — подпрыгнув от неожиданности на стуле, шепотом сказала я Токареву, скинув его ладонь с моего колена.

Влад тоже вздрогнул, но отодвигаться от меня не стал.

— Что ты здесь забыла? Я же сказал, что всё кончено, — жестко сказал Влад Вике, добавив: — Не забудь вернуть ключи от моего дома.

— Мирослава, выйди. Нам с Владом нужно поговорить, — улыбки на лице девушки, как и не бывало.

— Даже не думай, — потянул меня за руку Влад обратно на стул, когда я попыталась встать, чтобы выйти.

Видя, что Токарев не собирается отпускать Миру с кухни, Вика вновь улыбнулась, но уже недоброй улыбкой, сказав:

— Хорошо. Буду говорить при ней. Запомни, дорогой: меня никто и никогда не бросал. И ты не будешь исключением! Если у тебя что-то было на стороне, — она с выражением посмотрела в мою сторону, после чего я снова покраснела как отварной рак. — То это

просто заблуждение. Всё равно ты вернешься ко мне. Рано или поздно.

— Я выбираю третий вариант: никогда, — Токарев положил мне руку на плечо, придвигая ближе к себе.

Вика моментально позеленела от злости. Её хваленая интуиция первый раз в жизни подвела. Эта простушка Ручкина увела у неё её личный «трофей». Ну, надо же!

— Если хочешь, то можешь говорить всем, что сама меня бросила, — Влад выразительно посмотрел на девушку, напомиравшую в данный момент настоящую мегеру с горящими глазами. — Хотя, думаю, что и без моего разрешения ты всем и так будешь это сообщать при каждой встрече.

Вика смолчала, хотя Влад примерно представлял, какого труда ей это стоило. Она уже собиралась уходить, но Влад ей крикнул вслед:

— Ключ верни!

Девушка с негодованием полезла в сумку, в поисках ключа от дома Токарева, но тут дверь открылась, и в коридоре послышался голос Мэнди:

— Ау! Есть кто дома? Дверь была открыта и мы с Савелием зашли!

«Еще и дверь не закрыла», — подумал Влад, глядя на Вику, замершую с сумкой в руке.

Я сидела словно затаившаяся мышь, боясь пошевелиться. Казалось, что стоит мне только выпутаться из обнимающей меня руки Токарева, как озлобленная Виктория накинется на меня и расцарапает мне лицо.

Спустя пару минут, на кухне появились Мэнди в спортивном темном костюмчике и Савелий, в трикотажном кремовом свитере и темных брюках, подчеркивающих его рост и развитую мускулатуру.

— О как! — только и сказала Мэнди, увидев нас с Владом, сидящих в обнимку за обеденным столом.

Савелий, не обращая на нас ни малейшего внимания, спросил:

— Извините, я тут папку с эскизами забыл. Не видели?

Я вскочила из-за стола, достав из ящика папку Савелия, обнаруженную совсем недавно, когда я упорно бегала по дому от Влада, разбирая вещи. Радостный Сава взял папку, пролистав её содержимое.

— Ну, мы пойдем, — он дернул за рукав зачарованно глядящую на нас Мэнди.

— Вы оставайтесь, а тебе, Вика, кажется, действительно пора, — Влад тоже поднялся со стула, выпроваживая нежданную гостью из дома.

Но как только он подошел к бывшей девушке, она одним рывком оказалась возле Савелия, мило улыгнувшись ему.

— А Вы модельер? — глядя на эскизы шикарных платьев, спросила Вика.

— Вообще-то стилист, но пробую себя и в данной сфере, — ответил Савелий, не чувствуя подвоха. — Завтра первый этап конкурса.

— Какая прелесть! Какие замечательные модели! — Виктория принялась поглаживать пальчиком контуры платья на одном из рисунков.

Мы все молча наблюдали за этой картиной, открыв рты. А Вика, вошедшая в раж, продолжала строить глазки Савелию, взяв его под локоток:

— Может у Вас найдется еще одно приглашение на конкурс. С удовольствием посмотрю на Ваш талант.

Савелий достал из папки завалившееся приглашение, которое носил с собой на всякий случай и передал его Вике. Девушка прижала приглашение, полученное из рук Савелия к

сердцу, всем своим видом показывая, как она благодарна.

— Вика, прекрати! — не выдержал Влад.

— Всё-всё. Ухожу. Не будь злюкой, — надула губы Вика, убирая приглашение в сумку. — До свидания, — прошептала она грудным голосом глядя на моего соседа.

— До встречи, — попрощался с ней он, через минуту вообще забыв об их разговоре. Главное, что драгоценные эскизы были у него в руках.

Вика с триумфом покидала дом Токарева. Заревновал ведь! Да и вообще, во всех смыслах приятный вечер получился — перспективный модельер? Что может быть лучше!

Однако, Влад не ревновал. Он просто вышел из себя, глядя на эту самовлюбленную бессовестную вертихвостку, которую он когда-то называл своей девушкой. Захлопнув за ней дверь, он вернулся на кухню, где Мира с подругой о чем-то переговаривались, а Савелий, глядя на часы, просил заканчивать их беседу поскорее, чтобы успеть подготовиться к завтрашнему показу.

— И как это понимать? — спросила Мэнди.

— Пока никак, — ответила я, предложив подруге кружку чая, от которой она вежливо отказалась.

Внезапно я почувствовала руку Токарева на своей талии, и этот эгоистичный депутат, с залихватской улыбкой на лице, огласил присутствующим:

— Мне нравится эта женщина!

Я легонько пнула невыносимого Влада в бок:

— А мне нравится картошка с грибами. И что с того?

Мэнди жутко развеселилась и, расхохотавшись на всю кухню, покачав головой, заключила:

— Ну, надо же, два Славки!

— А ведь и правда: Мирослава и Владислав. Здорово ты придумала, Роза! — к ней присоединился улыбающийся Савелий.

— Ладно, вы тут пока определяйтесь, кто или что кому нравится, а нам пора, — сказала подруга напоследок.

— Жду всех завтра, — попрощался сосед, закрывая за собой дверь.

Мы остались с Владом наедине. На кухне было так тихо, что я слышала даже то, как передвигается стрелка на часах.

— Токарев! Не смей говорить моим друзьям того, чего нет!

— С чего ты взяла, что это неправда? — Влад осторожно приближался всё ближе ко мне, заняв наступательную позицию.

— Потому, что этого не может быть, — я вывернулась из ловких рук Влада, тянувшихся ко мне, направившись в спальню. — Я спать. Не беспокой меня, пожалуйста, — попросила я депутата, скрывшись за дверью.

Влад глубоко вздохнул, наливая себе виски в прозрачный стакан. И почему она ему не верит? Сказал же нравится, значит — нравится. Женщины! Решив, что он во что бы то ни стало добьется от Миры взаимности, Токарев зашел в гостиную, увидев Григория Иннокентьевича за просмотром очередной «мыльной оперы» отечественного производства.

— Может, новости посмотрим? — предложил Ручкину Влад, уставший от мексиканских страстей, происходящих у него дома.

Дед любил новости, больше чем сериалы, поэтому сердце пожилого человека растаяло, и он вложил драгоценный «скипетр власти» в виде пульта от телевизора в руки Токарева.

Блеск софитов завораживал. В зале уже стали собираться приглашенные на конкурс, занимая стулья, обитые красным бархатом, расположенные вдоль стального цвета подиума. В отличие от меня, у который от страха тряслись коленки, Савелий был полностью собран и сосредоточен. Конкурс действительно оказался серьезным, поскольку, как мне стало известно, из целой толпы претендентов на участие в нём, были отобраны всего лишь двенадцать одаренных участников.

— Роза! Опять я тебя потеряла! — я в который раз за сегодняшний вечер натолкнулась в гримерке на подругу, не узнав её.

— Опять Роза? — уперла руки в бока, такая же уверенная, как и наш стилист, подруга, облаченная в длинное платье цвета «пыльной розы» с элегантными вставками из гипюра.

— Когда ты выглядишь ТАК, я не могу по-другому тебя называть, — посмотрела я на стоящую передо мной блондинку с пухлыми розовыми губами и замысловатой высокой прической.

— Ребятам моим ни слова, что я участвовала в этом ужасе! — прошептало розовое создание мне на ухо.

— Сегодня же вечером никому не расскажу, — рассмеялась я в ответ, после чего получила угрожающее:

— Была бы ты не в платье Савелия, точно получила бы пару оплеух, — недовольная Роза надула губы, делая вид, что страшно огорчена.

— Ты же пригласила нашего библиотекаря, — припомнила я Розе.

— Это другое. Библиотекари умеют хранить секреты, в отличие от надоедливых подруг, — бессовестно намекнула она на меня.

Савелий в последний раз расправил складки моего сине-зеленого платья, и, пожелав удачи, напутствовал:

— Девоньки мои, я на вас очень рассчитываю. Роза — молодец! Мира, что за лицо? Твой депутат будет на тебя смотреть — быстро улыбнись, чтобы в который раз его очаровать.

— Вовсе он не мой! И хватит уже весь вечер подкалывать меня Токаревым, — я запыхтела как огнедышащий дракон, но меня уже никто не слушал, поскольку конкурс торжественно начался.

Мероприятие открыла известная певица, после чего с торжественным словом выступил мэр города. Савелий показывал свои модели под восьмым номером, поэтому до нашего выхода мы успели насладиться оригинальными моделями платьев, созданными безграничной фантазией творческих личностей. Здесь было и черное платье с юбкой такого размера, что она едва не задевала сидящих на первом ряду приглашенных высокопоставленных гостей, и платья из струящихся легких тканей, шлейфы которых волной бежали позади моделей, гордо демонстрирующих эти изделия.

Наконец, под стук моего сердца, Савелий легонько подтолкнул меня к выходу на подиум, и я, набравшись смелости, вышла под яркий свет ламп, освещающих подиум так, что рассмотреть кого-то в зале было проблематично. Лишь когда я прошла пару шагов, уверенность вновь вернулась ко мне, и я, улыбнувшись, уверяя себя, что делаю это совершенно не из-за Влада, который где-то в зале смотрит на меня, шурша длинной юбкой,

прошла до конца подиума, немного задержавшись перед жюри, как учил меня сосед, и в выгодном свете показала все элементы удивительного платья, над которым Савелий корпел не одну неделю.

После того, как я оказалась в объятьях довольного Савелия, на подиум вышла Роза, которая смотрелась как настоящая модель. Она могла бы много добиться в этой сфере, но на все мои расспросы отвечала, что это не её, и она всегда будет верна музыке, а не бесполезным походам среди других «вешалок». Хотела бы я сейчас посмотреть на лицо её библиотекаря, когда он увидел её!

Из остальных моделей платьев мне запомнилось одно, которое, несомненно, станет хитом завтрашней утренней прессы, поскольку бело-черное платье, дополненное лебедиными перьями, украшал «лебедь» собственной персоной, своей длинной шеей обернутый вокруг шейки модели с яркими рыжими волосами, который был скорее похож на утку, клювом упирающуюся в щеку несчастной девушки. Роза, увидев томный взгляд «лебедя-утки», рассмеялась, пытаясь отвести взгляд от роковых очей плюшевой птицы, уткнувшись мне в плечо.

— Однозначно, первое место! Интересно, кто его подстрелил? — продолжала веселиться Роза.

— Тушь размажешь — птица больше не посмотрит, — я тоже не смогла сдержать смеха от этой «лебединой песни».

Савелий, расслышавший наш диалог, сразил наповал:

— Вот посмотрите, так и будет. Между прочим, это протеже мэра.

Мы тут же прекратили смеяться, надеясь, что Савелий глубоко ошибается.

— Ну и вкусы, — только и смогла произнести подруга.

Влад был жутко нетерпелив. Он изъерзал на стуле в ожидании, когда он сможет увидеть Мирославу. Все девушки были хороши, но он ждал появления только её. Ещё Вика настроение подпортила: заявила перед началом мероприятия и, как ни в чем не бывало, взяла его под локоток, так, чтобы все видели, что никаких размолвок между ними не произошло.

— Ты так и будешь за мной ходить? — спросил Токарев, отталкивая руку девушки.

— Сколько потребуется, столько и буду. В конце концов, ты осознаешь свою ошибку, что ты упустил такую женщину, как я, — прошептала Вика, улыбаясь в камеры фотографов.

Тяжело вздохнув, Влад последний раз предупредил Викторию, что все её попытки вернуть их отношения — бессмысленны, и направился на своё удобное кресло, стоящее в одном ряду с другими членами жюри, среди которых были известные модельеры и представители модных торговых домов.

Он уже почти заскучал, но тут на сцене появилось божественное создание, искрящееся в свете софитов, словно редкая рыбка, еще не пойманная рыболовом. Мира была великолепна: волосы объемными прядями были уложены на голове в подобие короны, украшенной шпильками со стразами и бусинами, платье изумительного цвета морской волны подчеркивало красоту девушки и изящность линий её тела. Влад даже дар речи потерял, когда она остановилась в паре метров от него, совершенно не смотря в его сторону. Судя по шепоту, пронесшемуся по залу, Токарев понял, что не он один восхищен Мирославой, отчего сердце забилося чаще, и ревность тонкими иголками стала подбираться всё ближе к нему, вонзаясь в самые потаенные уголки его души. Он подозвал помощника, спросив, выполнил

ли тот его поручение, после чего рядом с Владом была поставлена огромная корзина нежных цветов, которые Токарев мечтал подарить Ручкиной, отсчитывая минуты до окончания конкурса.

Савелий жутко нервничал, но старался этого не показывать. Его девочки сразили всех наповал, в этом он не сомневался, но излишняя самоуверенность никогда не была спутником стилиста, поэтому он изрядно волновался. На этом этапе конкурса из двенадцати участников, в следующий тур проходили отбор только пять, поэтому конкуренция была слишком высока. И лишь когда среди пятерых участников, прошедших сложный отбор, мы услышали фамилию Савелия, наша радость не имела границ. Роза тут же достала из пакета припасенную бутылку шампанского, но открыть её не успела, поскольку нас всех попросили подняться на подиум для общей фотографии и последней демонстрации платьев, созданных прошедших отбор модельерами. Безусловно, из всех работ большее внимание было оказано «укротительнице лебедей», но нас это совершенно не волновало — Савелий же тоже получил путёвку в следующий тур конкурса! А дальше началось самое интересное: после официальных поздравлений, на сцену робкой походкой поднялся наш библиотекарь Павел, который подойдя ко мне с букетом цветов из темных роз, сказал:

— Мирослава, поздравляю. Очень жаль, что Розы здесь не оказалось, можно я подарю этот букет тебе?

Возмущенный скрип подруги, словно несмазанной телеги, донесся слева от меня, после чего роскошная блондинка вырвала из рук Павла букет, прижав его к себе.

— Ещё чего! Мне подари.

— Девушка, вы совсем обнаг... — но договорить он не успел, поскольку протерев очки, не веря своим глазам, в этой блондинке с обложки журнала он узнал Морозову.

— Роза?!

— Конечно Роза. А ты думал, привидение увидел? — подруга продолжала шокировать и без того удивленного Павла, у которого начали подкашиваться ноги. Он даже заикаться начал от увиденного.

— По...поздравляю, — пискнул он, чуть не упав с подиума, но подруга вовремя подхватила его за рукав рубашки, вернув в прежнее положение.

— Жди меня через полчаса около выхода, — скомандовала она, отпустив Пашу на все четыре стороны.

— Он такой милый, когда смущается, — шепнула я подруге, на что та, сурово посмотрев на меня, произнесла:

— На чужое добро не зарься! Вон, похоже, и к тебе идут, — кивнула она головой в сторону приближающегося ко мне Токарева и... Пипетки.

Влад почти подошел ко мне, скрытый огромной корзиной цветов, но его опередил Арнольд Феокистович, держащий в руках горшок с фикусом, на котором ярким пятном алел красный бант.

— Мирослава, душенька! Это Вам! — Пипетка протянул мне фикус, отталкивая Влада с дороги.

Токарев сдаваться не хотел, поэтому, взяв Пипетку за плечо, отодвинул его от меня, загородив нас от начальника корзиной с цветами.

— Влад, ты что, цветы на могилу Неизвестного солдата возлагать собрался? — спросила я, глядя на огромный букет, который я видела только по телевизору на общегородских

мероприятиях.

— Ну, я же не знал, что ты увлекаешься горшечными растениями, — ответил Токарев, недвусмысленно глядя на фикус у меня в руках. — В следующий раз подарю тебе кактус в форме сердца.

Пришедший в себя Пипетка, нахальным образом пролез вперед Влада, и возмущенно сообщил депутату:

— Не хочу Вас огорчать, молодой человек, но Мирослава общается с Вами только для того, чтобы подобраться поближе ко мне. Не стройте обманчивых иллюзий на её счет, — Арнольд Феокистович указательным пальцем поправил очки, сползшие ему на нос.

Я уже думала о том, что бы ответить этим двум моим «фанатам», как Влад решил всё за меня: ничего не говоря, он поставил корзину на пол и, с нежностью обняв меня, поцеловал при всех. Спустя пару секунд я уже не замечала ничего: ни удивленных возгласов приглашенных на показ гостей, ни завистливых вздохов других моделей, стоящих неподалеку от меня, ни даже ослепляющих вспышек фотокамер. Были только я и он. Мне казалось, что я могла бы еще не меньше часа обнимать Токарева, чувствуя его рядом с собой, растворяясь в его карих глазах и сильных руках, но одернувшая меня за платье Роза, привела мои взбунтовавшиеся чувства в порядок.

— Возмутительно! — воскликнул Пипетка, выхватив фикус у меня из рук. — Верните подарок!

А я стояла и смотрела на Влада. Неужели я, и правда, ему нравлюсь? Поздно Мирослава. Признайся хотя бы себе, что втрескалась в Токарева по самые уши.

— Пойдем, — Влад взял меня за руку, уводя со сцены под любопытные взгляды присутствующих. — Ты была неподражаема сегодня.

Я схватила депутатскую руку в свои горячие ладони, улыбаясь, как полная дурочка.

— Как же букет? — поздно спохватилась я, спросив у Влада.

— Подарю тебе еще десять таких же. Пойдем.

* * *

Рука Влада мне казалась такой надежной и крепкой, что моя ладошка и сердце растаяли в один миг, и волна умиления пробежалась по уголкам губ, растянув их в довольной улыбке. Токарев вывел меня из галдящей от удивления толпы на прохладный воздух вечерней улицы и подвел к своей машине.

— Поехали домой? — легонько подмигнув, улыбнулся мне Влад, на глаза которого небрежно упала косая челка.

Кивнув в ответ, я забралась в фирменном «соседском» платье на переднее кресло рядом с водителем, и юбка, шурша складками, волной улеглась по ногам.

— Я чувствую себя Золушкой, которую принц увозит с бала, — прошептала я, не смотря на Влада.

— Нет, сейчас ты настоящая русалка, которую, я надеюсь, поймал в свои сети, — Влад в очередной раз смутил меня, взяв за руку. — Не смущайся уже, можешь вдоволь пощупать депутатского тельца, — самодовольно усмехнулся Токарев, положив мою ладонь себе на сердце. — Чувствуешь, как сильно бьется? Это из-за тебя.

Я действительно почувствовала сумасшедший стук сердца Влада, но взглянув в

хитрющие глаза депутата, осторожно предположила:

— Может, у тебя просто тахикардия?

— Ну вот, опять в тебе проснулся фельдшер! Побудь пока лучше русалочкой и поверь своему принцу на слово, — Влад чмокнул меня в нос, не выпуская мою ладонь из своих рук.

Видя мою нерешительность и молчаливость, Влад вновь взял инициативу в свои руки:

— Не знаю, что ты думаешь обо мне, но уверен в том, что ты мне очень нравишься. И я не прошу от тебя многого. Просто побудь рядом со мной и, возможно, из нас получится прекрасная парочка! — вновь перешел на шутливый голос Токарев.

— Да, ты будешь падать в сауне, а я залечивать твои раны, — не выдержала я, представляя перед глазами наш «идеальный» тандем.

— В тот раз у тебя неплохо получилось, — засмеялся Влад, после чего приблизился ко мне на опасное расстояние и предупредил: — Даже не сопротивляйся. Сейчас я буду тебя целовать. Не могу упустить такую редкую находку, как русалка. Она же может уплыть от меня в любой момент.

Не знаю, что там говорят на счет бабочек в животе, может они порхали у Токарева, но у меня в тот момент в голове пронеслось стадо розовых слонов, растоптавших все мои умные мысли напрочь, оставив лишь романтические фантазии, ощущение лёгкости и какого-то скрытого восторга.

Я позвонила Мэнди, предупредив о своем отъезде, и попросила забрать мои вещи, оставшиеся после дефиле. Домой с Токаревым мы ехали молчаливо, лишь изредка поглядывая друг на друга и улыбаясь, отводя глаза в сторону каждый раз, когда наши взгляды встречались. Я пыталась незаметно разглядеть Влада, каждую его черту. Он был такой... роскошный мужчина. Уверенность, излучаемая каждым его движением, постепенно передалась и мне. Очень захотелось поверить, что у нас есть совместное будущее. И я, наконец, решилась довериться Владу, хоть и боялась этих отношений в глубине души. Он же ничего не просил взамен, кроме того, чтобы я была рядом. А это самое малое, что я могла ему дать.

— Приехали, — я невольно вздрогнула от голоса Влада, вторгшегося в мои мысли. — Дедуля, наверное, уже спит. Чем займемся? — спросил ухмыляющийся наглец.

Сделав вид, что я не заметила намека, я ответила Токареву:

— Можно чай попить. Или в шашки сыграть.

— На раздевание? — тут же сообразил чрезмерно активный депутат.

— Разве это интересно? Мы же уже всё видели друг у друга, — недоумевала я.

— Неужели тебе не хочется вновь полюбоваться моим прекрасным телом, созданным в муках еженедельных тренировок в спортивном центре? — продолжал издеваться Токарев, не подозревая, что в этот момент я и правда представила его шикарный торс во всей красе. Но постаралась не выдать себя, заявив:

— Неужели еженедельных? Я заметила недоработки.

— Где? — тут же всполошился Влад, схватившись за грудь, пристально разглядывая свою идеальную, в меру развитую, мускулатуру.

— Не скажу.

— Скажи!

— Нет. Даже не проси. Хочу, чтобы ты мучился.

— За что ты так со мной, о жестокая дама моего сердца? — печально спросил Влад, пропуская меня в дом.

— Чтобы не зазнавался, — я щелкнула его по носу, проходя в прихожую.

Но стоило мне только оказаться в полутьме коридора, как я тут же была схвачена за руку и прижата в стене.

— Когда ты мне дерзишь, то привлекаешь еще больше. Да ты настоящее сокровище, Ручкина! — Влад провел пальцами по моей щеке, заставив затрепетать от его слов и нежных поцелуев, последующих вслед за ними.

Но когда я почувствовала, что шустрые пальцы депутата начинают аккуратно освобождать меня от платья, я занервничала. Как то всё так быстро происходит! Еще месяц назад чужие люди, а сейчас, я словно одурманенная влюбленная, прыгнувшая в омут с головой, поддаюсь на каждое желание Влада. И пусть мне он очень нравился, и тянуло к нему, как магнит, я оттолкнула его руку, ненавящево предложив:

— Может, попьём чай?

Влад улыбнулся, но продолжать стягивать с меня шедевр Савелия не стал, неожиданно согласившись на позднее чаепитие.

Токарев почувствовал, что его сумасшедший напор только пугает Миру, и, сдержав себя из последних сил, прошел за ней на кухню, где в свете ярких ламп люстры, девушка казалась еще прелестнее со своими большими, испуганными как у ребенка, глазами.

— Чего ты боишься? — спросил Влад, пока я наливала дрожащей рукой кипяток ему в кружку.

— Если честно, то себя, — не стала я утаивать правду.

Влад зарылся рукой в волосы, растрепав свою прическу.

— Я не буду тебя торопить. Не бойся, — наконец, он произнес те слова, которые я ожидала услышать, но отчего то тело вопило о моей абсолютной глупости и ругалось на слишком продуманную голову, не к месту срывавшую вечер в горячих объятьях Токарева.

— Спасибо, — тихо поблагодарила я своего благодетеля, подойдя к нему в упор.

Я обняла ладонями лицо сидящего на стуле Влада, приподняв его так, чтобы его карие глаза пристально посмотрели на меня:

— Я не хочу потерять тебя, поэтому и боюсь.

Когда губы Мирославы прикоснулись к его губам, Влад почувствовал, как разряд тока пробежался по телу. Никогда в жизни он не представлял себе ничего подобного. Неужели это действительно такое сильное, внезапно возникшее чувство, заставившее его делать совершенно необдуманные поступки? Ведь он не планировал ничего подобного на конкурсе, но стоило ему увидеть Мирославу, на которую с нескрываемым вождением смотрела большая часть мужчин, присутствующих в зале, он просто сделал то, что ему было необходимо в тот момент.

Оторвавшись от переполненной нежности девушки, Токарев почувствовал, что если Мирослава тут же не испарится в свою комнату, то все её просьбы и здравый смысл потеряют всякое значение, и он набросится на неё прямо на кухне.

— Иди спать. Иначе я за себя не ручаюсь, — предупредил Влад, отпуская руки от моей талии.

Пожелав спокойной ночи пылающему страстью Токареву и оставив его на кухне наедине с травяным чаем под названием «Вечернее удовольствие», я пошла к себе в спальню, наконец, ощутив, как же я сильно устала за сегодняшний день.

Но в комнате, будто читая мои мысли, на меня с осуждением смотрел Афанасий, словно ревностный отец он с укоризной разглядывал меня из своей коробки.

— Афоня, миленький. Я знаю, что ты не одобряешь этого черепахоненавистника, но он мне действительно нравится.

Черепаха продолжала внимательно вслушиваться в мои слова, ожидая, чем я закончу своё признание земноводному.

— Кажется, твоя бестолковая хозяйка втрескалась в него, как бы ей этого не хотелось.

Афанасий серьезно взглянул на меня в последний раз и, медленно развернувшись на сто восемьдесят градусов, наконец, уперся носом в угол коробки и задремал.

* * *

Башин и Токарев сидели на открытой веранде летнего кафе, расположенной на крыше высокого торгового центра, расположенного неподалеку от здания администрации, откуда открывался превосходный вид на центр города. С тех пор, как Ручкина поселилась дома у Влада, он совсем изменился — стал постоянно витать «в облаках» и не так рьяно интересоваться предстоящими выборами. Богдан локти хотел грызть от досады: ведь именно с его подачи Мирослава стала необычайно близка к Токареву. Даже очаровательная Виктория, на которую любовались все мужчины с детсадовского возраста до самого преклонного, не смогла вернуть свои былые позиции, как не старалась. Она даже умудрилась пробраться в спальню к Токареву, пока его не было дома, и ожидала его с работы, лёжа в черном коротком кружевном пеньюаре в шелковых простынях с недвусмысленным выражением лица, повязав красный бантик на шею. Но даже это не пробрало бесчувственного депутата, помешавшегося на своей Мирославе. Он с грохотом выгнал Вику, забрав у нее свой ключ, раз и навсегда запретив ей появляться в его доме. Расстроенная Вика прилетела к Богдану зализывать раны, и Башин понял, что пора что-то предпринимать.

— Что это ты такой довольный? — спросил Токарева Богдан.

Влад загадочно улыбнулся, набирая Мире сообщение с предложением вечером вместе поужинать.

— Да так. Появились причины для радости.

— Я понимаю, что причину зовут Мирослава? — пошел напрямую Башин.

Влад ничего не ответил, только в очередной раз не смог сдержать легкую улыбку, при мысли о его красавице, которая сейчас в очередной раз спасает чью то жизнь. Прошла уже почти неделя со дня конкурса, а их отношения с бешеной скоростью набирали обороты. Владу нравилось проводить с Мирой время. Она была так не похожа на его бывших подружек вроде Виктории — её не интересовали брендовые вещи, и с ней можно было общаться на любые темы, а не только обсуждать чужие деньги и связи. Токарев был уверен, что и он ей небезразличен: это можно было понять по тому, как она солнечно улыбалась каждый раз при виде него, когда он приходил усталый домой и даже кормила его чем нибудь вкусеньким. А как забавно она смущалась, глядя как он подходит к ней ближе, для того, чтобы поцеловать. И пусть они не ночевали вместе, он чувствовал себя частью настоящей семьи, с бурчащим о политике дедом, очаровательной «женой» и даже домашним питомцем, с которым в угоду Мире депутат даже наладил отношения, в один из вечеров принеся земноводному морковку. От мыслей о Ручкиной, Влада вновь отвлек Башин:

— Насколько я знаю, на днях заканчивается ремонт крыши квартиры Ручкиных. Что

думаешь делать?

— Предложу им остаться жить у меня.

«Совсем с ума сошел», — подумал Богдан, но вслух сказал совсем другое:

— Мой друг, ты совсем заигрался в доблестного «рыцаря». Твоя Мирослава ничем не отличается от других. Просто слишком хитрая и умная. Не удивлюсь, что окольцует тебя в скором времени.

Влад нахмурился, не понимая, куда клонит Башин.

— С чего ты взял?

— Я неоднократно видел её с разными мужчинами на улице и, я не хотел тебе говорить об этом раньше, но она и мне предлагала свои...услуги, — Богдан довольно ухмыльнулся, видя, что его слова попали точно в цель, потому как сидящий напротив него Токарев побледнел и отложил в сторону телефон.

— Ты что несешь? Она не такая, — Влад не на шутку разозлился.

— Моё дело тебя предупредить, ведь я же твой друг. Когда вы еще не встречались, она угощала меня чаем на кухне и открыто соблазняла. Я объяснял ей, что у нее ничего не выйдет, и что рассчитывать на роман с богатым депутатом — это глупо, но видимо, я ошибался и недооценил способности Мирославы, — Влад всё больше мрачнел, а потом не выдержал и бросил скомканную салфетку на стол:

— Прекрати! Это вообще не твоё дело! — Токарев не мог поверить словам Богдана, но и смысла ему врать он тоже не видел. Он не хотел показывать, как его задел их сегодняшний разговор, но нехорошие мысли уже поселились в его голове. Что, если действительно, ей важны только его деньги? Грех не воспользоваться такой ситуацией, когда депутат на блюдечке с каёмочкой ожидает, когда его схватят цепкие женские ручонки.

Чуть отойдя от неприятных эмоций, Влад сказал уже более спокойным голосом:

— Я не хочу больше продолжать этот бессмысленный разговор. Давай лучше о делах. Что там с избирательной кампанией?

Башин с удовольствием стал посвящать Токарева в последние события, рассказав о том, что Баринов до последнего держится за свое место и уверен, что выиграет эти выборы. Влад сосредоточенно слушал Богдана, но мысли его витали далеко от проблем Баринова и его борьбы за власть.

Наверное, Токарев был моей «волшебной пилюлей», потому как моя работоспособность возросла в разы. Самой главной темой обсуждения на работе стали наши отношения с Владом, после того как в газетах появилось небольшое эссе о прошедшем конкурсе. Пипетка держал дистанцию и вообще делал вид, что не на какое общественное мероприятие он не ходил. Арнольд Феоктистович открыто меня игнорировал, заставляя работать в усиленном режиме. Основательно издеваться надо мной ему мешал страх перед властью имущими, поэтому он вел со мной подпольную войну, которая заключалась в мелких пакостях. Например, он отправлял меня исключительно на вызовы к старушкам, страдающих маразмом, которые не могли отличить нашу бригаду от ангелов, а Зураба Арменовича одна из них вообще приняла за Святого Петра. Но мне было всё равно — ведь дома меня ждал замечательный мужчина, который был мне всегда рад. Из надменного депутата, которого я случайно чуть не пришибла плакатом в парке, Влад превратился в любимого человека. Правильно Мэнди сказала, что я окружила себя мужчинами: дед, Афоня, так еще и Токарев в моей жизни появился нежданно-негаданно.

— Ручкина, ну ты и темная лошадка. Надо так было окрутить депутата! — Люба была чрезмерно восхищена моими скрытыми талантами по «охомутанию» молодых представителей власти.

— Люб, я и сама не ожидала, что он мной заинтересуется, — я налила в кружку ароматный кофе в перерыве между выездами на вызовы.

— Почему же тобой не заинтересоваться? Добрая и красивая — что еще надо? — лаборантка стояла перед зеркалом, в который раз поправляя свой и без того безупречный макияж. — Только ты поосторожней с ним будь, это я тебе как подруга советую. Все эти богачи одинаковы — наиграются и бросят, а нам потом подушку по ночам горькими слезами орошать, оплакивая ускользающую молодость.

— Мне кажется, что Влад не такой, — осторожно не согласилась я с Любой.

— Может и не такой, только тогда его можно в Красную книгу вписать, как редкий вымирающий экземпляр, — Люба отвернулась от зеркала, в упор посмотрев на меня, и от этого взгляда мне даже нехорошо стало, потому что где то глубоко в душе я понимала, что рациональное зерно в её словах точно имеется.

Скоро крышу починят, и мы с дедом переедем обратно в нашу квартирку, оставшись наедине с впечатлениями о нашем большом приключении и новенькими дедулиными зубами. И кто знает, как поведет себя Влад? Может я ему надоем, и он не захочет продолжать со мной встречаться.

Видя, что я заметно погрустнела, Люба меня подбодрила:

— Не кисни, подруга. Если у вас с ним срастется, я буду только рада.

И я была бы счастлива вернуться в хорошее настроение, но отчего то на душе кошки скребли, да так сильно, будто всю мою влюбленность закапывали глубоко в сердце. Надо обязательно поговорить с Токаревым! Пусть лучше сразу скажет мне о своих планах на будущее, иначе, чем больше я с ним буду общаться, тем сложнее мне будет забыть о нем навсегда.

* * *

После смены я как можно скорее примчалась домой, ещё из коридора услышав очередной хвалебный глас дедушки, сообщающий боевому товарищу по телефону, какими прекрасными зубами он обладает.

— Хоть в фильме снимайся! Помолодел лет на двадцать, — продолжал вещать дедушка в трубку телефона, но, увидев меня, тут же отвлекся: — Петрович, тут внучка пришла, пойду её встречу. Хорошо. Созвонимся еще с тобой, старая развалина! — попрощался дед со своим беззубым собеседником по телефону.

— Привет, дедуль! — Григорий Иннокентьевич поспешил ко мне, чтобы взять пакеты из рук. — А Влад дома?

— Да, твой депутат на кухне весь вечер сидит. Даже новости со мной смотреть не стал. Пойди, накорми его, что ли, — посоветовал дед.

— Мы сегодня к такой женщине на вызов приезжали! Ты бы её видел: молода — семьдесят три всего. В шляпке сидела и в платье красивом. Очень интеллигентная барышня!

Дед Гриша с интересом посмотрел в мою сторону:

— Интеллигентная говоришь? А красивая?

— Дедушка, мне кажется, или ты действительно стал лучше слышать?

Григорий Иннокентьевич тут же закашлялся и переспросил:

— Спрашиваю, красивая деревенщина то?

Всё так же глухой, показалось, наверное. Улыбнувшись, я вздохнула и ответила любопытному пенсионеру:

— Жен-щи-на красивая. Если еще раз увижу, спрошу её на счет знакомства с тобой. Ладно, пойду к Токареву. Может, у него на работе что случилось. Скоро будет ужин готов, подожди полчаса, — я оставила размечтавшегося деда в гостинной, а сама, напевая себе веселую песенку под нос, отправилась утешать чем-то недовольного Владислава.

Влад был похож на тучу. Угрюмой горой он нависал над столом, ковыряясь в планшете.

— Привет! А вот и я. Заждался? Проголодался, наверное? — я чмокнула растерянного Влада в щеку, получив в ответ лишь скромную натянутую улыбку. — Что с тобой?

— Где ты так долго была?

— На работе. А потом к подруге забежала ненадолго, а что такое? — я искренне не понимала вопросов Влада и причины его дурного настроения.

— Твою подругу случайно не Савелий зовут, или Богдан? А может быть, тот тип с фикусом тоже к тебе в лучшие подружки записался? — Влад и сам не знал, что на него нашло: он целый вечер пытался сдерживать себя, но слова Башина не давали ему покоя. И если после встречи с Богданом Влад полностью отрицал, что Миру не может интересовать никто другой, кроме него, то ближе к вечеру, ожидая задерживающуюся Ручкину с работы, Токарев становился всё хмурнее. И где её носит? Может, она просто умелая обманщица, которая вошла к нему в доверие, а сама так и продолжает встречаться с другими мужчинами. Вика хотя бы откровенно показывала, что важнее всего в нем для неё всего лишь статус депутата.

— Да что с тобой? Какие глупые вопросы задаешь. Давай лучше поедим?

— Нет аппетита. И ты не ответила, — глаза Токарева вместо карих показались мне абсолютно черными. Чувствовалось, что он сдерживает злость, как только может.

— К однокласснице зашла, забрать книгу, которую ей давала почитать, — я достала из сумки небольшое, но редкое издание по медицине.

У Токарева даже от сердца отлегло. И что это с ним? Отелло себя возомнил? Его Мирослава милая и добрая, и что бы там не говорил Башин, ему не стоит верить.

— Прости меня, я сам не свой сегодня. Совсем скоро выборы, и я устал из-за подготовки к ним, — Влад снова превратился в известного мне человека, только жутко обессиленного.

Я обняла сидящего за столом Токарева за шею, положив ему голову на плечо.

— Тебе срочно нужно отдохнуть, а то плохие фотографии на плакатах получатся, — он улыбнулся моей шутке и погладил по руке.

— Как только закончатся выборы, может, возьмешь отпуск, и слетаем куда-нибудь?

— Я никогда не была за границей.

— Тогда точно поедем. Куда бы хотел слетать мой дорогой медработник? Пожариться на солнышке или, наоборот, посмотреть «старушку» Европу? — а я смотрела на Влада и думала, что с ним мне всё равно куда ехать. Хоть к оленям на Крайний Север.

Но тут на столе жалобно пискнул мой телефон, оповещая хозяйку, что пришло сообщение, как будто извиняясь за то, что потревожил нашу милую беседу. Влад тут же напрягся, глядя в светящийся экран телефона.

Я взяла телефон в руки, читая сообщение, но не успела я на него ответить, как Токарев выхватил аппарат у меня из рук.

— Что там? Подруга пишет?

Как назло, сообщение пришло от Игната, который просил меня сходить с ним вечером в боулинг, из-за разбитого сердца. О причине разбитого сердца Игната я догадывалась — наверняка, виной всему стала байкерша, бросившая нашего дорогого сотрудника. И Любе, скорее всего, он послал такую же смс, но для Токарева это сообщение звучало крайне двусмысленно:

«Утешь меня. Моё сердце разбито. Пойдем вечером в боулинг?»

В одно мгновение Влад взбесился, шальной пулей вылетев в коридор, напоследок ошарашив меня:

— Передавай привет подруге, — сквозь зубы сказал озлобленный депутат, громко хлопнув дверью.

Объяснять ему ситуацию в данный момент было бесполезно, потому как когда человек настолько зол, достучаться до его разума невозможно. Я написала Игнату, что не могу с ним пойти, посочувствовав его разбитому сердцу, думая о том, что и моё-то не совсем в порядке. Что нашло на Влада? Еще минуту назад он был таким милым, и вдруг как с ума сошел. Неужели ревнует? Возможно, кто-то на моем месте бы обрадовался такой перспективе, сделав вывод о том, что я, вероятно, дорога ему, но для меня вечерняя сцена была неприятной. Вот как теперь оправдываться? И стоит ли это вообще делать, я же не виновата...

Владислав Сергеевич дышал как паровоз. Он так и не включил свет в своей комнате, в темноте расхаживая, как граф Дракула в поисках очередной жертвы. И много у нее таких «подруг»? О чем он вообще думал? Знает её несколько месяцев, а уже навоображал себе «любовь до гроба». В тихом омуте...как там говорят? Да какой она вообще фельдшер? Ей в пору в бюро ритуальных услуг работать, тогда бы он не удивился, что она приехала его чувства «похоронить»! Влад на секунду остановился, удивленно посмотрев на себя в большое зеркало на шкафу: на него угрюмо взирал одурманенный ревностью взлохмаченный мужчина. Сейчас он скорее напоминал себе алкоголика с похмелья, чем distinguished представителя власти. Что с ним делает эта Ручкина? До встречи с ней он и не подозревал, что способен на такие глупые, юношеские чувства. Постепенно Влад стал приходить в себя. Он скинул рубашку на кровать, и, сняв часы с руки, открыл кран в ванной с ледяной водой. Срочно надо охладиться! Смыть с себя весь этот бред. Лишь спустя полчаса, замерзший Токарев успокоился и трезво оценил обстановку. Он принял важное для себя решение, но почему то именно оно не дало покоя, заставив депутата почти до самого утра ворочаться в кровати, изучая изгибы рельефного потолка.

Моё утро началось не с громких трелей будильника или пения птиц за окном. Начало нового дня ознаменовалось шумным открытием двери в спальню, и появлением в комнате Влада.

Я потеряла заспанные глаза, усаживаясь на кровати.

— Доброе утро. Что-то произошло?

Токарев, необычно отстраненный, уже одетый в светлый костюм с изысканного лилового цвета галстуком, подошел ко мне, сохраняя между нами дистанцию. Знала бы Мирослава, что последние пару часов депутат только и занимался тем, что перевязывал

галстук многочисленное количество раз, расправляя складочки на одежде, отсчитывая минуты до утра, чтобы отправиться к ней. Сна всё равно не было, и Токарев, полностью сосредоточившийся на своем внешнем виде, уверял себя, что его решение правильное и попросту необходимое в сложившейся ситуации.

— Сегодня заканчивается ремонт вашей квартиры. Я не сказал тебе вчера. Завтра можете собирать вещи и переезжать домой.

Морально я давно ожидала таких новостей, но отчего-то, услышав это сейчас от Влада, мне стало нехорошо и очень неприятно на душе.

— Что это ты погрустнела? Надеялась, что предложу тебе и дальше жить вместе? — продолжал «добивать» меня бессердечный депутат.

Я ничего не ответила. Всему хорошему приходит конец. Я и так загостилась у него, пользуясь его добросердечностью и гостеприимством.

— Нет. Даже и не думала, — прошептала я еле слышно.

— Вот и отлично. Рад, что ты всё понимаешь, — сказав это, Токарев вышел в коридор, оставив меня в полном замешательстве.

Неужели Люба права? Он просто развлекся со мной, но теперь наш кратковременный роман закончен, и пора возвращаться к прежней жизни, тихой и размеренной, лишенной всяких красивых депутатов.

Влад остановился в коридоре, переводя дух. Дело сделано. Он правильно поступил. Пора прекращать мучать её и себя. Все эти отношения на пользу никому из них не пойдут. Ему-то уж точно. Иначе, скоро он будет ревновать Мирославу к каждому первому встречному столбу и предъявлять претензии из-за неловко брошенного взгляда в сторону. Но где-то глубоко в душе, Влад признавал, что он полный дурак и глупец. Чувства ведь не обманешь, не может Ручкина быть коварной соблазнительницей и охотницей за богатством.

* * *

— Хватит киснуть, Славик! А то скоро сама на готессу станешь похожа вместо меня, — хлопнула меня по плечу Мэнди, сидящая рядом со мной в кинотеатре, куда она меня притащила, чтобы развлечь.

Последний месяц подруга только и делала то, что заставляла меня отвлечься от грустных мыслей, таская за собой на все городские мероприятия, начиная от просмотра новинок кино, до похода на детский утренник к своему племяннику.

— Ручкина! Имей совесть. Я тут стараюсь, а ты всех потенциальных кавалеров своей кислой миной отпугиваешь, — Мэнди сделала вид, что крайне недовольна моим поведением. Она так старалась, что даже с Кроу меня познакомить хотела, но потом подумала, что черный цвет и замогильные разговоры сделают мне еще хуже.

Я улыбнулась, посмотрев на подругу. Со дня их первой встречи с Павлом, она изменилась. Безусловно, она не превратилась в ту самую блондинку с конкурса, но видя полный букет эмоций на лице библиотекаря, не узнавшего её на показе, Мэнди стала одеваться чуть более женственно, хотя и выбирая одежду темных тонов, как и прежде. Продолжению разговора не суждено было сбыться, поскольку свет в зале погасили, и, пробираясь сквозь ряды кинолюбителей, к нам протиснулся Паша с мороженым и газировкой в руках, по пути извиняясь перед всем рядом за свою неуклюжесть.

— Ну что же так долго? — Мэнди пихнула в бок усаживающегося рядом Павла, выхватывая у него из рук мороженное.

Извиняющийся библиотекарь улыбнулся, протянув мне газировку. Пока Роза с Павлом продолжали кокетливо переругиваться, я сделала вид, что смотрю на экран. Уже месяц прошел, а я никак не могла выкинуть Влада из головы. Мы не виделись с того самого дня, когда он провожал нас с дедом и Афанасием из своего дома. Такой холодный, неприступный, но такой желанный и вроде бы близкий человек. Мне хотелось прикоснуться к нему, попробовать оправдаться, но всем своим видом Токарев показывал, что он многолетняя сосна, лишённая эмоций, способная только расти прямо к своей цели, не смотря по сторонам.

— Удачи вам, — пожелал Влад, открывая перед нами дверь.

Дед неодобрительно посмотрел на него, но ничего не сказал, лишь покачал головой, обратившись ко мне:

— Пойдем, внучка. В гостях хорошо, а дома лучше!

«Не оборачивайся, только не оборачивайся», — умоляла я себя, пересекая лужайку по направлению к такси. Неужели всё так закончилось? Какая же я глупая! Я даже покраснела от стыда, вспоминая, что именно я набросилась на депутата в тот вечер в ванне. После такого, вполне естественно, что он подумал обо мне не в очень хорошем свете. Я даже, к своему стыду, разрыдалась прямо в машине перед бабушкой и водителем такси, чем заставила пенсионера занервничать, успокаивая меня, говоря о том, что не на одном Токареве свет клином сошелся, ругая его на чем свет стоит.

За целых четыре недели он ни разу не позвонил. Даже сообщение не написал. Теперь я знаю, что такое безответные чувства и как тяжело с ними жить, будто сердце разрывается. Когда чувствуешь, что болит всё и сразу. Пора с этим заканчивать. Зачем перемалывать муку? Жизнь и так уже вернулась в обычное русло: работа, дом, работа. Только вот весь город был против меня: куда бы я ни пошла, везде были плакаты со смазливим депутатом, улыбающимся во все свои тридцать два зуба. Так и хотелось подрисовать ему пару дырок черным маркером на его белоснежной улыбке. Но я героически сдерживала свои порывы, лишь пред сном прокручивая в голове сцены со страданиями Влада. Как несправедливо обвиненная и брошенная женщина, я хотела было пойти на выборы и проголосовать за Баринова в отместку многоуважаемому Владиславу Сергеевичу, но тут поняла, что, скорее всего, с такими темпами сама скоро превращусь в Пипетку, и будут звать меня на работе жена Пипетки. Я даже вздрогнула от такой безрадостной перспективы. Однако, мои коварные, далекие от добрых, мысли, не помешали Токареву выиграть выборы на прошлых выходных.

На огромном экране запестрели разными цветами картинки киноленты, но мои мысли были далеко от неё, поскольку, по иронии судьбы, в тот момент, когда я решила перестать думать о Токареве, до меня донесся разговор трех незнакомых мне девушек, сидящих рядом со мной.

— Маш, видела какой красавчик нашим новым мэром стал? — спросила молодая девчонка с «хвостиком» на голове у своей соседки.

— Да! Я даже не поленилась за него проголосовать сходить. Слышала, что Владислав Сергеевич любит в «Асторию» ходить по выходным, вдруг повезет, и я его увижу? — радостно прошептала в ответ голосок, обладательницу которого я не видела в темноте.

— А как же тот случай на «Модном прорыве года»? У него же есть девушка вроде, —

осадила подружку «Хвостик».

— Перестань, все депутаты любят моделей — это мелкое увлечение, женятся то они на других! Тем более, он с ней больше нигде не появлялся.

Слушать их дальше я просто не могла. «Мелкое увлечение» — верно подмечено. Чтобы в очередной раз не заплакать, я стала старательно уплетать растаявшее мороженное, после чего, в остальные полтора часа фильма, я думала только о том, что мне пора переезжать в другой город, чтобы забыть об этой неприятной истории навсегда.

— Как тебе кино? Главный герой такой мужественный! — спросила Мэнди у меня, выходя из зала.

— И почему вам всем нравятся такие дикари? Он же совершенно необразованный! Поехать на Амазонку, думая, что джунгли — это курорт? — возмущался, не обладающий столь выдающимся, как у главного героя, прессом с «кубиками», Павел.

Мэнди просто хмыкнула, одарив своего личного образованного библиотекаря ироничной улыбкой:

— Павлик, ну ты-то у меня сокровище. С тобой — и в джунгли не страшно: и от анаконды спасешь, и от обезьян отобьешься.

Паша страшно загордился комплиментом, а я, не удержавшись, рассмеялась, представив нашего буквоеда с огромным мачете наперевес.

— Спасибо за вечер, я прекрасно провела время, — чуть слукавила я, но ведь не из-за них же мне так грустно. — Я сама доберусь домой, здесь не очень далеко.

— Ты уверена? Может, всё же проводить тебя? — предложила подруга.

— Да. Всё в порядке. Я сама дойду. Лучше Пашу проводи, вдруг на него кто-нибудь нападет, — предположила я, после чего получила грозное «библиотечарское»:

— Мирослава! Уж от тебя-то я такого точно не ожидал.

Я извинилась перед ним, сказав, что это всего лишь шутка, и попрощавшись с ребятами, направилась в сторону дома.

«Ничего, Мира, любовь — эта та же болезнь: ладошки потеют, температура повышается, есть ничего не хочется и лихорадит от одного его взгляда. Но любая болезнь имеет свойство проходить, делая человека сильнее, и приспособленнее к среде. Главное только, чтобы Токарев не стал моим хроническим заболеванием», — говорила я себе, плотнее запахивая пальто от порывистого холодного ветра.

На улице было немногочисленно, лишь изредка встречались молодые парочки влюбленных, которым и непогода была нипочем. Рядом со мной затормозила черная, дорогая иномарка.

— Девушка, Вас подвезти? — услышала я приятный мужской баритон в открытом окне автомобиля.

— Нет, благодарю. Мне недалеко, — что-то в этом незнакомце мне явно не нравилось.

— Не стесняйтесь, мне не сложно.

— Спасибо, но не стоит. Я дойду.

Я уже почти отошла от автомобиля, но внезапно задняя дверь открылась и сильные мужские руки втянули меня в салон, да так быстро, что я даже вскрикнуть не успела.

— Что вы делаете?! — я пыталась отбиться, цепляясь руками за своего похитителя, стараясь сильнее поранить его ногтями.

— Свяжи руки этой кошке, а то она тебя всего расцарапает, — посоветовал голос с переднего сидения.

— Она фельдшер, у неё и ногтей то нет, — усмехнулся мужчина, одной рукой сжимающий мои запястья, а другой — достающий повязку на глаза.

Страх сковал всё тело, и я даже боялась посмотреть на своего похитителя, лицо которого находилось в полутьме салона машины. Они знают, что я фельдшер, значит, ошибки быть не могло — меня специально похитили! Но для чего и зачем?!

* * *

Токарев сидел в просторном кабинете, в котором в скором времени он станет работать. Эти утомительные поздравления с победой на выборах ему порядком поднадоели. Скулы уже сводило от прилипшей намертво к лицу улыбки, а слова благодарности новоиспеченный мэр произносил просто «на автомате». Он обошел Баринова, который довольствовался лишь второй позицией, что не могло ни радовать. Эта предвыборная гонка заставляла его выложиться на все сто процентов и даже более, он думал, что работа поможет ему отвлечься от мыслей о Ручкиной, но коварная фельдшер не хотела выходить у него из головы. «Может руку сломать, чтобы она приехала на вызов?» — думал Влад, понимая, что начинает тихо сходить с ума. Но тут же одернул себя, представив, что на его звонок в скорую помощь, спасти мэра примчится тот самый неприятный мужик с фикусом в руках.

Влад в очередной раз посмотрел на телефон. Это уже стало для него старой доброй традицией: каждые пятнадцать минут он протирает дырку в экране мобильного, надеясь получить весточку от Мирославы. Только мысль о том, что он ей не нужен, раз она до сих пор не появилась, не позволяла Токареву кинуться к квартире Ручкиной, моля её о прощении. Он уже даже смирился с мыслью, что готов терпеть её ухажеров, лишь бы она любила только его. Но Мирослава была неприлично сурова с несчастным, сбившимся с пути истинного, главой администрации. Она даже не поздравила его с победой на выборах. Может она телефон потеряла? Нет, не может такого быть.

Грохот открываемой двери сообщил о приходе Башина. В последние дни он стал частым гостем в кабинете Токарева. Вальяжно рассевшись на кожаном диване в углу, Богдан закинул ногу на ногу, сказав:

— Привет, старичок. Вижу, ты привыкаешь к власти?

Влад незаметно поморщился. Башин стал настолько неприятным и прилипчивым, как будто не Токарев, а именно он выиграл выборы, став мэром города.

— Что ты хотел?

— Тут есть пара контрактов на твое рассмотрение, — Богдан достал из папки документы и, подойдя к широкому столу из лакированного дерева, положил их перед Владом. — Для начала, нужно сделать ремонт на этом этаже. Ведь новый мэр не должен работать в старье, — Башин рассмеялся смехом довольной змеи, съевшей поросёнка целиком, вместе с пяточком.

— Не думаю, что мне это необходимо, — осторожно ответил Токарев.

— Ты что, хочешь, чтобы тебя считали скрягой или бедняком? Главное — комфорт! У меня есть приличная подрядная организация на уме, — напор Башина крайне раздражал.

— Я подумаю, — сказал Влад только для того, чтобы поскорее избавиться от надоедливого «друга».

То, что Башин друг только на словах, Влад понял еще тогда, когда увидел не

скрываемую Богданом счастливую улыбку, при сообщении о том, что он прекратил всякие отношения с Мирославой. А сейчас Токареву даже казалось, что вся эта история с развязным поведением Ручкиной — полнейшая чушь.

— Хорошо. Ты что такой хмурый? Должен плясать от радости, что вошел в историю в качестве мэра, — поинтересовался Богдан.

— Я рад. Ты же не привел цыган с медведями, вот и не пляшу, — съязвил Токарев, мечтая о том, чтобы Башин, наконец, испарился.

— Ладно, вижу — ты не в духе, попозже зайду, — обиженный Богдан хмыкнул и, перед тем, как выйти в коридор, повернулся и сказал: — А контракты всё же посмотри.

* * *

Смотреть боевики по телевизору с дедом — это одно, а в жизни оказаться самой в главной действующей роли — совсем другое. Адреналин в крови зашкаливал, но, как ни странно, паника уступила место холодной голове, хоть и испугана я была до дрожи в коленях. Похитители связали мне руки веревкой, которая натирала запястья до ссадин, а на глаза натянули повязку, под которой была такая тьма, что хоть глаз выколи. Тело меня абсолютно не слушалось, но, вспоминая слова деда, который в своё время побывал в боевых точках, я пыталась сосредоточиться и глубоко дышать, иначе если не я, то кто же сможет мне помочь?

Стараясь запомнить каждый разговор и звук, я стала прислушиваться к происходящему. Некоторое время мои похитители молчали, и благодаря тому, что в салоне отсутствовала музыка, я слышала шум дороги под колесами автомобиля. После хорошей асфальтированной дороги, колеса иномарки ступили на проселочную дорогу, покрытую щебнем. Я понятия не имела, куда мы едем, но продолжала запоминать всякие мелочи и дальше. «Раз меня сейчас не убили, то, возможно, не убьют и потом», — храбрясь, я пыталась успокоить себя как могла. Внезапно мою светлую фельдшерскую голову озарила идея: мой телефончик! Тот самый, который пережил со мной не один год, старая модель с отдельной кнопкой на панели для включения диктофона. А тогда я смеялась над этим, когда Мэнди сделала мне подарок на День рождения!

— Зачем мне диктофон? Я же не журналист, — спросила я подругу, принимая подарок.

— Записывать будешь претензии пациентов на вызовах, чтобы подтвердить свою компетентность, — подмигнув, ответила мне Мэнди.

Это чудо какое то! Незаметно, стараясь не шуршать и не делая лишних движений, я двумя пальцами одной руки дотянулась до мобильника в кармане штанов. Нащупав нужную кнопку, я нажала её, думая о том, что если меня и не спасут, то, по крайней мере, останутся улики против негодяев, посягнувших на девицу в расцвете сил.

«Замуж не вышла, детей нет, Афоня с дедом сиротами останутся», — ненужные мысли так и плавали в голове, сменяя одну за другой.

— Притихла, — констатировал факт мужчина, сидящий рядом со мной на заднем сидении автомобиля. — Вот и молчи дальше, будешь хорошей девочкой — может быть выживешь! — эта неприятная детина рассмеялась отвратительным смехом, который заставил мои губы пересохнуть, и вынудил сердце отбивать неровные ритмы в груди.

Через какое-то время машина замедлила ход и постепенно остановилась в безлюдном

месте, поскольку никаких городских шумов слышно не было. Я уже подумала, что сейчас меня вытащат из салона автомобиля и скормят волкам в лесу, но, к моему удивлению, я услышала только звук открывающегося окна и мужской голос, обладатель которого обращался к моим похитителям снаружи.

— Сделали, как велел? — я точно где-то раньше его уже слышала, но никак не могла понять где. — Хорошая работа. Деньги получите потом.

— Что теперь? — спросил водитель.

— Как договаривались. Через десяток километров выкиньте её в лесу, остальное — моя забота, — мужчина был явно властный и жестокий. Только от одного тембра его голоса мне хотелось забиться куда подальше, но вместо этого я спросила:

— Почему?

После минутного молчания я получила ответ:

— Ничего личного, просто бизнес. Надо было лучше фильтровать свои связи.

Как раньше хорошо было: барышни чуть что — сразу в обморок падали, а я никак не могла отрубиться, даже слезы не лились. Окно закрылось и, взревев, мотор автомобиля вновь завелся, увозя меня от этого страшного человека.

Всё. Это конец. Сейчас меня закопают. А я ведь даже в своих чувствах Токареву не призналась! И вот тут-то у меня началась настоящая паника. Я истерила, как могла: вопила что-то об Уголовном кодексе, лягалась, кусалась и даже с криком «Влад, я люблю тебя!» ударила лбом, вероятно, в челюсть противнику, потому что он заорал, как резаный, кляня меня, мою матушку и даже прапрабабку, что явила миру такое чудовище, как я.

А дальше всё произошло в один миг: одним движением мне разрезали веревки на руках, сняли пальто и выкинули на улицу в одной блузке. Повязка на глазах оставалась, но руки так ныли, что в первые минуты я не смогла их даже поднять, чтобы стащить невыносимую тряпку с лица.

— Чтоб ты околела, гарпия! — услышала я вслед, после чего наступила полнейшая тишина, темнота и жуткий холод вокруг.

Я не помню, сколько я так простояла, но когда первый шок меня отпустил, и кожей, сквозь тонкую блузку я стала чувствовать жуткий мороз, пробирающий меня до костей, я, наконец, сняла повязку с глаз, ужаснувшись еще сильнее: вокруг меня был лес. А с волками или нет, мне предстояло еще узнать...

Узкая дорога петляла меж высоких сосен, упирающихся макушками в ночное небо, усыпанное мелкими звездами. При каждом выдохе изо рта выходил пар, напоминая, что на улице уже давно не пляжный сезон. Я неспешно побрела по тропе, не подозревая, куда она меня может привести, на ходу доставая из кармана телефон. Из-за включенного диктофона заряд батареи был практически на нуле. Пальцы на автомате набрали знакомый до боли номер, который я за последний месяц стирала и вновь записывала в список контактов многочисленное количество раз. И лишь когда я услышала в трубке голос Токарева, мой голос задрожал, и я, рыдая, как пятиклассник на родительском собрании, попросила:

— Влад, мне некому больше позвонить. Пожалуйста, вытащи меня отсюда.

* * *

Как только дверь за Богданом закрылась, Влад выдохнул. Вроде добился чего желал, а в

итоге на душе была гнусная пустота. Телефон, лежащий на столе Токарева, затрещивал уже привычной музыкой с модного показа, под которую демонстрировала платье Мирослава. Посмотрев на экран, Влад не узнал номер звонящего. Ни в записной книжке, ни в его памяти сочетания этих цифр не было, и он уже было хотел не отвечать на звонок, но в последний момент рука мэра сама потянулась к мобильнику, нажав нужную кнопку приема вызова.

— Владислав Сергеевич? — услышал он незнакомый голос в трубке.

— Да. С кем имею честь общаться? — неприятное ощущение холодком поползло по затылку, когда Влад услышал ответ:

— Это неважно. Главное, что у меня есть то, что Вам нужно, вернее кто: она так мило сопротивлялась, когда ей связывали руки, я даже проникся.

— Вы о чём?

— Об одном фельдшере, но если это не интересует, то я кладу трубку.

— Стой! Это что, шутка? — неприятный смех в трубке телефона говорил об обратном.

— Вижу, что не всё равно. А теперь слушай: в ближайшее время ты отказываешься от поста мэра, иначе в следующий раз действительно лишишься возможности её увидеть. И чтобы убедиться в том, что я не шучу, найдешь свою докторшу на трассе.

— На какой?! Не знаю, кто ты, но если с ней хоть что-нибудь случится, жить ты будешь недолго, — Токарев был в таком гневе, что, при встрече, был способен задушить этого шантажиста голыми руками.

Мерзкий смех вновь достиг уха Влада, после чего мэр услышал:

— Сам постарайся, поищи, — после чего в трубке телефона послышались короткие гудки.

Влад в первый раз в жизни не знал, что ему делать. Звонить в полицию? А если похитители еще с Мирой, и сделают ей ещё хуже? Он несколько раз перезвонил по указанному номеру, с которого получил звонок минутой ранее, но абонент был уже недоступен. Он связался со службой безопасности, но в кратчайшие сроки, проверив номер телефона, оказалось, что он зарегистрирован на Феофанову Анастасию Кузьминичну, дореволюционного года рождения.

За окном уже стемнело, и Токарев даже боялся представить, что происходит с Мирославой, и в каком состоянии она сейчас пребывает. Его люди уже начали поиски Ручкиной, но найти девушку на многочисленных трассах, неизвестно на каком километре, было, словно иголку в стог сена искать. Лишь когда Влад был готов от беспомощности и безысходности выть на луну, телефон вновь ожил, оглашая кабинет знакомой мелодией. Токарев диким кабаном метнулся к мобильнику, надеясь получить хоть какую-то подсказку от похитителя. Но когда он увидел, кто ему звонит, он ответил на вызов, заорав:

— Мирослава!!!

— Влад, мне некому больше позвонить. Пожалуйста, вытащи меня отсюда, — услышав хоть и слабый голос Миры, у Токарева от сердца отлегло. Сама звонит, значит жива!

— Где ты? — Влад накидывал пальто уже на ходу, спускаясь на парковку.

— Я... Точно не знаю. Кругом лес... Подожди, тут какая то табличка с обозначением населенного пункта, — я говорила с ним на последнем дыхании. Зубы стучали, голова кружилась, и чувствовалось покалывание в побелевших пальцах.

Как только Влад услышал наименование населенного пункта, телефон Миры отключился, оказавшись вне зоны действия сети, но Токарев уже знал, где это, поэтому, сев за руль, он на немыслимой скорости помчался в нужном направлении.

— Влад, Влад! Алло! — но мобильник предательски мигнул и отключился, потратив на мой звонок последние остатки заряда батареи.

Сил не оставалось даже на то, чтобы плакать. Я сползла по стволу дерева, на который опиралась, в кусты рядом с дорогой, которые хоть чуть-чуть закрывали от ветра, и стала ждать света в конце тоннеля. Жутко хотелось спать, но я боролась с собой, как могла. До последнего.

Токарев менее, чем за полчаса, долетел до нужного указателя, но девушки нигде не было видно. Может он всё перепутал и в области еще много поселков и деревень с одинаковым наименованием? От этой мысли Владу стало нехорошо, но он решил не сдаваться, и, выкрикивая имя Миры, стал осматривать каждый метр дороги вблизи указателя. Он почти отчаялся отыскать любимую девушку, и страшное чувство вины захлестнуло мэра с головой. Это всё из-за него. Если бы не он, Мира грелась бы сейчас дома, в обнимку со своей ужасной черепахой. Он бы многое отдал за то, чтобы с Мирославой всё было в порядке, он даже представлял себе картину, что добрый попугачик подвез Ручкину до города, но видя, что дорога в это время оставалась почти пустой, с изредка пролетающими на огромной скорости автомобилями, понимал, что такие выводы поспешны.

Перед тем, как полностью погрузиться в густой темно-серый туман, я услышала далекий голос Влада, который звал меня по имени, но ответить ему я не могла, потому, как сил не осталось совсем. Я качнулась слегка в бок, после чего незамедлительно упала на ледяную жесткую землю, и моё сознание окончательно ушло в темноту.

Влад схватился за голову. И тут, в свете фар проезжающей мимо машины, он заметил, что в кустах неподалеку что-то блеснуло. Подумав, что ему померещилось, Токарев всё же дошел до кустов, которые он уже проходил ранее. Чем ближе были заросли, тем сильнее Влад ускорял шаг, постепенно перейдя на бег. Сомнений не оставалось — на земле, из темных кустов виднелась рука, на которой поблескивали часы.

— Мира? Мира!!!

Влад подбежал к обессиленной девушке без сознания и вытащил её из зарослей на свет. Мирослава была бледна как белый медведь на Севере и не подавала признаков жизни, за исключением чуть заметного дыхания из полураскрытых, синего цвета, губ.

— Мирослава, держись! Всё будет хорошо! Я рядом, — Влад накрыл Ручкину скинутым с плеч пальто и подхватил её, словно пушинку, на руки, неся в машину.

«Живи, пожалуйста, только живи», — мысленно просил Токарев по дороге в больницу, глядя на сидящую рядом с ним, укрытую пальто и вытасненным из багажника пледом, Мирославу.

Лишь когда в больнице у него из рук забрали так и не пришедшую в себя девушку, Влад почувствовал себя измотанным и опустошенным. Он смог оценить то, что имел, только тогда, когда Мира оказалась на грани жизни и смерти, тем более по его вине, всего-навсего из-за знакомства с ним. Бесчувственный чурбан! Наговорил ей тогда гадостей, а что, если она больше не услышит его извинений? Нет! Такого просто не может быть. Влад устало опустился на скамью в регистратуре, ожидая вердикта врачей.

* * *

Постепенно возвращаясь в сознание, я чувствовала себя отбивной — тело болело как

после усиленного битья молоточком и другими подручными средствами. Я что, вчера напилась и подралась с компанией борцов-тяжеловесов? Разлепив по очереди глаза, после того, как потолок перестал кружиться, вернувшись в свое исходное положение, я осмотрелась, не понимая, где нахожусь. Помещение было просторным, с висящим на стене плоским телевизором и напольными горшками с комнатными растениями, в том числе и со злополучными фикусами, которые и у меня на работе заполонили всё вокруг. Стоп! Это что, больница? Окончательно придя в себя, я поняла, что лежу в палате, судя по больничной койке, цветастой рубашке, торчащей из-под одеяла и капельнице, стоящей недалеко от меня.

В палату вошла молоденькая медсестра в белом халате, которая, заметив, что я открыла глаза, подошла ближе, спросив:

— Пришли в себя? Как самочувствие?

Попытавшись улыбнуться, я ответила:

— Как выбитый от пыли ковер. Что со мной случилось?

— Раз чувство юмора осталось — значит, жить будете, — она померяла мне давление, попутно объясняя: — Обморожение средней степени. Вам очень повезло, если бы не Владислав Сергеевич, то всё могло привести к плачевным последствиям.

— Токарев? — я удивленно подняла на медсестру глаза.

— Да. После выборов его лицо известно всем. Он просидел здесь всю ночь, и врач принудительно отправил его домой поспать, сообщив, что угроза Вашей жизни миновала. Правда, ему обещали сразу позвонить, как Вы придете в себя.

Медсестра вышла в коридор, прикрыв за собой дверь, а я разрыдалась, вспомнив все события вчерашнего вечера. Спас. Всё-таки спас! Если бы не Влад, вероятно, меня бы уже не было в живых. Не прекращая рыдать, я не заметила, как заснула.

Разбудили меня истошные вопли в коридоре, постепенно переходящие на крик.

— Мэром стал и теперь думаешь, что всё можно? — голос Мэнди невозможно было не узнать. — Мы первые к ней пойдём!

— Мира! Мирааааа! — кричал Савелий, дергая ручку двери, отчего последняя ходила ходуном.

— Что за беспорядок? Это больница и вы здесь не одни! — вероятно, на скандал подошел врач. — Все зайдёте, только по очереди.

Пристыженные посетители затихли, позволяя двери остаться на своих петлях. Спустя пару минут, в палату зашел Токарев, немного задержавшись в дверях, глядя на меня, как на привидение.

— Я так плохо выгляжу? — спросила я у Влада, вышедшего из состояния ступора. — Хочу сказать, ты тоже не очень. Бремя власти одолело? — я попыталась пошутить, глядя на осунувшегося Токарева, с нескрываемым волнением на лице.

Он поспешно подошел к кровати, сев на её уголок.

— Да я их на кол посажу! Да я сожгу их на костре! — уж чего, чего, но только не этого я ожидала от него услышать.

— Эй, ты что, став мэром, решил вернуть в город Средневековье?

— А что? Было бы неплохо. Посадил бы тебя на замок рядом с собой и никуда бы не отпускал, — Влад в предвкушении моего заточения потер руки. — Знать бы только, кто это был! — продолжал лютовать Владислав.

— У меня есть кое-что, что сможет тебе помочь, — вспомнила я о телефоне. — И я отдам тебе это, если ты обещаешь мне, что не займешься рукоприкладством лично.

— Не могу тебе этого обещать. Что это у тебя такое есть?

— Тогда не скажу. Зная твою вспыльчивость, мне знакомый мэр-уголовник не нужен.

Токарев обдумал ситуацию и тяжело вздохнул.

— Ладно, твоя взяла. Говори, что может мне помочь?

Я достала из тумбочки рядом с кроватью телефон, протянув его в руки Владу.

— Там есть запись диктофона. Это единственное, чем я могу помочь.

Токарев не поверил своим глазам, беря у меня из холодных ладоней телефон, слегка коснувшись горячими пальцами. Положив его в карман, он накрыл мои ладони своими руками, отчего сразу стало теплее и уютнее.

— Ручкина, ты что, Рембо в юбке? Не только не испугалась, но еще и вычислять похитителей стала? — Влад даже не улыбался, говоря эти слова.

Глядя в карие глаза Влада, я прошептала в ответ:

— Я же знала, что если даже не выживу, то ты за меня отомстишь.

Ничего не говоря, Влад прижал меня к себе, крепко обняв.

— Не пугай меня так больше, пожалуйста, — нехотя, он оторвался от меня, сказав: — Мне пора. Иначе твои родственники и друзья меня убьют. Поправляйся.

С этими словами он встал с кровати и, не оглядываясь, вышел в коридор. Он не хотел, чтобы Мира видела выражение неподдельной злости и решимости на его лице. Кто бы это не сделал — он сотню раз пожалеет, что родился на свет.

Влад ушел, унеся с собой всё тепло, которое приносил с собой, но расстроиться окончательно я не успела, видя как в палату вламываются дед и Савелий, неся огромные пакеты в руках, а также Мэнди с возгласом:

— Как же ты нас всех испугала!

* * *

Высокая девушка с короткой стрижкой, словно сошедшая со страниц глянцевого издания, сидела за небольшим столом в приёмной бывшего мэра. Как только Токарев зашел в кабинет, она оторвалась от монитора, где мелькали разноцветные шарики онлайн игры, обратив своё внимание на Влада.

— Владислав Сергеевич, здравствуйте! — она невольно поправила прическу, глядя на привлекательного чиновника, который сегодня был не так приветлив с ней, как обычно.

— Добрый день, Лена. Пётр Николаевич на месте? — сразу перешел к делу Влад.

— Сейчас, одну минутку, — секретарь набрала номер шефа, украдкой поглядывая на Влада, смотрящего равнодушным взглядом в окно. Выслушав тираду шефа о том, чтобы его не беспокоили, она уже было хотела повесить трубку, но тут Баринов услышал фамилию гостя и тут же разрешил пригласить его в кабинет.

— Владислав Сергеевич, пройдите, только Вы знаете правила, — немного смущенно пробормотала Елена.

Влад, привыкший к чрезмерной волнительности Баринова, ухмыльнулся и отдал секретарю телефон. Пётр Николаевич, обуреваемый манией преследования, никогда не разрешал посетителям входить к нему в кабинет с телефонами или другими гаджетами, боясь происков конкурентов.

Оставив средство связи Лене, которой жутко хотелось записать ему свой номер

телефона, но отказавшейся от этой затеи, зная, что это будет стоить ей рабочего места, Влад распахнул дверь, войдя в шикарный, необъятного размера кабинет бывшего мэра. Одутловатый, но в то же время холёного вида мужчина, с нервно бегающими глазками, натянуто улыбнулся, предлагая Токареву присесть за массивный стол, привезенный по индивидуальному заказу из Италии.

— Владислав Сергеевич! Рад видеть, — Пётр Николаевич предложил внезапному гостю чай, после чего продолжил: — Поздравляю с новой должностью! Как прекрасно, что зашел, а то не было возможности поздравить тебя лично.

— Спасибо, я получал Вашу открыточку, но боюсь, что мне придется уйти, — Баринов ошарашено посмотрел на Токарева.

— Откуда? С ума сошел?

— В свете последних событий, я буду вынужден отказаться от поста. Скорее всего, Вам придется временно исполнять обязанности мэра, но уверен, что Вы с этим справитесь. И даже более, чем уверен, что раз по итогам голосования Вы на втором месте, то в дальнейшем пост останется в Ваших руках, — Влад говорил размеренно и совсем не нервничал, как будто он не один день обдумывал это сложное решение.

Баринов немного помолчал, анализируя слова Владислава, после чего заговорил вновь:

— Для меня это, конечно, шокирующее известие, но я смогу взять эти сложные обязанности на себя.

— Безусловно. Даже не сомневался, — Влад нехорошо прищурился. — Вы даже не спросите, что сподвигло меня на такое решение?

— Ну, это же твои личные дела. Хотя спрошу: что случилось?

— Близкого мне человека сильно напугали и чуть не убили, оставив замерзать в лесу, — каждое слово Токарева било точно в цель. — Поэтому, не могу не предупредить, что Вас ожидает такая же опасность, если Вы займете этот пост.

Придвинувшись поближе к Баринову, Влад добавил: — У нас с Вами есть недоброжелатель, так что я обязан поставить в известность, что лучше мэром не становиться.

— Убийство?! Да что ты несешь? — Баринов внезапно начал злиться и выходить из себя.

— И я даже знаю, кто это сделал, — после этих слов в кабинете повисла зловещая тишина. Пётр Николаевич удивленно посмотрел на Токарева, наконец, решив спросить:

— И кто же, по-твоему, был способен на такие зверства?

— Бывший мэр.

Баринов вскочил со своего места, скинув ежедневник на пол, заорав на весь кабинет:

— Щенок!!! Ты хочешь сказать, что это я похитил твою ненаглядную?!

Токарев только ухмыльнулся, подняв глаза на красного от негодования чиновника.

— Пётр Николаевич, присядьте. Вы же не хотите, чтобы на наш разговор слетелась вся администрация? — лишь после того, как Баринов присел обратно за стол, Владислав продолжил: — Я бы ни за что не догадался, что это Вы. Но Вы прокололись. Никто же не ожидал, что моя девушка имеет зачатки настоящего диверсанта. И даже сейчас выдали себя тем, что сообщили, кого именно похитили.

— Если ты не прекратишь плести эту ересь, я попрошу тебя выйти из моего кабинета, — ярко-красный цвет лица Баринова постепенно сменялся розовым, бледнее прямо на глазах.

Но Влад, словно не слушая его, продолжал разговор дальше:

— Голос звонящего мне я не узнал, браво! Техника сейчас на высоте. Но вот Мирослава умудрилась записать на телефон не менее интересный разговор, по которому легко можно определить голос бывшего мэра — Баринова Петра Николаевича. Неужели такую жажду власти можно всем оправдать?

— Ты блефуешь, — тихо произнес Баринов, после чего Влад достал из кармана пиджака диск, кинув его на стол перед бывшим мэром:

— Это копия. Сейчас оригинал находится у экспертов в другом городе. Вы же понимаете, я не могу рисковать, доверяя нашим специалистам, учитывая Ваши прежние связи, — Влад с удовольствием заметил, как лицо Петра Николаевича «сползло» на пол. — Мне просто интересно, неужели ради того, чтобы протирать штаны в кресле мэра, Вы были готовы убить человека?

Баринов моментально превратился из тьюфяка в железную личность, улыбнувшись премерзкой улыбкой, делающей его похожего на жабу.

— Убивать? Да кому нужна твоя идиотка? Её надо было напугать, как следует, и всё. Но она так истерила, что её выкинули на улицу без пальто.

— Пётр Николаевич, Вы живы сейчас только потому, что я этой самой «идиотке» обещал лично Вас не трогать, — Влад встал из-за стола, отчего бывший мэр вздрогнул. — С удовольствием посмотрю, как Вас упаковывают в наручники, отправляя «отдохнуть» в не совсем теплые края.

Владислав уже развернулся, чтобы уйти, но тут Пётр Николаевич в который раз заставил обратить на себя внимание:

— Да что ты знаешь о власти, молокосос. Через пару лет, а может и раньше, ты станешь таким же, как и я! Да ты маму родную продашь, чтобы остаться «на плаву»!

Токарев развернулся, подошел к Баринову и, как следует, заехал ему кулаком по лицу, отчего тот пошатнулся и упал обратно в своё шикарное кожаное кресло.

— Я не хотел этого делать, но ты меня вынудил, — откинул все формальности Влад. — Если я стану такой же гнилью, как и ты, то скорее предпочту уничтожить себя, а не других, — после этих слов Влад вышел из кабинета и, забрав свой телефон у секретаря, сообщив, что Баринову требуется пакет льда на ушиб, вышел в коридор, пытаясь стряхнуть с себя мерзкие ощущения и грязь после общения с Бариновым.

Влад шел в свой кабинет, вспоминая о том, как первый раз прослушал запись на Мирином телефоне. С первых же слов он понял, что голос принадлежит именно Баринову. И как он сразу не догадался? Ведь бывшему мэру выгоднее всего была бы его отставка. Хорошо, что для Ручкиной всё обошлось без последствий: из больницы её выписали, и она уже дома. Он так сильно за нее испугался, что первым желанием Влада стало замуровать её в своей спальне под охраной пяти бойцовских собак. После той встречи в больнице, Токарев позаботился о том, что за ней был обеспечен надлежащий уход и лучшая палата, но больше с девушкой он не виделся — надо было решить дела с Бариновым, а уж потом налаживать отношения с Мирославой.

Идя к бывшему мэру, Влад знал, что экспертиза готова, и Пётр Николаевич уже находится в разработке у соответствующих органов. Токарев совершенно не хотел распускать руки, но Баринов своим поведением просто вынудил его вспомнить свою грубую мужскую силу, нокаутировав подлое пухлое лицо градоначальника.

Токарев с чувством выполненного долга зашел в свой кабинет, но к его страшному

неудовольствию на своем излюбленном месте на диване в углу восседал навязчивый Башин.

— Влад! Тебя заждатья можно. Опять гулять ходил в рабочее время? — принялся забрасывать издёвками Токарева Богдан. — Ты посмотрел контракты?

Владислав вздохнул, и, подойдя к дивану, произнес:

— Башин, я знаю, что фирма твоя. И в этот раз, вспоминая о нашей былой дружбе, я заключу с ней контракты, о которых ты так мечтал. Но на этом наше всякое общение закончится. После произошедшего, я решил изменить свою жизнь, вычеркнув из неё тех, с кем не хочу иметь общих дел в будущем.

Ошеломленный Богдан посмотрел на друга, поднимаясь с дивана, он спросил:

— Токарев, ты что, заболел? Что случилось то? — больше всего Башина удивляло не то, что Влад себя так ведет, а то, что новоиспеченный мэр, как оказалось, не такой простофиля, как он думал раньше. Откуда он узнал всё про фирму?

— Нет, выздоровел. Второй раз я тебе повторять не буду — чтобы больше я тебя здесь не видел, — Влад понимал, что о похищении Мирославы Башин не в курсе, но это не изменяло того факта, что он решил прекратить все отношения с бывшим товарищем.

— Корона то не жмет? — поинтересовался Богдан у Влада. — Может теперь тебя еще при встрече Владиславом Сергеевичем называть?

— Если ты сейчас же не уберешься отсюда, то лишишься своих контрактов, — Влад бы совсем не похож на себя — резкий, холодный и властный.

Башин понял, что с ним в таком состоянии лучше не спорить, тем более, что и лишиться желаемых контрактов он совершенно не хотел, поэтому, подойдя к двери, Богдан сказал напоследок:

— Надеюсь, что ты одумаешься.

Когда Башин покинул кабинет, уставший из-за событий последних дней Влад, решил приступить к самому сложному своему делу — завоеванию любимой девушки, так несправедливо им обиженной и оскорбленной. Как настоящий покоритель гор, Влад понимал, что в этом деле требуется основательная подготовка, поэтому он заказал в службе доставки цветов огромного, состоящего из белых хризантем, медвежонка ростом с Мирославу, и закупил несколько ящиков шоколадных «таблеток», так необходимых для скорейшего выздоровления дражайшей Ручкиной.

* * *

— Мира, ты впала в глубокое детство? — услышала я из коридора голос дедушки. — Тут к тебе пришли.

Странное заявление дедули я пропустила мимо ушей, но всё же встала с кровати, надев домашние тапочки, чтобы посмотреть, кто же ко мне пришел. Я не сразу поняла, что увидела. В коридоре, в обнимку с чем-то или кем-то огромным и белым обнимался дед Гриша.

— Кто там?

— Медведь! Сама посмотри!

И правда, подойдя поближе, я поняла, что дедушка не обнимается с чудо-медведем из немыслимого количества хризантем, а просто пытается его удержать, чтобы цветочный зверь не свалился ему на голову, погребя под своей белоснежной «шкуркой».

— От кого это? — спросила я Григория Иннокентьевича, оттаскивая его от медведя.

— Судя по полету мысли и стоимости этого медведомонстра думаю, что от твоего раскаявшегося депутатишки, — увидев мой осуждающий взгляд, дедушка поправился: — Ой, простите, мэра.

Я приставила медведя к стеночке, проведя рукой по нежным лепесткам цветов. Так хотелось думать, что это действительно прислал Влад, но записки нигде не было. Прослушав лекцию деда о глупой современной молодежи, я ушла обратно в комнату, оставив пенсионера наедине с мечтами о том, сколько палок колбасы можно было бы купить вместо этого медведя, которого еще, наверняка, и поливать нужно ежедневно. Очередная забота, которая помешает наслаждаться сериалом, развязки которого дед ждал уже не один месяц.

Когда спустя полчаса в дверь вновь позвонили, дед уже не удивился увиденным коробкам шоколада, от количества которого могли слипнуться попы у целого детского сада.

— Я не понимаю, он что, намекает, что ты слишком худая и дохлая? — бурчал дед, поочередно поднося коробки с конфетами мне к кровати, в то время как я уже улыбалась во весь рот, словно рыболов при виде кита на крючке.

Ближайший час в квартире было затишье. Слышен был лишь шорох фантиков от конфет, которые время от времени падали на пол около кровати. Но затем снова раздался звонок. Манерно шаркая тапочками, дедуля пошел открывать дверь, ворча о том, что и помереть спокойно не дадут, со своими брачными игрищами. Перед дверью стоял Токарев собственной персоной.

Откашлявшись, Григорий Иннокентьевич «сделал» деловое лицо, вежливо поинтересовавшись:

— Вы к кому?

Влад опешил. Всю дорогу он думал, что сказать Мирославе, а вот незапланированного допроса от активного пенсионера он никак не ожидал.

— К Мире. Она дома?

— Нет, её нет.

— А когда будет? Ей же дома надо лежать, а она уже шляется по улице? — Владислав моментально разозлился на безответственного фельдшера, заставлявшего его в очередной раз волноваться, но дед Григорий его перебил:

— Для Вас её всегда нет. Думаете, что закидав умницу и красавицу вычурными зверюгами и тоннами шоколада, то уластите её жизнь после того, как попользовались и бросили хрупкую девичью душу?

Дед упорно не желал впускать Токарева в квартиру, заслонив ему проход своим слегка выпирающим животом в штанах с подтяжками. Влад уже стал обдумывать пути в тыл «противника», но тут ему в голову пришла другая мысль:

— Григорий Иннокентьевич, чем такое ничтожество как я, может загладить свою вину?

— Моя внучка любит большие плазменные телевизоры и кресла-качалки, — быстро сориентировался дед.

Влад рассмеялся, поняв стратегию хитрого пенсионера, моментально согласившись на всё, только чтобы ему был обеспечен «доступ к телу». Спустя час Токарев вернулся в квартиру Ручкиных, но уже не один, а с грузчиками, которые доставили любимые вещи Мирославы: пару кресел-качалок, одно из которых тут же очутилось на балконе, и огромный новенький телевизор, который едва уместился в комнате на стене.

Когда я увидела, что в комнату заносят коробки с непонятно откуда взявшимся

телевизором и креслами, я растерялась. Но когда после этого я увидела Влада в дверях, мне стало еще хуже.

— Внуч, мне тут за молоком надо отойти в магазин, — услышала я одевающегося в прихожей деда.

— Так там же целый холодильник молока, Савелий же вчера приносил, — я не сразу поняла логику Григория Иннокентьевича.

— Ну и что! Я за обезжиренным, — пояснил пенсионер, не далее как полчаса назад умявший солидный кусок сала.

После того как хлопнула дверь, мы с Владом остались наедине.

— Как ты? — я не ответила на вопрос, сразу перейдя в нападение:

— И почему ты постоянно приходишь в тот момент, когда я или в ванне лежу, или в пижаме на кровати?

Влад улыбнулся, присев рядом со мной.

— Я чувствую самое выгодное время, когда нужно тебя увидеть.

— Спасибо, — я еще раз поблагодарила своего спасителя, который взял меня за руку, сказав:

— Очень испугался за тебя.

— Их нашли? — спросила я Токарева, в то время как он, сбивая с мыслей, гладил меня по руке.

— Не бойся, больше они тебя не потревожат. Лучше скажи, что ты там кричала в машине? — видя мое непонимание, он пояснил голоском, пародирующим мой: — «Влад, я люблю тебя»! Это правда?

Мне стало ужасно стыдно. То, что в тот момент я была полностью невменяемой, совсем меня не оправдывает.

— Знала бы, что услышишь — ни за что бы тебе запись не отдала! — пока я изображала из себя «оскорбленную невинность», Влад продолжал радоваться, не выпуская мою ладонь из своих рук.

— Оказывается, тебя надо похитить, чтобы услышать эти слова. Иди сюда, глупышка, я тебя тоже люблю, — он схватил меня в охапку, крепко поцеловав, а я, вместо того, чтобы растаять от счастья, стала плакать.

— Первый раз вижу, чтобы девушка от моего поцелуя рыдала, — пожурил меня Токарев, смахивая слезинки с щек. — Не плачь, ты же не хочешь распухнуть как китайская вермишель?

Я обняла его крепко-крепко, чтобы убедиться, что меня не лихорадит, и он действительно рядом со мной.

— Завтра же переедешь ко мне, даже не капризничай. Буду отпаивать тебя супчиком и кормить конфетами. Деда с собой возьмем. И даже твою кошмарную черепаху. Что ты делаешь со мной, Ручкина? Веревки из здорового мужчины вьешь, из мэра между прочим, — Влад был так мил и хорош, что рассмешил меня окончательно. Я перестала рыдать и, глядя в глаза самого лучшего для меня мужчины, прошептала:

— Я люблю тебя, Токарев.

Лето в столице выдалось на радость солнечным, но невероятно жарким. Даже этим вечером, в большом концертном зале, куда стекалось огромное количество разодетых в фирменные платья, а также костюмы женщин и мужчин для того, чтобы посмотреть церемонию награждения победителей конкурса «Модный прорыв года», было необычайно душно.

Поскольку, после того, как полгода назад бывшего мэра нашего городка — Баринова Петра Николаевича арестовали за похищение человека и шантаж, серьезных конкурентов по части протеже высокопоставленных персон на конкурсе для Савелия не осталось, и он, проявив свой талант во всей красе, занял первое место. Дело Баринова до сих пор находится у следователя, процесс этот долгий и утомительный, но уже сейчас можно сказать, что шансов выйти сухим из воды у бывшего мэра почти не осталось, учитывая то, что арестован он был в аэропорту, в тот момент, когда собирался скрыться от нависшего над ним правосудия в теплых краях, унося за собой часть сворованного за время службы отчизне бюджета.

На торжественную церемонию мы приехали почти в полном составе: Мэнди с Пашей, я с Владом и даже непотопляемая Вика, которая не пропускала ни одного этапа конкурса, не сводя с Савелия глаз, однако наш модельер был неприступен к её ухищрениям, что только раззадоривало по уши влюбившуюся в него девушку. Дедуля с Афоней предпочли остаться дома. Коварный дед заявил, что теперь он считает своим долгом поженить нас с Токаревым, чтобы прекратить нашу жизнь «во грехе», после чего с чистой совестью съедет из коттеджа Влада в свою любимую квартиру, в которой чувствует себя как «рыба в воде». Личная жизнь Афанасия тоже наладилась: с Клёпой он всё же познакомился, и даже, с согласия хозяев, одарил её милыми маленькими черепашками.

Мэнди наплевала на условности и стала открыто встречаться со своим библиотекарем, чем жутко удивила своих друзей, не ожидавших от нее такого подвоха. После этой новости Эш напился валерьянки, а Тоня до сих пор никак не может свыкнуться с мыслью, что Мэнди перестала ходить по кладбищам, полностью посвятив себя изучению готической литературы с подачи Павла.

Наша жизнь с Владом за последние полгода тоже претерпела кардинальные изменения: не смотря на то, что Токарев стал важным человеком, мы почти перестали ругаться, ну если только из-за пустяков, как например нежелание мэра заводить в доме любую живность, как он выразился, кроме меня.

— Ты уже сказала деду? — прошептал мне Влад на ухо, поскольку мероприятие уже началось, и на сцену вышел известный киноактер для открытия церемонии награждения.

— Нет.

— Скажи.

— Нет!

— Почему?

— Хватит орать! Савелий скоро на сцене появится! — злобно зашипев, одернула нас Мэнди, к которой сию же минуту присоединился Павел, обвиняющий нас во всех смертных грехах.

Я стыдливо притихла, с укоризной глядя в глаза Влада, который, ничуть не смущаясь,

продолжал нашептывать мне разные провокационные вопросы.

— Когда то же придется сказать.

— Чем позже, тем лучше. Он нервничать будет, а в его возрасте это нехорошо.

— Да твой дед поумнее нас будет! — никак не мог успокоиться Токарев, сидящий рядом со мной в элитном темном костюме, сшитым на заказ, который делал мэра еще красивее, что аж дух захватывало. — Короче, как только вернемся в город, я ему сам расскажу.

— Не смей! — я откинула с лица упавшую на лоб вьющуюся прядь волос, гневно поправив складки на юбке длинного вечернего платья серебряного цвета, всем своим видом показывая, что я крайне сердита.

— Расскажу! И о свадьбе, и о ребенке! — последняя фраза вышла чересчур громкой, заставив друзей обернуться в нашу сторону.

— Свадьбе? — спросила Вика.

— Ребёнке?! — закричала Мэнди, чем привела кинозвезду на сцене в замешательство.

— Токарев! С тобой в разведку не пойдешь, — я обреченно посмотрела на Мэнди. — Да, через месяц мы женимся, а к Новому Году ждём спиногрыза.

— Ну шустры, — оценила нашу скорость развития отношений подруга, но тут всё её и наше внимание приковал Савелий, появившийся на сцене.

Он был так элегантен и красив, что от него было невозможно отвести взгляд. У Виктории даже рот приоткрылся от его вида, и отчасти мне даже стало её жаль, поскольку свидания с ней не входили в планы творческого бывшего соседа. Савелий получил не только первое место, но и модную «путевку в жизнь». С ним, как с победителем, заключил контракт известный модный дом, кроме того, его конкурсные модели были раскуплены столичными модницами в течение недели.

— Я так им горжусь! — не сумела я сдержать слов восхищения.

— Ты от темы то не уходи, — ворчливая Мэнди не собиралась от меня отставать.

— А мной ты не гордишься? — обиделся Токарев.

— С вами вообще невозможно разговаривать! — но меня уже никто не воспринимал всерьез, общаясь непосредственно друг с другом.

— Видишь, запыхтела как паровоз на полном ходу, — пожаловался Мэнди Владислав.

— Влад, не расстраивайся, это всё её... положение, — намекнула подруга, поглядывая на мой, пока еще плоский, живот.

— Да я, да я... — мой словарный запас иссяк, в то время как у друзей слова явно преобладали в избытке. — Когда вы вообще в друзья другу записаться успели?

— Ты, главное, не нервничай, тебе нельзя, — прошептал Влад, целуя меня в ушко.

Моя злость сразу угасла, уступая место сладкому ощущению счастья и любви. А вероломный разжигатель страсти, поцеловав еще раз, заключил:

— То ли еще будет, когда они про двойню узнают.

Больше книг на сайте - Knigolub.net